

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2026

Издается с 2002 г.
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:

Московский
педагогический
государственный
университет

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт:

rhema-journal.com

E-mail:

rhema.pema@gmail.com

Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ, Белый список)

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Педагогика

5.8.2. Теория и методика обучения
и воспитания

Филология

- 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Когнитивные науки

- 5.12.3. Междисциплинарные исследования
языка (филологические науки)

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

1.2026

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The Journal is included in the Unified
State Register of Scientific Publications
(USRSP, White List)

The journal is included in the list
of the leading peer-reviewed scholarly
journals the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian
Federation recommended to PhD
candidates and those working for their
habilitation who wish to publish
the results of their research.

The journal has been published
since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via:
rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; заведующий лабораторией типологической и теоретической лингвистики Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва; ведущий научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН, г. Москва

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь

Анастасия Алексеевна Герасимова – кандидат филологических наук; научный сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Государственного университета просвещения, г. Москва

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград

Алексей Александрович Коренев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Laboratory of Typological and Theoretical Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; leading researcher at the Department of Typology and Areal Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Executive secretary

Anastasia A. Gerasimova – PhD in Linguistics; researcher at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

Р.В. Ронько

Экспедиции диалектологического кружка НИУ ВШЭ
в деревни Западнодвинского района
Тверской области 9

М. Замбржицкая

Особенности реализации фонемы /в/
в говорах деревень Макеево и Пятиусово 21

В.Е. Моница

Интонация общего вопроса, незавершенности и переспроса
в говоре деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово 54

А.В. Анцупова

Пропуск предлога *в* в говорах деревень
Западнодвинского района Тверской области 78

М.С. Смолкина

Конкуренция относительных местоимений
который, кто, какой, что
в говорах деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово 99

М.В. Ермолова

-*Ши*-формы в говоре деревни Пятиусово:
синтаксис и грамматическая семантика 118

Р.В. Ронько

Вариативность и эволюция показателей форм глаголов
третьего лица настоящего времени
в говоре деревни Пятиусово (Западнодвинский район,
Тверская область) 133

С.А. Пономарева

Сингулятивы в говорах Западнодвинского района
Тверской области 162

Д.Ю. Никитенко

Акцентная система говора деревни Пятиусово:
существительные *а*-склонения 188

Contents

LINGUISTICS

R. Ron'ko

Expeditions of the dialectological study group
of the HSE University to the villages
of the Zapadnodvinsky district of the Tver region 9

M. Zambrhitskaia

Realization patterns of the phoneme /v/ in dialects
of Makeevo and Pyatiusovo villages 21

V. Monina

The phrase intonation of yes-no questions,
incompleteness and echo questions in the dialect
of the villages Shetnevo, Makeevo, and Pyatiusovo 54

A. Antsupova

Omission of the preposition *v* in the dialect
of the villages of the Zapadnodvinsky district
of the Tver region 78

M. Smolkina

The competition of the relative pronouns
kotoryj, kto, kakoj, chto in the dialects of the villages
of Shetnevo, Makeevo and Pyatiusovo 99

M. Ermolova

-*Shi*-forms in Piatiusovo: Syntax and grammatical semantics 118

R. Ron'ko

Variability and evolution of affixes
of third person present tense verb forms
in the dialect of the village of Pyatiusovo
(Zapadnodvinsky district, Tver region). 133

S. Ponomareva

Singulatives in the dialects of the Zapadnodvinsky district
of the Tver region 162

D. Nikitenko

The accentual system of the Pyatiusovo dialect:
a-declension nouns 188

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20

УДК 81-114.4

Р.В. Ронько

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация;
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук,
119019 г. Москва, Российская Федерация

Экспедиции диалектологического кружка НИУ ВШЭ в деревни Западнодвинского района Тверской области

Во вступительной статье к тематическому выпуску, посвященному грамматическим исследованиям в говоре нескольких деревень Западнодвинского района Тверской области, представлены основные лингво-географические сведения о говоре и описаны основные методологические принципы работы с материалом. Исследуемые говоры относятся к группе среднерусских акающих псковских говоров и соседствуют со смоленскими говорами, относящимся к южнорусскому наречию русского языка.

Ключевые слова: полевая лингвистика, диалектные корпуса, малые корпуса, псковские говоры, диалектология

Благодарности. Полевые исследования осуществлены в рамках программы «Открываем Россию заново» Фонда образовательных инноваций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор благодарит Арсения Владимировича Манусова за карту, использованную в тексте работы.

© Ронько Р.В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ронько Р.В. Экспедиции диалектологического кружка НИУ ВШЭ в деревни Западновинского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 9–20. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20

R. Ron'ko

HSE University,
Moscow, 105066, Российская Федерация;
Vinogradov Russian Language Institute of RAS,
Moscow, 119019, Russian Federation

Expeditions of the dialectological study group of the HSE University to the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region

In the introductory article to the thematic volume devoted to grammatical research on the speech of several villages, the main linguistic-geographical information about the dialect is presented, along with a description of the key methodological principles for working with the material. The dialects under study belong to the group of the Pskov dialects and border on the Smolensk dialects, which are part of the Southern Russian dialectal division of the Russian language.

Key words: field linguistics, dialectal corpora, Pskov dialects, Russian dialectology

Acknowledgments. We would like to thank Field work is conducted within the HSE Foundation for Educational Initiatives (“Rediscovering Russia” program).

The author thanks Arseniy Vladimirovich Manusov for providing the map used in the paper.

FOR CITATION: Ron'ko R. Expeditions of the dialectological study group of the HSE University to the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 9–20. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20

1. Западнодвинские говоры как объект исследования. География и лингвогеография

В настоящем выпуске журнала читатель познакомится с работами, посвященными разным лингвистическим явлениям в говоре деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области. Эти деревни относятся к двум очень близким кустам деревень, расположенным на расстоянии 25 километров друг от друга¹. Первый куст включает деревни Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково, Терехово и ныне не существующую деревню Осташково, где в 1952 г. проводилось исследование по Программе для сбора материала для Диалектологического атласа русского языка (далее – ДАРЯ). Работа преимущественно велась в деревнях Макеево (центр куста) и Шетнево. Второй куст состоит из деревень Пятиусово, Пахново, Коковкино и Каськово. Сейчас деревня Пахново не является жилой, в Коковкино только один коренной житель, а в Каськово местных жителей нет. Люди, рожденные в них, переехали в более крупные населенные пункты, например, в Пятиусово или в районные центры.

Согласно классической классификации русских говоров, представленной в работе К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой (1970), исследуемые идиомы относятся к псковской группе и находятся на ее юго-восточной границе в непосредственной близости от западных (смоленских) говоров. В типологической классификации Н.Н. Пшеничновой (1996, 2011), которая представляет собой первую основательную попытку диалектометрии русских говоров на материале ДАРЯ, оба куста деревень располагаются в пограничном кластере говоров P21P, близком к кластеру «южнопсковских говоров»². Переходность говора также видна на градиентных картах, полученных разными диалектометрическими методами в работах последнего времени [Marchenko, 2023; Кузьмина, Манусов, 2024; Марченко, Ронько, 2025].

На карте представлено положение западнодвинских говоров в пространстве восточнославянских диалектов (рис. 1). Тонкими белыми линиями отмечены границы говоров, соответствующие наиболее значимым единицам диалектного членения восточнославянских языков [Захарова, Орлова, 1970; АУМ; ДАБМ]. Яркая светлая точка к западу

¹ Под кустом мы понимаем близко расположенные деревни, которые связаны друг с другом родственными и культурными связями. Предполагается, что внутри куста носители обладают одним говором.

² Южнопсковские говоры (по классификации Н.Н. Пшеничновой) хорошо описаны в литературе, прежде всего по материалам Псковского областного словаря [ПОС], грамматические черты говоров вокруг города Опочка описаны в разных работах, см., например [Дьяченко и др., 2018; Ронько, 2020].

от Москвы (цифра 3 на карте) соответствует изучаемым кустам деревень. Изменением градиента показана близость говора к другим: чем интенсивнее светлый оттенок, тем ближе сходство с изучаемыми говорами. Карта построена на основании изоглосс, вошедших в национальные атласы восточнославянских языков, рассмотренных в серии сборников «Восточнославянские изоглоссы» [ВСИ] и представленных в базе данных «Банк диалектологических карт»³. Диалектометрия, лежащая в основе карты, выполнена и подробно описана в работе А.С. Кузьминой и А.В. Манусова (2025). Наиболее близкими к западновинским являются южные говоры псковской группы (особенно юго-восточные, соответствующие по классификации Н.Н. Пшеничновой кластеру P21P), а также западные (смоленские) Жарковского района Тверской области.

Наиболее подробное грамматическое описание диалекта деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово, Степаньково дано в грамматическом очерке [Ронько и др., 2023], сведения о лексике можно найти в работе [Ронько и др., 2024]. В базе данных ДАРЯ⁴ представлены сведения, собранные в 1952 г. в деревне Осташково по упомянутой выше Программе. Материалы западновинских говоров стали основой или привлекались для целого ряда курсовых, дипломных и магистерских работ, также на их базе опубликован целый ряд статей⁵. Несмотря на принадлежность к псковским говорам, а также историческую причастность изучаемой местности к Псковской земле, данные об этих кустах деревень не содержатся в Псковском областном словаре [ПОС]. Однако в нем есть сведения о довольно близких говорах Торопецкого района (см. состав словаря [Там же, т. 1, с. 6]).

«Пограничность» рассматриваемого идиома видна в отдельных ключевых элементах системы. Так, исключительно важная для традиционных классификаций [Дурново, Соколов, Ушаков, 1915; Захарова, Орлова, 1970] реализация гласного звука в предударном слоге после твердого согласного, по данным ДАРЯ, имеет в говоре два варианта: совпадение фонем неверхнего подъема в [a] (сильное аканье), характерное для псковских говоров (и литературного языка), а также совпадение в [a] перед ударенными *и, у, о, э* и не-[a] перед ударенным [a] (диссимилятивное аканье жиздринского типа). Нами следов диссимилятивной системы жиздринского типа обнаружено не было, однако недавнее ее присутствие является важным фактом для описания.

³ Манусов А.В., Кузьмина А.С., Ронько Р.В. Банк диалектологических карт. 2024. URL: <http://dm.ruslang.ru/> (дата обращения: 11.12.2025).

⁴ Марченко И.А., Долгов О.Н., Азанова А.С. и др. База данных диалектологического атласа русского языка. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 11.12.2025).

⁵ С полным списком работ можно ознакомиться на экспедиционной странице сайта диалектологического кружка: https://dialectologicalstudygroup.github.io/site/expeditions.html#zapadnaya_dvina

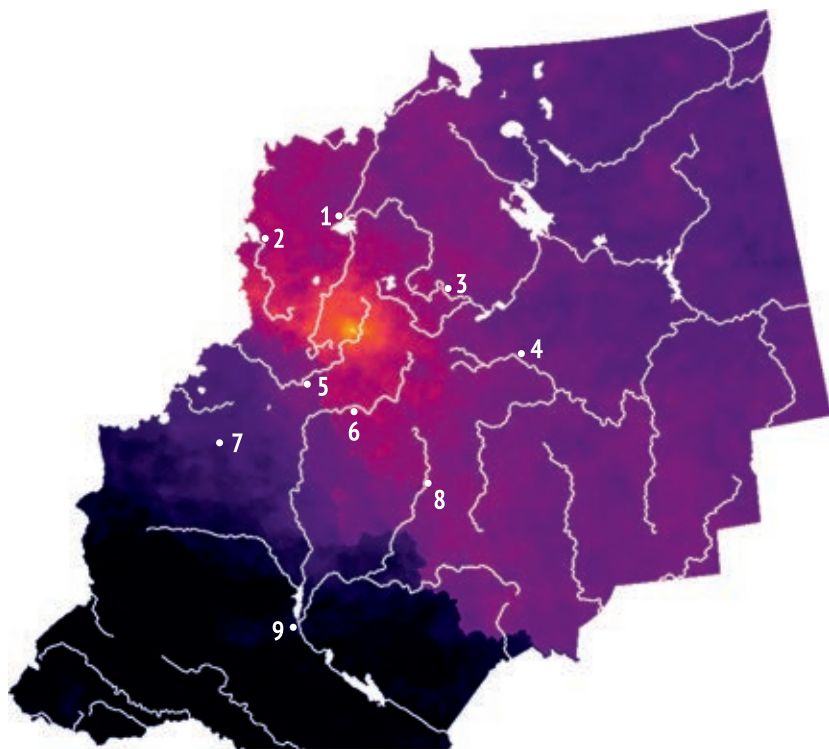

Рис. 1. Западнодвинские говоры на восточнославянском диалектном пространстве

Цифрами обозначены города: 1 – Великий Новгород; 2 – Псков; 3 – Торжок; 4 – Москва; 5 – Витебск; 6 – Смоленск; 7 – Минск; 8 – Брянск; 9 – Киев

Яркая светлая точка на карте соответствует расположению кустов деревень с изучаемыми говорами. Изменением градиента показана близость изучаемых говоров к другим: чем интенсивнее светлый оттенок, тем больше сходство

Fig. 1. Dialects of Zapadnodvinskij district in the East Slavic dialectal space

The numbers indicate cities: 1 – Veliky Novgorod; 2 – Pskov; 3 – Torzhok; 4 – Moscow; 5 – Vitebsk; 6 – Smolensk; 7 – Minsk; 8 – Bryansk; 9 – Kyiv

The bright light dot on the map corresponds to the location of the villages with the studied dialects. The gradient changes to indicate the proximity of the studied dialects to others: the more intense the light shade, the greater the similarity

В грамматике одной из интересных черт, тяготеющих скорее к западным (по классификации Захаровой и Орловой) и белорусским говорам, выступает, например, способ выражения экспериенсера при предикатах

боли: в белорусских говорах при глаголе *болеть* местоимение 1 л. ед. ч. выражено Д. п., а в русских, как правило, конструкцией с предлогом у и Р. п. В западновинских говорах в этом фрагменте системы наблюдается вариативность, как в следующих примерах:

- (1) *А потом мне уши заболели* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)
- (2) *Болят у меня ноги* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ЛНТ1953)

2. Методологические особенности и способы представления материала в тематическом выпуске

Основная методология, объединяющая сборник, – корпусная. Исследователи работали с двумя корпусами, предварительно созданными для каждого из кустов деревень: корпус говора деревни Пятиусово⁶ и корпус говоров деревень Шетнево и Макеево⁷. Они находятся в коллекции Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ и открыты для пользователей. В корпусах тексты даны в записи, которую можно охарактеризовать как компромисс между стандартной орфографией и грамматикой говора. В этих корпусах не отражены особенности фонетики, но даны избранные морфосинтаксические черты. Основное следствие такого подхода – необходимость переслушивать каждый пример, попавший в выборку. Исследователь с помощью запроса выбирает из корпуса все нужные формы, а потом, прослушивая каждый пример, определяет, как они звучат на самом деле.

Вторая важная особенность – корпусная работа с малыми выборками. На данный момент в корпусе говоров деревень Шетнево и Макеево содержится 95 395 словоформ (117 875 вместе с репликами интервьюеров), а в Пятиусовском корпусе 96 537 словоформ (105 809 вместе с репликами интервьюеров). В большинстве представленных исследований сделана попытка статистической обработки данных, учитывающая эту проблему.

⁶ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

⁷ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#/> (дата обращения: 21.03.2025).

Важной частью диалектологии почти любого языка является изучение вариативности. Каждая диалектная система на территории России находится во взаимодействии с литературным языком и с диалектными системами другого типа, это взаимодействие порождает множество процессов, которых является необходимой частью грамматического описания диалекта. Одной из сильных сторон изучаемых малых корпусов является доступность метаданных: пользователь легко извлекает социолингвистическую информацию о носителе говора, от которого получен текст. Эта особенность сделала в некотором смысле необходимым социолингвистический подход к каждой из проблем, который прослеживается в большинстве представленных статей.

Сентенциальные примеры подаются так, как представлены в корпусах. В случае, если в корпусе изучаемое диалектное явление представлено в стандартной орфографии, исследователь модифицирует корпусную запись. В примере (3) в глаголе содержится диалектное окончание, однако это можно узнать только при прослушивании. В корпусе такой пример подан следующим образом:

- (3) *Там возили туда. А сейчас они не **держат*** (Корпус говора деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В статье он будет выглядеть вот так:

- (4) *Там возили туда. А сейчас они не **держуть**.* (Корпус говора деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Во всех статьях указаны методы извлечения материала из корпусов, в том числе теги, по которым осуществлялся поиск, и структура CQL запроса. Так, например, чтобы извлечь из корпуса все причастия на *-вши*, используется CQL запрос [(word=.*(вши)%(с))]. После этого необходимо удалять из корпусной выдачи все ненужные контексты. В обоих корпусах содержатся расшифровки текстов, что позволяет исследователю и читателю, желающему верифицировать утверждения автора, проверить наличие искомых форм вручную. Корпуса периодически пополняются, в списках литературы и источников авторы указывают актуальную дату использования корпуса.

Кроме корпуса авторы статей привлекают материалы из собственных полевых записей. Эти материалы требуются для иллюстрации важных примеров, не попавших в корпус. Подача материала, релевантного для исследований просодии, акцентологии, фонетики и фонологии, остается на усмотрение авторов статей.

3. Структура тематического выпуска

Сборник открывается статьей М.С. Замбрицкой, которая посвящена позиционным реализациям фонемы /в/.

Статья В.А. Мониной «Интонация общего вопроса, незавершенности и переспроса в псковском говоре сел Шетнево, Макеево и Пятиусово» продолжает ряд исследований последнего времени, сфокусированных на интонационных различиях русских говоров. Идеология предложенного подхода к интонации отображена в серии статей последнего времени (см, например [Князев, Дьяченко, 2023, 2025]).

Дальше следует блок статей, посвященных морфосинтаксису: статья А.В. Анцуповой «Пропуск предлога *в* в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области», статья М.С. Смолкиной «Конкуренция относительных местоимений в говорах деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово» и статья М.В. Ермоловой «*-Ши* причастия в говоре деревни Пятиусово: синтаксис и грамматическая семантика».

В статье Р.В. Ронько «Вариативность и эволюция форм глаголов третьего лица настоящего времени в говоре деревни Пятиусово» анализируется характер изменений в глагольной парадигме, статья С.А. Пономарёвой «Сингулятивы в говорах Западнодвинского района Тверской области» рассматривается продуктивность одной диалектной словообразовательной модели и семантические особенности суффикса *-ин*.

Работа Д.Ю. Никитенко представляет собой акцентологическое исследование *а*-основ в говоре деревни Пятиусово.

4. Экспедиции диалектологического кружка НИУ ВШЭ

Представленные в выпуске журнала работы – результат полевых исследований диалектологического кружка НИУ ВШЭ 2021–2025 гг. На протяжении пяти лет в экспедициях участвовали студенты, аспиранты и преподаватели университета. Приведу хронологию экспедиций. В январе 2021 г. состоялся первый выезд, в котором мы с Марией Холодиловой сделали записи трех информантов в деревне Шетнево. Автор текста в дальнейшем руководил и участвовал во всех перечисленных ниже экспедициях, кроме ноябрьской 2023 г.

2021 г., деревня Шетнево: Анна Азанова, Зоя Бутенко, Мария Замбрицкая, Игорь Марченко, Денис Мочульский, Алёна Цейтина.

2022 г., деревня Терехово: Анна Азанова, Арсений Анисимов, Екатерина Войтович, Екатерина Заливина, Мария Замбрицкая, София Землянская, Игорь Марченко, Денис Мочульский.

2023 г., деревня Терехово: Анна Азанова, Арсений Анисимов, Екатерина Войтович, Мария Ермолова, Екатерина Заливина, Мария

Замбржицкая, Анастасия Кузьмина, Арсений Манусов, Игорь Марченко, Денис Мочульский и Марина Смолкина.

2023 г., ноябрь, деревня Каськово: Екатерина Войтович, Денис Мочульский, Марина Смолкина, Полина Третьякова.

2024 г., деревня Каськово: Эльвира Агеева, Анастасия Анцупова, Анна Азанова, Полина Гумерова, Анастасия Кузьмина, Арсений Манусов, Вера Мони́на, Марина Смолкина.

2025 г., деревня Каськово: Асе́ма Аска́рова, Эльвира Агеева, Мария Замбржицкая, Светлана Земичева, Анастасия Кузьмина, Данила Никитенко, Арсений Манусов, Фёдор Плешаков, Светлана Пономаре́ва и Марина Смолкина.

Участники экспедиций сосредоточены на двух типах деятельности. Во-первых, сбор и расшифровка диалектных текстов. Основным результатом этой деятельности в этом случае являются устные корпуса говоров. Во-вторых, опрос по анкетам и лингвистический эксперимент. Каждый участник экспедиции разрабатывает конкретную тему, которая представляет собой фрагмент грамматики говора. Важную составляющую процесса представляют собой экспедиционные семинары, где разрабатываются решения, связанные с анализом материала, конвенции записи диалектных текстов, обсуждаются теоретические проблемы русской диалектологии и собственно грамматика конкретного говора.

5. Благодарности

Этот тематический выпуск был бы невозможен без помощи многих людей, которые оказывали самую разную помощь на каждом этапе работы. Полевые исследования удалось осуществить в рамках учебных и исследовательских программ Школы лингвистики (2021) и благодаря программе «Открываем Россию заново» Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ (2022–2025).

Размещение экспедиции в домах в деревнях Терехово и Шетнево стало возможно благодаря гостеприимству Татьяны Юрьевны Кудрявцевой. Экспедиция в деревню Каськово стала возможна благодаря Юлии Витальевне Гореловой и Ивану Витальевичу Рекубракскому. Хотелось бы выразить признательность Лидии Зобовой, которая существенно помогла с документами, необходимыми при подготовке экспедиций при поддержке Фонда «Открываем Россию заново».

Главная благодарность отводится нашим консультантам – деревенским жителям, которые соглашались с нами разговаривать: Зинаиде Ивановне Степановой, Галине Ивановне Петровой, Лидии Николаевне Тройчук, Анне Петровне Богдановой, Валентине Николаевне Кузнецовой, Зинаиде Ивановне Титовой, Петру Васильевичу Васильеву и многим другим.

Библиографический список / References

АУМ, 2001 – Атлас української мови. Ч. I. Київ, 1984; Ч. II. Київ, 1988; Ч. III. Київ, 2001. [Atlas ukrains'koj movy [Dialectal atlas of the Ukrainian language]. Part I. Kiev, 1984; Part II. Kiev, 1988; Part III. Kiev, 2001.]

ВСИ – Восточнославянские изоглоссы / отв. ред. Т.В. Попова. М., 1995; Вып. 2. М., 1998; Вып. 3. М., 2000; Вып. 4. М., 2006. [Vostochnoslavjanskije izoglossy [East Slavic isoglosses]. T.V. Popova (ed.). Moscow, 1995; Issue 2. Moscow, 1998; Issue 3. Moscow, 2000; Issue 4. Moscow, 2006.]

ДАБМ, 1963 – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / под ред. Р.И. Аванесова, Ю.Ф. Мацкевича. Мн., 1963. [Dyyalektalagichny atlas belaruskaj movy [Dialectal atlas of the Belorussian language]. R.I. Avanesov, Yu.F. Matskevich (eds.). Minsk, 1963.]

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III. Ч. 1. Лексика. М., 1997. Ч. 2. Синтаксис и лексика. М., 2004. [Dialektologicheskij atlas russkogo jazyka: Centr Evropejskoj chasti SSSR [Dialectal atlas of Russian language: Center of European part of SSSR]. R.I. Avanesov, S.V. Bromley (eds.). Issue I. Phonetics. Moscow, 1986; Issue II. Morphology. Moscow, 1989; Issue III. Part 1. Lexical system. Moscow, 1997. Part 2. Syntax and lexicon. Moscow, 2004.]

Дурново и др., 1915 – Опыт диалектологической карты русского языка в Европе: с прил. очерка русской диалектологии. Труды Моск. диалектол. комиссии. Вып. 5. М., 1915. [Opyt dialektologicheskoy karty russkogo jazyka v Evrope: s pril. ocherka russkoj dialektologii [An attempt at a dialectological map of the Russian language in Europe: With an appendix of an essay on Russian dialectology]. Proceedings of the Moscow Dialectological Commission. Issue 5. Moscow, 1915.]

Дьяченко и др., 2018 – Экспедиция в Опочецкий район Псковской области / С.В. Дьяченко, Е.Г. Жидкова, А.В. Малышева и др. // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36 (2). С. 257–312. [Dyachenko S.V., Zhidkova E.G., Malysheva A.V. et al. Expedition to the Opochetsky District of the Pskov Region. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2018. No. 2 (36). Pp. 257–312. (In Rus.)]

Князев, Дьяченко, 2023 – Князев С.В., Дьяченко С.В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Ч. II. Псковские говоры // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 44–60. [Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Melodic contour of yes-no question in a Western Middle-Russian dialect with akan'je. Part II: Pskov dialect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2023. No. 2. Pp. 44–60. (In Rus.)]

Князев, Дьяченко, 2025 – Князев С.В., Дьяченко С.В. Южнорусская интонация: восток – запад // Slověne. 2025. Т. 14. № 1. С. 229–276. [Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Southern Russian intonation: East vs. West. *Slověne*. 2025. Vol. 14. No. 1. Pp. 229–276. (In Rus.)]

Кузьмина, Манусов, 2024 – Кузьмина А.С., Манусов А.В. Диалектометрический подход к диалектной классификации восточнославянских языков на материале сборника «Восточнославянские изоглоссы» // Вопросы языкового

родства. 2024. Т. 22. № 3–4. С. 342–366. [Kuzmina A.S., Manusov A.V. Dialectometric approach to the dialect classification of East Slavic languages based on the collection “East Slavic isoglosses”. *Voprosy yazykovogo rodstva*. 2024. Vol. 22. No. 3–4. Pp. 342–366. (In Rus.)]

Марченко, Ронько, 2025 – Марченко И.А., Ронько Р.В. Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25 / отв. ред. М.Н. Толстая, Д.Ю. Ващенко; науч. ред. М.Н. Саенко. Т. 25. М., 2025. С. 236–260. [Marchenko I.A. Ron’ko R.V. Dialect differences between East and West based on Data from the Dialectological Atlas of the Russian Language: Results of multidimensional scaling. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*. Vol. 25. M.N. Saenko (ed.). Moscow, 2025. Pp. 236–260. (In Rus.)]

Захарова, Орлова, 1970 (2004) – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка: учебное пособие для педагогических вузов. 2-е изд., стер. М., 2004. [Zacharova K.F., Orlova V.G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [Dialectal division of Russian language]. Moscow, 2004.]

Пшеничникова, 1996 – Пшеничникова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996. [Pshenichnova N.N. Tipologiya russkix govorov [Typology of Russian dialects]. Moscow, 1996.]

Пшеничникова, 2008 – Пшеничникова Н.Н. Лингвистическая география. М., 2008. [Pshenichnova N.N. Lingvisticheskaya geografiya [Linguistic geography]. Moscow, 2008.]

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27. Л.; СПб., 1967–2017. [Pskovskii oblastnoi slovar s istoricheskimi dannymi [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–27. Leningrad; St. Petersburg, 1967–2017.]

Ронько, 2020 – Ронько Р.В. Материалы экспедиции 2019 года в Опочецкий район Псковской области: тексты с комментарием // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36 (2). С. 234–258. DOI: 10.31912/rjano-2020.1.11 [Ron’ko R.V. Expedition to Opochka district of the Pskov region in 2019: Texts and a brief commentary. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2020. No. 2 (39). Pp. 257–312. (In Rus.). DOI: 10.31912/rjano-2020.1.11]

Ронько и др., 2023 – Ронько Р.В., Азанова А.С., Анисимов А.Д. и др. Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 216–262. DOI: org/10.31912/rjano-2023.1.11 [Ron’ko R.V., Azanova A.S., Anisimov A.D. et al. The dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Terechovo and Stepan’kovo of the Zapadnodvinskij district, Tver region. A grammar sketch and field notes. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2023. No. 2 (39). Pp. 257–312. (In Rus.). DOI: org/10.31912/rjano-2023.1.11]

Ронько и др., 2024 – Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного псковского говора / Р.В. Ронько, А.Д. Анисимов, Е.А. Заливина, С.А. Землянская // Вопросы языкознания. 2024. № 4. С. 27–44. [Ron’ko R.V., Anisimov A.D., Zalivina E.A., Zemlyanskaya S.A. Lexical change in Russian

dialects: The case of one Pskov dialect. *Voprosy jazykoznanija*. 2024. No. 4. Pp. 27–44. (In Rus.)]

Marchenko, 2023 – Marchenko I.A. Bulding a classification of Russian dialects using multidimensional scaling. 2023. Preprint. URL: https://www.academia.edu/106488868/Bulding_A_Classification_of_Russian_Dialects_Using_Multidimensional_Scaling (date accessed: 12.03.2025).

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Ронько Роман Витальевич – кандидат филологических наук; доцент Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; научный сотрудник отдела диалектологии и лингвистической географии, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Roman V. Ron'ko – PhD in Linguistics; associate professor at the School of Linguistics, HSE University, Moscow; research fellow at the Department of Dialectology and Linguogeography, Vinogradov Russian Language Institute of RAS, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8181-1643>

E-mail: romanronko@gmail.com

М.С. Замбржицкая

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Особенности реализации фонемы /в/ в говорах деревень Макеево и Пятиусово

В статье описаны особенности реализации фонемы /в/ в говорах деревень Макеево и Пятиусово, принадлежащих к псковской диалектной группе. Описываются распределения аллофонов [в], [ф], [w], [y] в позициях начала, середины и конца слова, перед гласными и согласными, отдельно для позиции предлога и позиции внутри слова. Предложена единая схема разметки контекстов, в которой учитываются параметры позиции, звонкости, огубленности и мягкости. Говор деревни Макеево демонстрирует устойчивое преобладание [w]; говор Пятиусово подвержен большему влиянию литературной нормы – характернее тенденция к оглушению предлога или сохранению фрикативного [в] в сравнении с говором деревни Макеево.

Ключевые слова: лингвистика, диалектология, диалектная фонетика, фонология, псковские говоры, фонема /в/, аллофон [w], предлог в

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 25-00-019 «Корпусное и ареальное изучение восточнославянских диалектов» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”».

Выражаю благодарность моей коллеге Екатерине Заливиной за ценные консультации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Замбржицкая М.С. Особенности реализации фонемы /в/ в говорах деревень Макеево и Пятиусово // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 21–53. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-21-53

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-21-53

M. ZambrzhitskaiaHSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

Realization patterns of the phoneme /v/ in dialects of Makeevo and Pyatiusovo villages

The article describes the realization of the phoneme /v/ in dialect clusters of villages near Makeevo and Pyatiusovo belonging to the Pskov group. The data come from corpus and field materials. We describe the distributions of allophones [v], [f], [w], [u] across word-initial, medial, and final positions, before vowels and consonants, and in the preposition *v*. A unified context-annotation scheme is proposed, accounting for position, voicing, rounding, and palatalization. The Makeevo dialect shows a stable predominance of [w]; Pyatiusovo dialect shows stronger standard influence, more often devoicing the preposition or retaining fricative [v] than in Makeevo dialect.

Key words: linguistics, dialectology, phonetics, dialect phonetics, phonology, Pskov dialects, phoneme /v/, allophone [w], preposition *v*

Acknowledgments. The publication was prepared in the course of conducting research No. 25-00-019 “Corpus and areal study of East Slavic dialects” within the framework of the Program “Scientific Foundation of the HSE University”.

I am grateful to my colleague Ekaterina Zalivina for all theoretical consultations.

FOR CITATION: Zambrzhitskaia M. Realization patterns of the phoneme /v/ in dialects of Makeevo and Pyatiusovo villages. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 21–53. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-21-53

1. Введение

В стандартном русском языке фонема /в/ обычно реализуется как [в] ([вална́]) или [ф] ([афтóбъ°с]), в редких случаях в местах ассимиляции по месту и способу образования – [w] ([тра́ммпýнкт]). Однако в некоторых диалектных системах, в частности, в псковской и смоленской группах говоров, дела обстоят иначе: аллофон [w] на исследуемых

территориях используется гораздо чаще и не только в местах ассимиляции ([kárɔw], [warp'út'], [dawál'ъ]). Помимо этого, в этих группах говоров встречается аллофон [y], реализующийся в предлоге в ([уклѹб'ъ]). Также (чаще в смоленской группе) предлог в может быть реализован как ув, уа или uw, uwa. Однако в говорах исследуемых населенных пунктов такой вариант реализации предлога не встречается. Основные вопросы исследования заключаются в следующем: какая система реализации фонемы /в/ лежит в основе исследуемых говоров? Как часто и в каких именно позициях встречаются аллофоны [w] и [y], каково их распределение относительно [в] и [ф]? Для ответа на эти вопросы необходимо выявить параметры, по которым носители говора выбирают аллофон. Таким образом, настоящая работа посвящена исследованию и выявлению особенностей реализации фонемы /в/ в говорах кустов деревень, в центре которых располагаются деревни Макеево и Пятиусово. Исследуемые говоры принадлежат псковской группе говоров (более подробное лингвогеографическое описание говоров представлено во вступительной статье настоящего тематического выпуска [Ронько, 2026]). Поскольку говоры обеих деревень пока не были описаны, в этой работе мы также сравним их системы между собой.

Такие реализации фонемы /в/ встречаются в ряде групп русских говоров, а также в белорусских и украинских говорах. В литературе нет единого стандарта описания фонетических контекстов для аллофонов /в/. Разные исследования учитывают неодинаковые параметры: например, анализ может ограничиваться меньшим набором позиций, а правый контекст – рассматриваться с разной степенью детализации. Это затрудняет прямое сопоставление результатов.

В результате такого разнообразия систем сбора и анализа данных в каждой из которых есть хотя бы один параметр, который отсутствует в другой системе, довольно трудно увидеть общее распределение качественных реализаций, а также не представляется возможным оценить, какие из фонетических контекстов могут влиять на выбор диалектными носителями варианта реализации фонемы /в/. Поэтому мы попытались создать унифицированную методологию, в которой будут учитываться все потенциально значимые фонетические контексты, влияющие на выбор аллофона.

Диалектологический атлас русского языка (далее ДАРЯ) – единственный источник, на основе которого можно получить унифицированные сведения о том, как реализуется /в/ в русских говорах [ДАРЯ, т. I, карты 56–59]. Однако в ДАРЯ выделено ограниченное количество фонетических контекстов, по которым были собраны данные, а именно – перед согласным в начале слова, перед согласным в середине слова

и на конце слова. Для каждого фонетического контекста предусматривалось 3 допустимых варианта реализации: [w], [ǰ] и [y]. В некоторых работах описаны фонетические различия между звуками [w] и [ǰ]: [ǰ] произносится с немного вытянутыми в трубочку губами, в случае со звуком [w] такой огубленности нет [Касаткин и др., 1989, с. 59]; [ǰ] чуть более вокализован, чем [w] [Шаульскийкий, Князев, 2005, с. 15]. Принимая во внимание, что данные ДАРЯ собирались в 1946–1966 гг. по унифицированной программе (1947) и методическим указаниям (1957), что указывает на сбор данных перцептивно, было принято решение в настоящей работе считать реализации [w] и [ǰ] одним звуком.

По данным ДАРЯ, аллофон [w] и/или [y] на месте твердого [в] встречаются на территории Псковской, Тверской (Торопецкий и Западнодвинские районы), Новгородской, Смоленской, Калужской, Тульской, Курской, Орловской, Воронежской, Рязанской, Брянской и Белгородской областей [ДАРЯ, т. I, карты 56–59]. В соответствии с классификацией К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой эти территории соответствуют следующим диалектным группам: гдовская группа, новгородская группа, псковская группа, западная группа, верхне-днепровская группа, верхне-деснинская, межзональные говоры типа «А», тульские говоры, оскольские говоры и ливно-елецкие говоры (объединяющиеся в межзональные говоры типа «Б» курско-орловские говоры, рязанские говоры) [Захарова, Орлова, 1970]. В каждой из групп наблюдается разное распределение реализаций по фонетическим позициям. В таблице 1 суммируются данные, представленные в ДАРЯ. Столбцы – диалектная группа согласно классификации К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, а строки – фонетическая позиция и тип реализации. Знаком «+» отмечено наличие признака, знаком «–» – его отсутствие.

Исследуемая в настоящей работе территория относится к псковской группе говоров и находится на ее юго-восточной границе в непосредственной близости от западных (смоленских) говоров [Там же]. Для выявления потенциально значимых параметров для унифицированной методологии и полного построения ожиданий о поведении фонемы /в/ в говорах исследуемых деревень мы объединили информацию из ДАРЯ с данными предыдущих исследований по интересующему нас говору.

В русских говорах, согласно [Касаткин и др., 1989, с. 58–59], на месте исследуемой фонемы /в/ наблюдается вариативность в позициях перед гласной, перед согласной и в конце слова. Эта вариативность может также распространяться и на парадигму слова (пример: тра[в]а, но тра[w]). Таким образом, система [в/w] получила несколько вариантов развития в результате внешнего влияния на нее системы [в/ф] в диалектах.

Таблица 1

Распределение реализации фонемы /в/ по диалектным группам
[Distribution of /v/ phoneme realizations across dialect groups]

Признак [feature]	Гдовская группа [Gdov dialects]	Новгородские говоры [Novgorod dialects]	Псковская группа [Pskov dialects]	Селигеро-торжковские говоры [Seliger-Torzhek dialects]	Западная группа [Smolensk dialects]	Верхне-днепровская группа [Upper-Dnepr dialects]	Верхнедеснинская группа [Upper-Desna dialects]	Межональный тип А [Intezone dialects type A]	Межональные говоры типа Б [Intezone dialects type B]	Курско-орловские говоры [Kursk-Oryol dialects]	Восточные [Ryazan dialects]	Восточные среднерусские акающие [Eastern Middle Russian (subgroups A, B, V)]
в перед согласным в середине слова [[w] in word-internal preconsonantal position]	—	—	+	—	+	+	—	—	+	+	+	—
ў перед согласным в середине слова [[u] in word-internal preconsonantal position]	—	+	+	+	+	+	—	+	—	—	+	—
в перед согласным в начале слова [[w] in word-initial preconsonantal position]	—	+	+	+	+	+	—	—	—	—	+	—
ў перед согласным в начале слова [[u] in word-initial preconsonantal position]	—	—	+	+	+	+	—	+	+	—	+	—
у перед согласным в начале слова [[u] in word-initial preconsonantal position]	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—
в на конце слова [[w] in word-final position]	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—
ў на конце слова [[u] in word-final position]	+	—	+	+	—	—	—	+	+	+	+	—

1. Изменение места звукообразования, артикуляции, но сохранение звонкости звука.

2. Сохранение места образования, артикуляции, но изменение звонкости звука.

3. Изменение как места образования, артикуляции, так и звонкости звука.

4. В интервокальной позиции рядом с лабиализованными гласными ([o] и [y]) следует ожидать потери реализации типа [w].

В настоящее время в диалектах, в системе которых есть аллофоны [w] и [y] фонемы /в/, происходят изменения в результате влияния как литературной нормы, так и диалектов с реализацией только губно-зубного образования. Вследствие такого влияния в этих диалектах фиксируется тенденция к замене [w] губно-зубным вариантом, и степень замещения имеет разную интенсивность [Васильева, 1977, с. 127]. Более того, степень замещения, согласно работе А.К. Васильевой, происходит непосредственно по фонетическим позициям, по-разному в каждом говоре, потому в одной группе говоров могут отсутствовать аллофоны [w], [y] в одной позиции, а в другой группе замещение произошло на другой фонетической позиции. Из общих изменений можно выделить следующие позиции, наиболее подверженные замене губно-губной артикуляции губно-зубной:

1) перед нелабиализованными гласными (также отмечается, что в настоящее время в этой позиции замена практически полностью произошла);

2) перед согласными и на конце слова;

3) при мягкой реализации переход [w] на [в] фиксируется чаще, чем при твердой;

4) в позиции перед согласным в начале слова следует ожидать реализацию [y].

Следовательно, потенциально значимыми параметрами выбора аллофона является характер соседнего согласного (глухость/звонкость) и гласного (лабиализованность/нелабиализованность), в особенности в интервокальной позиции. Также в работе мы проверим, действительно ли при мягкой реализации переход [w] на [в] будет встречаться чаще, чем при твердой.

Стоит отметить, что в тех диалектах, где произошло замещение сонорного губно-губного губно-зубным спирантом, звонкий губно-зубной согласный часто не ассимилируется по глухости-звонкости регрессивно, поэтому встречаются примеры, где [в] не оглушается перед глухим [к] (пример: коро[в]ка). Это является прямым следствием процесса вытеснения губно-зубным [в] губно-губного [w]: [в] пусть и вытеснил

[w] в определенных контекстах, признаки и свойства последнего (изначального звука) сохраняются, в данном случае сохраняется сонорность. Это поможет нам проанализировать, происходит ли такой процесс вытеснения на исследуемой территории.

В ДАРЯ не представлены данные по говорам исследуемых деревень. Чтобы составить более точное представление и ожидание об исходной системе исследуемых говорах, обратимся к данным говора деревни Осташково, находящейся в непосредственной близости к деревням Макеево и Пятиусово [ДАРЯ, т. I, карты 56–58]. В позиции конца слова можно встретить аллофоны [w], [v] и [f], перед согласным в начале и середине слова – [w], [v] и [y] (а перед глухим согласным еще и [ф]). Также известно, что в кусте деревень близ деревни Макеево, расположенном на границе псковской группы говоров и смоленских говоров, во внутрисловных позициях (а именно: перед гласным в начале слова, перед согласным в начале слова, перед гласным в середине слова и перед согласным в середине слова) аллофон [w] встречается вдвое чаще, чем [v]. В позициях конца слова и интервокальной аллофон [w] превалирует. Аллофон [y] во внутрисловной позиции встречен только в двух словах: *вкусно* (лук'уснь) и *вчера* (лuch'ира́). В предложной позиции аллофон [v] практически не встречается, в позиции перед согласным наиболее частотен аллофон [y]. Известно, что в говоре данной деревни встречается периодическое оглушение звука [v] в [ф] в позициях перед глухим согласным, хотя это явление не является систематическим [Замбрицкая, 2022].

Дальнейшее изложение структурировано следующим образом: в разделе 2 представлена методология исследования, в разделе 3 последовательно представлены данные по материалам корпуса деревень Шетнево и Макеево во внутрисловной позиции и данные по материалам корпуса деревни Пятиусово во внутрисловной позиции; в каждом блоке отдельно рассматривается параметр мягкости. В разделе 4 последовательно описаны данные по материалам корпуса деревень Шетнево и Макеево в позиции предлога и данные по материалам корпуса деревни Пятиусово в этой же позиции. В разделе 5 представлено заключение, в котором описательно попарно по каждой позиции сравниваются распределения аллофонов в исследуемых говорах.

2. Методология

При составлении разметки важно было учесть все контексты, которые рассматриваются в грамматиках и в описаниях каждого из говоров, чтобы не потерять данные об особенностях реализации ни в одной

из исследуемых зон. Поэтому фонема /в/ будет рассматриваться в двух условиях: в составе слова (таблицы 2, 3) и изолированно, когда фонема /в/ выступает в позиции предлога *в* (на этом моменте необходимо оговорить, что в настоящей работе не будут рассматриваться контексты, в которых произошла замена предлога *у* на *в* в результате омонимичного произношения, т.к. такое языковое явление может вести себя по-другому, что отразится на чистоте данных и результатах) (таблицы 4, 5).

Таблица 2

**Использованные для разметки контексты говора
деревни Пятиусово во внутрисловной позиции**
[Within-word contexts used for annotation
in the Pyatiusovo village dialect]

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
августе	0	1	0	0
баранов	0	1	0	0
борщевик	0	1	0	0
бывает	0	1	0	0
бывало	0	2	0	0
великих	0	1	0	0
вам	1	0	0	0
вас	1	0	0	0
вез	1	0	0	0
вели	1	0	0	0
вернулся	1	0	0	0
вечер	1	0	0	0
взяли	1	0	0	0
видели	0	1	0	0
вкус	0	0	1	0
вкусное	0	0	2	0
внизу	1	0	0	0

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
вожу	1	0	0	0
возьмет	1	1	0	0
возьму	0	1	1	1
вон	1	0	0	0
восемь	1	0	0	0
вот	9	1	0	0
все	0	2	1	4
все-таки	0	0	0	1
всеволожске	1	1	0	2
всегда	0	0	0	1
вся	0	0	0	1
вы	1	0	0	0
выдерживали	1	1	0	0
вымя	1	0	0	0
высокие	0	1	0	0
высокогорную	1	0	0	0
выходит	1	0	0	0
говорю	0	1	0	0
готовы	0	1	0	0
давали	0	2	0	0
давать	1	0	0	0
два	2	1	0	0
двадцать	2	0	0	0
двенадцать	1	0	0	0
Двины	0	1	0	0

Продолжение табл. 2

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
двое	0	4	0	0
деревень	1	0	0	0
деревня	0	1	0	0
деревне	1	2	0	0
живет	1	1	0	0
животноводческая	2	0	0	0
живут	0	1	0	0
завезены	1	0	0	0
завистливые	1	1	0	0
здоровьем	0	1	0	0
зерновые	1	0	0	0
кабачков	0	1	0	0
Коковкино	0	1	0	0
кормовую	0	1	0	0
корова	0	2	0	0
корову	0	1	0	0
коровы	0	1	0	0
кувшины	0	1	0	0
метров	0	1	0	0
механизаторов	0	1	0	0
муравки	0	0	0	1
муравку	0	1	0	1
муравочки	0	1	0	0
муравьев	0	1	0	0
наверх	1	0	0	0

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
называл	1	0	0	0
назывались	2	0	0	0
направили	0	1	0	0
ниве	1	0	0	0
ополчивши	0	1	0	0
оставили	1	0	0	0
отвел	1	0	0	0
отвлекает	1	0	0	0
отвлекся	1	0	0	0
отдавать	0	1	0	0
отправляли	1	0	0	0
офицеров	0	1	0	0
Пешивица	0	1	0	0
повезли	1	1	0	0
повороте	0	1	0	0
повышенное	0	1	0	0
подготовку	0	1	0	0
половина	1	1	0	0
половину	1	0	0	0
почва	0	1	0	0
правнуков	0	6	0	0
прибавится	0	1	0	0
придворок	0	1	0	0
призвали	1	0	0	0
призывался	1	0	0	0

Продолжение табл. 2

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
проведем	1	0	0	0
проверил	1	0	0	0
пятиусове	1	0	0	0
пятиусово	1	0	0	0
ржеве	1	0	0	0
ржевский	0	0	0	1
свеклу	1	0	0	0
свиньи	0	1	0	0
свое	5	0	0	0
связываюсь	1	1	0	0
сдавали	0	2	0	0
складовщика	0	1	0	0
основа	0	1	0	0
совхоз	1	3	0	0
сопровождать	0	1	0	0
состав	0	1	0	0
Твери	0	1	0	0
Тверь	1	0	0	0
телевизор	0	1	0	0
удерживать	1	0	0	0
уровнем	1	0	0	0
хватает	1	0	0	0
хватало	0	1	0	0
хватит	1	0	0	0
хлебом	1	0	0	0

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
хозяйства	0	1	0	0
хозяйстве	1	0	0	0
хозяйство	1	2	0	0

Таблица 3

**Использованные для разметки контексты говора
деревни Макеево во внутрисловной позиции**
**[Within-word contexts used for annotation
in the Makeevo village dialect]**

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
бывало	0	4	0	0
вам	0	2	0	0
вареное	0	1	0	0
варят	1	0	0	0
ведра	1	0	0	0
вертится	1	0	0	0
взрослые	1	0	0	0
взять	0	1	0	0
винегрет	0	1	0	0
вкусная	0	0	1	0
вкусно	0	0	3	0
Владивостоке	1	0	0	0
внучок	0	1	0	0
вода	1	0	0	0
водичку	0	1	0	0
возил	1	0	0	0

Продолжение табл. 3

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
возьму	1	0	0	0
воинскую	0	1	0	0
волоколамска	0	1	0	0
восемь	0	1	0	0
воскресенье	2	1	0	0
вот	1	19	0	0
вощи	0	1	0	0
врачей	0	1	0	0
время	0	2	0	0
все	0	2	0	8
всем	0	1	0	0
всех	0	1	0	0
вставал	0	1	0	0
всю	0	0	0	1
вы	0	1	0	0
выдeldывали	1	0	0	0
вымыть	1	0	0	0
выскочили	0	1	0	0
выходной	1	0	0	0
вычищали	0	1	0	0
говорит	0	2	0	0
говорить	0	1	0	0
голову	0	1	0	0
давайте	0	1	0	0
давно	0	4	0	0

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
два	2	2	0	0
двадцать	2	1	0	0
девки	0	3	0	0
девяносто	2	0	0	0
девятнадцатое	0	1	0	0
деревенские	0	1	0	0
деревень	0	1	0	0
деревня	0	1	0	0
деревянный	0	1	0	0
живете	2	0	0	0
заварена	1	0	0	0
завернешь	1	0	0	0
завдвигала	1	0	0	0
звери	1	0	0	0
здоровье	0	1	0	0
квартира	0	3	0	0
керосиновая	0	1	0	0
километров	0	1	0	0
командировкам	0	1	0	0
коров	0	3	0	1
коровку	0	1	0	0
коровы	0	2	0	0
медведем	1	0	0	0
москве	0	3	0	0
набавляешь	0	1	0	0

Продолжение табл. 3

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
набивал	0	2	0	0
наверное	0	3	0	0
называется	1	1	0	0
наливаю	1	0	0	0
овечки	0	1	0	0
оливье	1	0	0	0
осиповом	0	1	0	0
основном	0	1	0	0
открываешь	0	1	0	0
подхватила	0	1	0	0
порву	0	1	0	0
прививки	0	1	0	0
разговоры	0	1	0	0
рвать	1	0	0	0
самовнушение	0	1	0	0
свадьба	0	1	0	0
сварится	0	1	0	0
сварить	0	1	0	0
свежий	1	0	0	0
свечи	0	1	0	0
свиньи	1	0	0	0
свиньи	0	1	0	0
свое	0	1	0	0
свои	0	3	0	0
свою	0	1	0	0

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
ставили	0	1	0	0
ставить	0	1	0	0
стеснявши	0	1	0	0
телевизоров	0	1	0	0
травила	0	1	0	0
травку	0	1	0	0
хозяйстве	2	0	0	0
хозяйство	2	2	0	0
часов	0	1	0	0
Шетневе	0	1	0	0

Таблица 4

**Использованные для разметки контексты говора
деревни Пятиусово в позиции предлога
[Prepositional contexts used for annotation
in the Pyatiusovo village dialect]**

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
в августе	0	1	0	0
в армию	1	1	0	0
в баку	0	1	0	0
в бенцах	0	0	1	0
в бочке	0	1	0	0
в великих	0	1	0	0
в восемнадцать	0	1	0	0
в гараже	0	1	1	0
в горьковский	0	2	0	0

Окончание табл. 4

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
в Грузию	1	0	0	0
в двадцать	0	2	0	0
в деревне	1	2	0	0
в доме	0	0	1	0
в жизнь	1	0	0	0
в кредит	0	2	0	0
в машине	1	0	0	0
в молодости	1	0	0	0
в муравку	0	1	0	0
в огород	1	0	0	0
в порядке	0	1	0	0
в пятиусово	0	1	0	1
в ржевский	1	0	0	0
в сарай	0	0	1	0
в селянах	0	1	0	0
в Селяне	0	0	0	1
в совхоз	1	0	0	0
в страну	0	0	0	1
в Тбилиси	1	0	0	0
в Тверь	0	0	1	0
в Торопце	0	1	0	0
в хозяйстве	0	0	1	0
в школу	0	0	2	1
в этот	1	1	0	0
в ящики	0	1	0	0

**Использованные для разметки контексты говора
деревни Макеево в позиции предлога
[Prepositional contexts used for annotation
in the Makeevo village dialect]**

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
в армии	0	1	0	0
в водичку	0	0	1	0
в воинскую	0	1	0	0
в грибы	0	1	0	0
в два	0	1	0	0
в достатке	0	1	0	0
в жару	1	0	0	0
в какую-то	0	1	0	0
в клубе	0	0	1	0
в клюкву	0	0	0	1
в колхозах	0	0	1	0
в колхозе	0	1	0	0
в копае	0	1	0	0
в Ленинград	0	1	0	0
в лес	0	2	0	0
в людях	1	0	0	0
в магазине	0	0	1	0
в магазине	0	2	0	0
в москве	0	3	0	0
в общине	1	0	0	0
в один	0	1	0	0
в одной	0	1	0	0
в одном	0	2	0	0

Окончание табл. 4

Контекст [Example]	[в]	[w]	[y]	[ф]
в осиповом	0	1	0	0
в основном	1	0	0	0
в печку	0	0	1	0
в пушкино	0	0	0	1
в рот	0	1	0	0
в святки	0	2	0	0
в снег	0	0	1	0
в субботу	0	1	0	0
в трехкомнатную	0	0	1	0
в хозяйстве	0	1	0	0
в шесть	0	0	1	0
в шетневе	0	0	1	0
в Шетнево	0	0	1	0
в эти	0	0	1	0
в этих	0	1	0	0
в этой	0	1	0	0

При составлении таблицы рассматриваемых внутрисловных контекстов мы опирались на уже существующие разметки и учитывали следующие факторы: характер правого контекста (гласный/согласный; звонкий/глухой для согласных), позиция в слове и тип реализации. Таким образом, у нас получились следующие условия:

- 1) перед гласным в начале слова (*вас*);
- 2) перед глухим согласным в начале слова (*вторник*);
- 3) перед звонким согласным в начале слова (*взрослые*);
- 4) перед гласным в середине слова (*хозяйство*);
- 5) перед звонким согласным в середине слова (*давно*);
- 6) перед глухим согласным в середине слова (*повторяет*);
- 7) на конце слова (как абсолютный конец, так и конец слова внутри фразы) (*дров*);
- 8) интервокальная позиция (*корова*).

Мы исключили из разметки случаи, когда с обеих сторон от исследуемого звука стоят согласные (т.е. левый и правый контексты – согласные), т.к. не представляется возможным на имеющихся данных собрать достаточно примеров употребления.

Контексты с лабиализованным гласным справа ([o] и [y]) и учет твердости/мягкости реализации рассматривались отдельно от общей разметки. В общих таблицах распределения разметка по этим признакам опущена, чтобы чрезмерно не дробить данные.

Помимо позиции в составе слова, будет рассмотрена и изолированная позиция – позиция предлога. Предыдущее исследование [Замбрицкая, 2022] показало, что выбор аллофона зависит от того, находится ли он в позиции внутри слова или же в предлоге. Для предложных контекстов учитывались следующие параметры при разметке:

- 1) перед огубленным гласным (*в озере*);
- 2) перед неогубленным гласным (*в армии*);
- 3) перед звонким согласным (*в грибы*);
- 4) перед глухим согласным (*в колхозе*).

В позиции предлога мы рассматриваем отдельно тип реализации по параметру мягкости/твердости.

Для сопоставления данных в соответствии с составленными условиями была создана таблица, в которой позиционно рассматривались контексты по типу и месту реализации, а также количеству их употреблений.

Для сбора фонетических контекстов исследуемых говоров были использованы записи диалектологической экспедиции 2021 г. деревень Шетнево и Макеево¹, а также корпус деревни Пятиусово². Материалы представлены в виде аудиозаписей с расшифровкой в русской орфографии.

Для анализа были рассмотрены записи информантки ГИП1953 и информата ЛХЛ1941, жителей деревни Макеево Западнодвинского района Тверской области, а также записи информанта ЕВМ1937 и информантки ЗЕС1942, жителей деревни Пятиусово; от каждого информанта было отобрано по 115 контекстов. Отбор контекстов осуществлялся вручную аудитивным способом (примеры спектрограмм различных реализаций фонемы /в/ – рис. 1–4).

¹ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (дата обращения: 21.03.2025).

² Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

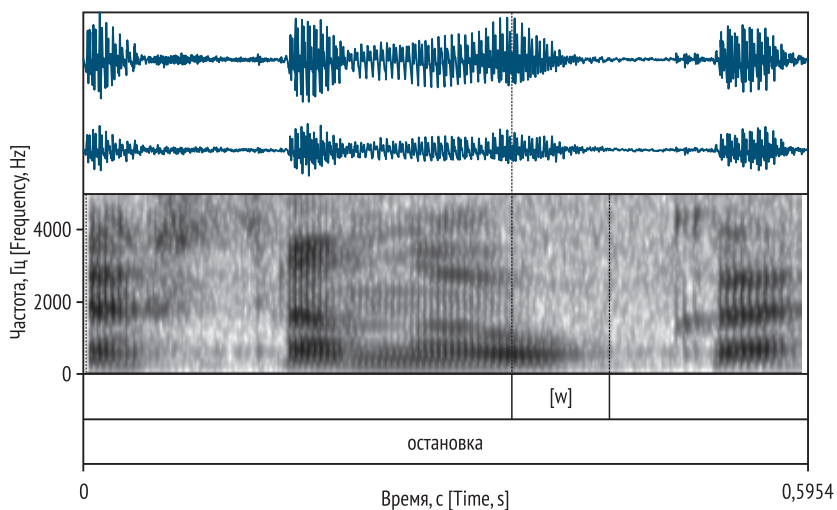

Рис. 1. Аллофон [w] во внутрисловной позиции перед согласным
Fig. 1. Allophone [w] in the word-internal position before a consonant

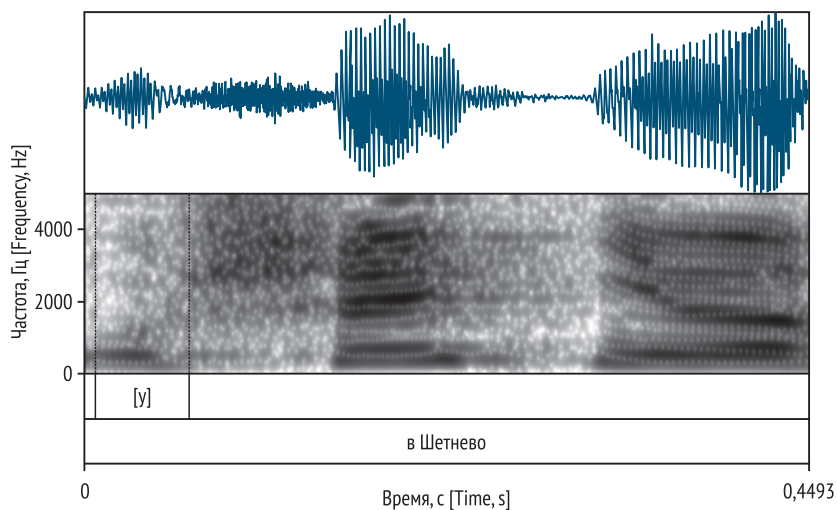

Рис. 2. Аллофон [y] на месте предлога
Fig. 2. Allophone [y] in the preposition position

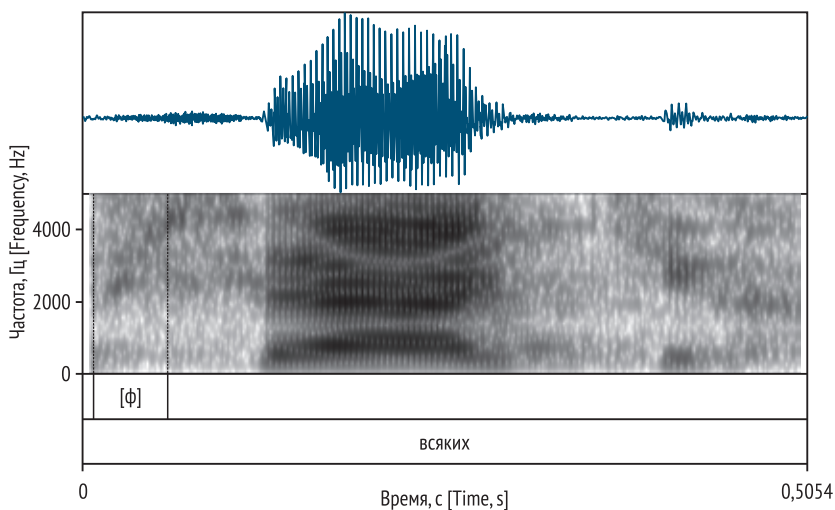

Рис. 3. Аллофон [ф] во внутрисловной позиции перед согласным

Fig. 3. Allophone [f] in the word-internal position before a consonant

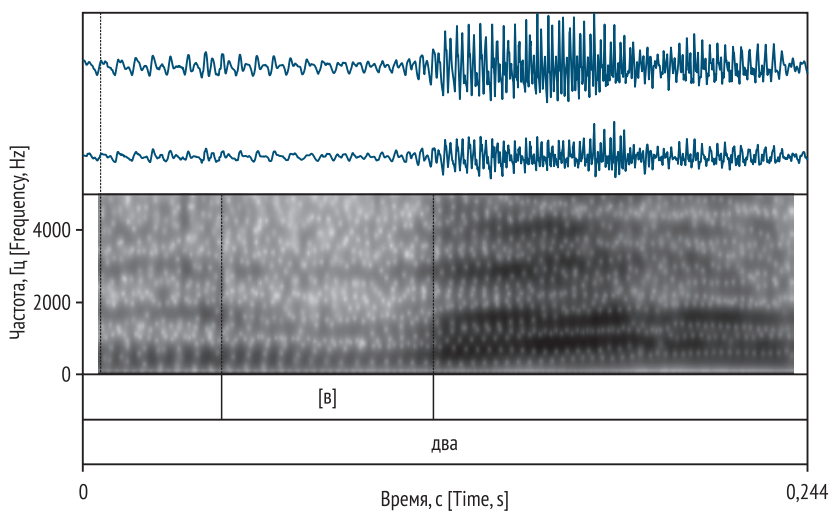

Рис. 4. Аллофон [в] во внутрисловной позиции перед гласным

Fig. 4. Allophone [v] in the word-internal position before a vowel

В качестве валидации разметки случайно отобранные контексты повторно размечались другими слушателями. Таким образом, всего было собрано 460 контекстов, по 230 каждой деревни (отобранные контексты представлены в таблицах 2–5).

3. Внутрисловная позиция

3.1. Материалы корпуса деревень Шетнево и Макеево

Из 230 отобранных контекстов 183 относятся к внутрисловной позиции. Наличие аллофона [y], встречаемого в позиции перед глухим согласным в начале слова, – особенность, т.к. все контексты в этой позиции и с этой реализацией – это слово *вкусно* (и его варианты), которое произносится информантами исключительно как [укúснь]. В других лексемах в данной фонетической позиции этот аллофон не встречается: здесь /в/ в большинстве случаев реализуется как [ф] (об оглушении фонемы /в/ во внутрисловной позиции см. ниже), реже как [w]. В целом этот фонетический контекст является наиболее вариативным по распределению реализаций (таблица 6).

В данном говоре оглушение фонемы /в/ отличается от стандартного: аллофон [w] встречается в позиции перед глухим согласным в начале слова, более того, является доминирующим аллофоном в позициях перед глухим согласным в середине слова и на конце слова. Ко всему прочему, аллофон [в] в принципе не встретился в выборке этого говора в таких позициях, как конец слова, перед глухим согласным в начале или в середине слова. Наиболее устойчивые позиции – позиция конца слова и позиция перед глухим согласным в середине слова. В этих фонетических контекстах мы почти с полной уверенностью будем ожидать реализацию [w] во всех случаях употребления.

Перед гласным как в начале слова, так и в середине слова встречаются аллофоны [в] и [w], причем их распределение схоже: аллофон [w] предпочтительнее аллофона [в].

3.2. Реализация фонемы /в/ в позициях перед гласными [е], [и] по данным корпуса деревень Шетнево и Макеево

Из 183 контекстов внутрисловной позиции 34 относились к позиции перед гласными [е] и [и]. Палатализация звука происходит аналогично стандартному русскому (т.е. твердый вариант не встречается перед исследуемыми звуками) (таблица 7).

Таблица 6

Распределение аллофонов фонемы /в/ в говоре деревни Макеево во внутрисловной позиции в зависимости от фонетической позиции в слове и характера последующего звука
[Distribution of the phoneme /v/ allophones in the Makeevo village dialect in within-word position depending on its position in the word and the type of the following sound]

Позиция/реализация [Position/realization]	[в]	[ф]	[w]	[y]	Всего [Total]
Перед звонким согласным в начале слова [Before a voiced consonant, word-initially]	2 (28,57%)	0 (0,00%)	5 (71,43%)	0 (0,00%)	7 (100%)
Перед глухим согласным в начале слова [Before a voiceless consonant, word-initially]	0 (0,00%)	13 (56,52%)	6 (26,09%)	4 (17,39%)	23 (100%)
Перед звонким согласным в середине слова [Before a voiced consonant, word-internally]	1 (10,00%)	0 (0,00%)	9 (90,00%)	0 (0,00%)	10 (100%)
Перед глухим согласным в середине слова [Before a voiceless consonant, word-internally]	1 (11,11%)	0 (0,00%)	8 (88,89%)	0 (0,00%)	9 (100%)
Перед гласным в начале слова [Before a vowel, word-initially]	14 (28,57%)	0 (0,00%)	35 (71,43%)	0 (0,00%)	49 (100%)
Перед гласным в середине слова [Before a vowel, word-internally]	14 (37,84%)	0 (0,00%)	23 (62,16%)	0 (0,00%)	37 (100%)
Интервокальная позиция [Intervocalic position]	8 (19,51%)	0 (0,00%)	33 (80,49%)	0 (0,00%)	41 (100%)
На конце слова [Word-final position]	0 (0,00%)	1 (14,29%)	6 (85,71%)	0 (0,00%)	7 (100%)

Таблица 7

**Распределение аллофонов фонемы /в/ в говоре деревни Макеево
в позициях перед гласными [е], [и]**

**[Distribution of the phoneme /v/ allophones in the Makeevo dialect
before vowels [e] and [i]]**

Позиция/реализация [Position/realization]	[в]	[w]	Всего [Total]
Мягкий [Palatalized]	15 (44,12%)	19 (55,88%)	34 (100%)
Твердый* [Non-palatalized]	25 (19,08%)	106 (80,92%)	131 (100%)

П р и м е ч а н и е. Наименование «твердый» в этой таблице обозначает все контексты перед гласным, не являющимся [е] или [и] вне зависимости от позиции.

[Note. In this table, non-palatalized refers to all contexts before a vowel other than [e] or [i].]

В контекстах с мягкой реализацией распределение аллофонов [в] и [w] более равномерно, чем в контекстах без смягчения, где фонема /в/ гораздо чаще реализуется как [w].

3.3. Материалы корпуса деревни Пятиусово

Для анализа распределения аллофонов по исследуемым позициям был использован 181 контекст. Распределения допустимых аллофонов перед звонким согласным и перед глухим согласным значительно отличаются: перед звонким единственно допустимым аллофоном является реализация [в], в то время как перед глухим можно встретить реализации [ф], [w] и даже [у] (таблица 8).

Наличие как [w], так и [ф] в позиции перед глухим согласным в начале слова говорит о процессе вытеснения сонорной реализации литературным вариантом. Особое внимание стоит уделить позиции в середине слова перед глухим согласным, в которой в основном встречается диалектный [w], с сопоставимой частотой фиксируются и полностью литературный [ф], а также [в], сохраняющий сонорность и не оглушающий перед глухими согласными.

Конец слова – самая устойчивая позиция: здесь единственно допустимым аллофоном является [w].

Перед гласным как в начале, так и в середине слова возможны только два варианта – [w] и [в], однако их распределение различается: в начале слова чаще реализуется [в], тогда как в середине оба аллофона встречаются примерно с одинаковой частотностью. В интервокальной позиции реализации [w] и [в] также фиксируются почти поровну.

Таблица 8

Распределение аллофонов фонемы /в/ в говоре деревень близ Пятиусово во внутрисловной позиции в зависимости от фонетической позиции в слове и характера последующего звука
[Distribution of the phoneme /v/ allophones in the Pyatiusovo village dialect in within-word position depending on its position in the word and the type of the following sound]

Позиция/реализация [Position/realization]	[b]	[ɸ]	[w]	[y]	Всего [Total]
Перед звонким согласным в начале слова [Before a voiced consonant, word-initially]	2 (100,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	2 (100,00%)
Перед глухим согласным в начале слова [Before a voiceless consonant, word-initially]	0 (0,00%)	9 (60,00%)	2 (13,33%)	4 (26,67%)	15 (100,00%)
Перед звонким согласным в середине слова [Before a voiced consonant, word-internally]	5 (41,67%)	0 (0,00%)	7 (58,33%)	0 (0,00%)	12 (100,00%)
Перед глухим согласным в середине слова [Before a voiceless consonant, word-internally]	3 (18,75%)	3 (18,75%)	10 (62,50%)	0 (0,00%)	16 (100,00%)
Перед гласным в начале слова [Before a vowel, word-initially]	27 (77,14%)	0 (0,00%)	8 (22,86%)	0 (0,00%)	35 (100,00%)
Перед гласным в середине слова [Before a vowel, word-internally]	14 (50,00%)	0 (0,00%)	14 (50,00%)	0 (0,00%)	28 (100,00%)
Интервокальная позиция [Intervocalic position]	29 (46,77%)	0 (0,00%)	33 (53,23%)	0 (0,00%)	62 (100,00%)
На конце слова [Word-final position]	0 (0,00%)	0 (0,00%)	11 (100,00%)	0 (0,00%)	11 (100,00%)

3.4. Реализация фонемы /в/ в позициях перед гласными [е], [и] по данным корпуса деревни Пятиусово

Из 183 контекстов внутрисловной позиции для анализа реализации фонемы /в/ перед гласными [е], [и] было отобрано 39. Палатализация звука также происходит аналогично стандартному русскому (таблица 9).

Таблица 9

Распределение аллофонов фонемы /в/ в говоре деревни Пятиусово в позициях перед гласными [е], [и]
[Distribution of the phoneme /v/ allophones in the Pyatiusovo dialect before vocals [e] and [i]]

Позиция/реализация [Position/realization]	[в]	[w]	Всего [Total]
Мягкий [Palatalized]	23 (58,97%)	16 (41,03%)	39 (100%)
Твердый* [Non-palatalized]	70 (43,21%)	92 (56,79%)	162 (100%)

Примечание. Наименование «твердый» в этой таблице обозначает все контексты перед гласным, не являющимся [е] или [и] вне зависимости от позиции.
 [Note. In this table, non-palatalized refers to all contexts before a vowel other than [e] or [i].]

Как и в говоре деревни Макеево в контекстах с мягкой реализацией встречаются лишь два аллофона – [в] и [w]. Интересно, что в твердом и мягком вариантах наблюдается практически сбалансированное распределение, однако в мягком варианте чуть с большей вероятностью будет выбран аллофон [в], в то время как в твердом – [w].

4. Предлог

4.1. Материалы корпуса деревень Шетнево и Макеево в позиции предлога

Из 230 собранных контекстов в 47 случаях мы имеем дело с предложением в. Согласно получившемуся распределению, в большинстве случаев фонема /в/ не подвержена оглушению перед согласным и реализуется в основном как [w] или [y]. В целом аллофон [в] почти не встречается: возможен только в позициях перед огубленным гласным и перед звонким согласным. Аллофон [w] заметно превалирует над другими реализациями в позиции перед звонким согласным (таблица 10).

Таблица 10

**Распределение аллофонов фонемы /в/ в говоре близ Макеево в позиции предлога
в зависимости от типа и характера последующего звука
(гласный: огубленный/неогубленный; согласный: глухой/звонкий)
[Distribution of the phoneme /v/ allophones in prepositional position in the Makeevo dialect
by the type of the following sound (vowels: rounded/unrounded; consonants: voices/voiceless)]**

Позиция/реализация [Position/realization]	[v]	[y]	[f]	[w]	Всего контекстов [Total]
Перед глухим согласным [Before a voiceless consonant]	0 (0,00%)	8 (45,83%)	2 (12,50%)	10 (41,67%)	20 (100%)
Перед звонким согласным [Before a voiced consonant]	2 (12,50%)	3 (12,50%)	0 (0,00%)	11 (75,00%)	16 (100%)
Перед неогубленным гласным [Before an unrounded vowel]	0 (0,00%)	1 (25,00%)	0 (0,00%)	3 (75,00%)	4 (100%)
Перед огубленным гласным [Before a rounded vowel]	2 (28,57%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	5 (71,43%)	7 (100%)

Интересно, что перед гласным любого типа доминирует аллофон [w], однако при наличии у гласного параметра огубленности меняется допущение недоминантных реализаций: если гласный лабиализован, то допускается реализация [в], но не допускается [у]. Абсолютно обратная же ситуация, если гласный нелабиализован: допускается реализация [у], но не допускается [в].

4.2. Материалы корпуса деревни Пятиусово в позиции предлога

Из 230 контекстов в позиции предлога было зафиксировано 49 (таблица 11).

В целом по всем позициям доминирует аллофон [w]. В позиции перед глухим согласным мы видим все варианты реализации, в частности [ф], что сигнализирует нам о постепенном вымещении аллофона [w] реализацией [ф]. Перед звонким согласным распределение менее равномерно: аллофон [w] явно лидирует, в то время как аллофоны [в] и [у], также встречаемые в этой позиции, встречаются условно в равной степени. Аллофон [у] встречается исключительно перед согласными.

В позициях перед неогубленным и огубленным гласными конкурируют реализации [в] и [w], однако ввиду малого объема данных приходиться к каким-либо выводам необходимо крайне осторожно.

5. Заключение

Распределение реализаций фонемы /в/ в говорах деревень Макеево и Пятиусово показало, что, несмотря на принадлежность обеих систем к псковской диалектной группе, они демонстрируют различную степень устойчивости диалектных черт и разную чувствительность к влиянию литературной нормы.

Говор деревни Макеево характеризуется последовательным и стабильным преобладанием аллофона [w] во внутрисловной позиции практически во всех фонетических контекстах. Исключением является позиция перед глухим согласным в начале слова. В ней мы можем наблюдать лексически обусловленный аллофон [у]. Аллофон [в] употребляется эпизодически практически во всех контекстах за исключением позиции перед глухим согласным в начале слова и конца слова. Оглушение с переходом к [ф] имеет избирательный характер: можно встретить перед согласным в начале слова (*встать*), но не в середине (*коровка*). Параметр мягкости оказывают значимое влияние на выбор аллофона: в мягком контексте возрастает доля [в'], тогда как в твердом реализуются преимущественно [w].

Таблица 11

Распределение аллофонов в говоре деревни Пятиусово в позиции предлога в зависимости от типа и характера последующего звука (гласный: огубленный/неогубленный; согласный: глухой/звонкий)
[Distribution of the phoneme /v/ allophones in prepositional position in the Pyatiusovo dialect by the type of the following sound (vowels: rounded/unrounded; consonants: voices/voiceless)]

Позиция/реализация [Position/realization]	[v]	[y]	[ф]	[w]	Всего контекстов [Total]
Перед глухим согласным [Before a voiceless consonant]	2 (11,76%)	5 (29,41%)	4 (23,53%)	6 (35,29%)	17 (100%)
Перед звонким согласным [Before a voiced consonant]	6 (26,09%)	4 (17,39%)	0 (0,00%)	13 (56,52%)	23 (100%)
Перед неогубленным гласным [Before an unrounded vowel]	4 (57,14%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	3 (42,86%)	7 (100%)
Перед огубленным гласным [Before a rounded vowel]	1 (50,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	1 (50,00%)	2 (100%)

Говор деревни Пятиусово, напротив, демонстрирует менее устойчивую систему. Во внутрисловной позиции преобладает диалектный [w] только в позиции конца слова. С практически равной частотностью с аллофоном [w] встречается и реализация [v] в интервокальной позиции, перед гласным в середине слова и перед звонким согласным. Стоит уделить внимание позиции перед глухим согласным в середине слова: в этом фонетическом контексте встречаются [ф], [w] и [v], что свидетельствует о неоднородности системы большей подверженности говора литературной норме. В отличие от говора деревни Макеево, влияние параметра мягкости выражено слабее: распределение аллофонов в мягких и твердых контекстах сходно.

В позиции предлога *в* также наблюдаются яркие различия между системами говоров. Вероятно, говор деревни Макеево устойчиво предпочитает [w] перед звонким согласным, перед глухим же согласным система менее устойчива: встречаются аллофоны [w], [ф] и [y]. Перед гласным говор деревни Макеево также в основном предпочитает [w], а выбор между [y] и [v] регулируется огубленностью последующего гласного. Однако такое суждение следует озвучивать с осторожностью ввиду малого количества данных. В говоре деревни Пятиусово же перед согласным сохраняется конкуренция всех вариантов ([v], [y], [ф], [w] перед глухим и [v], [y], [w] перед звонким) без выраженной зависимости от фонетического окружения. Перед гласным конкурируют [v] и [w] также без выраженной зависимости от фонетического окружения. Вероятно, это говорит о более сильном воздействии литературной нормы.

Таким образом, говор деревни Макеево демонстрирует большую системность и устойчивость диалектных черт, тогда как говор деревни Пятиусово представляет собой гибридную систему, в которой литературные и диалектные нормы конкурируют. По-видимому, с осторожностью можно предполагать, что мы можем рассматривать данные говоры как находящиеся на разных стадиях диалектной эволюции под влиянием литературной нормы.

Библиографический список / References

Васильева, 1977 – Васильева А.К. О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [v]–[ф] // Диалектологические исследования по русскому языку / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1977. С. 120–137. [Vasileva A.K. About the patterns of the spirant pair [v]–[f] in the Russian dialects of the southwestern zone. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku*. R.I. Avanesov (ed.). Moscow, 1977. Pp. 120–137. (In Rus.)]

ДАРЯ, 1986 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1: Фонетика. Карты / под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей,

1986. [Dialektologicheskiiy atlas russkogo yazyka: tsentr Evropeiskoy chasti SSSR [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of the USSR]. Vol. 1: Phonetics. Maps. R.I. Avanesov, S.V. Bromley (eds.). Moscow, 1986.]

Замбржицкая, 2022 – Замбржицкая М.С. Описание реализации фонемы /v/ в псковских говорах // Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2022 г.) / под ред. Д.В. Герасимова. СПб., 2022. С. 60. [Zambrzhitskaya M.S. Realization of the phoneme /v/ in Pskov dialects. *Devyatnadtsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley: tezisy dokladov*. D.V. Gerasimov (ed.). St. Petersburg, 2022. P. 60. (In Rus.)]

Захарова, Орлова, 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Дialeктное членение русского языка. М., 1970. [Zakharova K.F., Orlova V.G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, 1970.]

Касаткин, 1989 – Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989. [Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]. L.L. Kasatkin (ed.). Moscow, 1989.]

Шаульский, Князев, 2005 – Шаульский Е.В., Князев С.В. Русская диалектология: Фонетика. М., 2005. [Shaulskiy E.V., Knyazev S.V. Russkaya dialektologiya: Fonetika [Russian dialectology: Phonetics]. Moscow, 2005.]

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Замбржицкая Мария Сергеевна – аспирант Школы лингвистики факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; преподаватель Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Maria S. Zambrzhitskaia – PhD student at the School of Linguistics of the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow; lecturer at the School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7324-2173>

E-mail: zmbzhtsk@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-54-77

УДК 81-114.4

В.Е. Мони́на

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Интонация общего вопроса, незавершенности и переспроса в говоре деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово

Статья посвящена исследованию мелодического контура общего вопроса, переспроса и немаркированной незавершенности в говоре деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области (псковская группа говоров). Акустический анализ выявил, что основным ядерным акцентом, маркирующим данные типы высказываний, является ступенчатый восходящий $H^{*+}\wedge H^{*}$ акцент с поздним началом падения тона. Помимо этого, в говоре также фиксируется реализация акцента $H^{*+}\wedge H^{*}$ с достижением максимума в рамках ударного гласного, а также монотональный акцент H^{*} . Просодический контур высказываний характеризуется обязательным низким начальным тоном (%L) и низким пограничным тоном (L%). Статистический анализ временных параметров тонального движения выявил значимые различия в тайминге между общим вопросом и переспросом: для переспроса характерно более позднее достижение тонального пика на сверхвысоком уровне и начало спада частоты основного тона. Просодические характеристики немаркированной незавершенности занимают промежуточное положение в ряду общих вопрос – переспрос. Просодическая система данного говора обнаруживает сходства с системой опочецких говоров и уточняет существующие представления о просодическом варьировании тайминга восходящего акцента в псковских говорах.

Ключевые слова: псковские говоры, просодия, тональный акцент

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 25-00-019 «Корпусное и ареальное изучение восточнославянских диалектов» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”».

Автор выражает благодарность Сергею Владимировичу Князеву за ценные замечания к этой статье и советы на ранних этапах работы, а также Софье Седуновой за помощь на каждом этапе работы.

Автор благодарит Романа Витальевича Ронько за организацию экспедиции в деревню Пятиусово Западновинского района Тверской области.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мони́на В.Е. Интонация общего вопроса, незавершенности и переспроса в говоре деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 54–77. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-54-77

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-54-77

V. Monina

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

The phrase intonation of yes-no questions, incompleteness and echo questions in the dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, and Pyatiusovo

This paper deals with the phrase intonation of yes-no questions, echo questions, and unmarked incompleteness in the western Middle Russian dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, and Pyatiusovo in the Zapadnodvinsk district, Tver region. The acoustic analysis reveals that the primary nuclear pitch accent for these utterance types is a stepped rising H^*+^H with a late fall. Alongside this dominant type, the dialect also exhibits realizations of the H^*+^H accent (with the peak reached within the stressed vowel) and the monotonal H^* accent. The overall prosodic contour of these utterances is characterized by an obligatory low initial boundary tone (%L) and consistently ends with a low boundary tone (L%). Statistical analysis of the tonal movement revealed significant differences between

yes-no questions and echo questions: echo questions are characterized by a later attainment of the tonal peak at an extra-high level and a later onset of the fundamental frequency decline. The prosodic characteristics of unmarked incompleteness occupy an intermediate position between them. The prosodic system of this dialect refines the existing model of rising pitch accent timing in Pskov dialects and shows clear affinities with the OPOCHKA dialect system.

Key words: Pskov dialects, prosody, pitch accent

Acknowledgments. The publication was prepared in the course of conducting research No. 25-00-019 "Corpus and areal study of East Slavic dialects" within the framework of the Program "Scientific Foundation of the HSE University".

The author is grateful to Dr. Sergey Knyazev for his valuable comments on this paper and for the advice on the early stage of this work, and to Sofia Sedunova for helping on each stage of work.

The author would like to thank Roman Ronko who organized linguistics fieldwork expeditions into the village Piatiusovo.

FOR CITATION: Monina V. The phrase intonation of yes-no questions, incompleteness and echo questions in the dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, and Pyatiusovo. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 54–77. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-54-77

1. Введение

1.1. Введение в просодический анализ и систему ToBI

Современные лингвистические исследования просодии преимущественно опираются на автосегментно-метрическую модель интонации (АММ) [Pierrehumbert, 1980]. В этой модели интонационные контуры рассматриваются как последовательности дискретных тональных событий, ассоциированных с определенными просодическими единицами, организованными в иерархическую структуру. Эта структура включает в себя различные уровни, начиная с моры (M) и слога (Syl) и заканчивая интонационной фразой (IP) и целым высказыванием (Ut). Набор таких единиц может варьироваться в зависимости от конкретного языка.

В рамках АММ тональные элементы подразделяются на лексические (например, в тональных языках) и постлексические (интонационные). К последним относятся:

- тональные акценты (pitch accents), выделяющие акцентоносный элемент в интонационной структуре;
- фразовые тоны (phrase accents), соединяющие тональные акценты с границами интонационных единиц;

– пограничные тоны (boundary tones), маркирующие начало и конец интонационной фразы.

Наиболее распространенным инструментом формализованного описания интонации в этой парадигме является система ToBI (Tones and Break Indices) [Beckman, Hirschberg 1994], предполагающая маркировку тональных акцентов и границ с использованием ограниченного инвентаря тонов. Приведем условные обозначения, которые используются в рамках системы и релевантны для данной работы:

- H – высокий тон;
- L – низкий тон;
- * – тональный акцент;
- L+H – восходящий битональный тон;
- % – пограничный тон (например, %H – высокий начальный, H% – высокий конечный);
- ^ – ‘upstep’, знак, маркирующий акцент, реализующийся на более высоком уровне, чем предшествующий.

1.2. ИК-3 в стандартном литературном русском языке и диалектах

Наибольшее влияние на описание интонации русского литературного языка оказала модель интонационных конструкций (ИК), разработанная Е.А. Брызгуновой для иностранцев, изучающих русский язык. В рамках этой модели описан базовый набор контуров, включая восходящие (ИК-3, ИК-5, ИК-6, ИК-7) и нисходящие (ИК-1, ИК-2, ИК-4, ИК-5) тональные акценты [Брызгунова, 1963, 1980]. ИК-3, ассоциируемая с общим вопросом (yes-no questions), переспросом (echo questions) и немаркированной незавершенностью, в стандартном русском литературном языке (СРЛЯ) маркируется восходящим акцентом.

Общий вопрос представляет собой один из типов вопросительного высказывания, целью которого является установление истинностного статуса пропозиции. Переспросы делятся на различные типы [Янко, 2025]. В исследовании рассматриваются такие виды, как переспрос при нерасслышанных словах (к плану выражения) и переспрос непонятого смысла (к плану содержания). В полученных данных преобладает первый тип, что связано с возрастными особенностями информантов: пожилые люди часто испытывают трудности со слуховым восприятием, что закономерно увеличивает частоту использования переспросов, направленных на уточнение плана выражения.

В СРЛЯ высказывания типа ИК-3 характеризуются подъемом тона на ударном слоге акцентоносителя с последующим падением на заударных слогах [Брызгунова, 1967; Янко, 2008]. С точки зрения АММ

такой восходящий акцент интерпретируется как битональный LН-акцент, однако в научной литературе нет консенсуса относительно точной его интерпретации. Экспериментальные данные [Igarashi, 2006; Янко, 2008, с. 31–39] показывают, что общий вопрос и немаркированная незавершенность оформляются при помощи восходящего тонального акцента, характеризующегося поздним таймингом, т.е. максимум частоты основного тона (ЧОТ) достигается в конце ударного гласного, а в случае наличия заударных приходится на их начало. В статье С.В. Князева предлагается обозначать акцент, который используется при реализации общего вопроса и немаркированной незавершенности, как (L+H)*, чтобы подчеркнуть специфику реализации по сравнению с другими вариантами акцентов русского языка: восходящее движение тона происходит на протяжении всего ударного слога словоформы-акцентоносителя [Князев, 2024]. В этой работе было также показано, что место достижения максимума ЧОТ является одной из основных отличительных черт одних групп говоров от других. Помимо тайминга говоры могут различаться по следующим акустическим параметрам: направление движения F_0 , ширина диапазона, крутизна подъема/спада ЧОТ, а также начальный и конечный пограничный тоны [Касаткина, 2002; Князев, 2024].

В различных исследованиях было показано, что общий вопрос и незавершенность в диалектах могут маркироваться такими различными восходящими акцентами, как H* (монотональный акцент, реализуемый на высоком уровне), (L+)H* (битональный акцент; повышение ЧОТ в первой части ударного гласного и ровной высокой частью во второй части), L*+H (битональный акцент; в первой половине ровный низкий тон, после ровной части ЧОТ повышается), L*+H* (битональный акцент; в рамках ударного гласного реализуется как ровный низкий тон, так и ровный высокий) и H*+^H* (битональный акцент; в начале ударного гласного тон держится на высоком уровне, затем идет повышение частоты основного тона до сверхвысокого уровня, после чего ЧОТ держится на этом уровне, создавая второе плато) [Князев, 2025; Князев, Дьяченко, 2025].

1.3. Цель исследования

Основной целью статьи является описание мелодического контура общего вопроса, переспроса и немаркированной незавершенности в западном среднерусском говоре (псковская группа) деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово¹. Эта цель подразумевает решение следующих задач:

¹ Более подробное лингвогеографическое описание исследуемого говора содержится во вступительной статье настоящего тематического выпуска журнала [Ронько, 2026].

- выявить и категоризировать тип тонального акцента, используемого для выражения речевых явлений в исследуемом говоре;
- установить, существуют ли статистически значимые различия в реализации мелодических контуров между общими вопросами, переспросами и немаркированной незавершенностью в данном диалекте.

Как показали результаты статистического анализа, эта цель была достигнута: было обнаружено, что наиболее значимые различия существуют между переспросами и общими вопросами (по временным параметрам достижения максимума и начала падения частоты основного тона), в то время как немаркированная незавершенность занимает промежуточное положение.

2. Данные и методы

2.1. Материал исследования

Материалом для настоящего исследования послужили высказывания, извлеченные из аудиозаписей интервью, собранных в ходе экспедиций сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и студентов Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в период с 2021 по 2025 г.²

Все информанты, чьи высказывания вошли в конечную выборку, являются коренными жителями деревень Западнодвинского района. В выборку вошли высказывания семи информантов (таблица 1). На момент записи возраст информантов составлял от 68 до 80 лет (годы рождения: 1932–1953). Большинство информантов имеют полное среднее образование, часть окончили среднее специальное учебное заведение (техникум). В таблице 1 также приведено количество размеченных примеров, классифицированных по типам высказываний для каждого информанта.

Из записей речи всех информантов было извлечено и проанализировано 194 примера, из них 56 вопросов, 104 контекста с интонацией незавершенности и 40 переспросов. Далее для статистического анализа выборка была сокращена до 163 примеров (таблица 2), среди которых остались только неоднозначные примеры (т.е. содержащие больше 1 слога), в которых присутствовали заударные и предупредительные гласные. Такое ограничение было сделано по ряду причин:

² Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (дата обращения: 21.03.2025); Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

Таблица 1

Метаданные информантов и объем размеченных данных
[Metadata of informants and the amount of labeled data]

Информант [Informant]	Год рождения [Year of birth]	Пол [Gender]	Место записи [Place of recording]	Место рождения [Place of birth]	Образование [Education]	Количество примеров [Number of examples]			
						Вопрос [Yes-no question]	Переспрос [Echo questions]	Незавершенность [Incompleteness]	Всего [Total]
zes1942	1942	ж [f]	Пятиусово [Pyatiusovo]	Спиридово [Spiridovo]	7 классов [7 grades]	18	14	23	52
evm1937	1937	м [m]	Пятиусово [Pyatiusovo]	Коковино [Kokovino]	Техникум [College]	12	8	9	29
vpm1934	1934	ж [f]	Пятиусово [Pyatiusovo]	Ануфриево [Anufriev]	Техникум [College]	10	6	14	30
avv1948	1948	м [m]	Пятиусово [Pyatiusovo]	Улин [Ulin]	Неизвестно [No data]	5	4	5	14
gip1953	1953	ж [f]	Макеево [Makeevo]	Макеево [Makeevo]	7 классов [7 grades]	3	4	11	16
mga1932	1932	ж [f]	Шетнево [Shetnevo]	Пожоги [Pozhogi]	4 класса [4 grades]	8	6	28	31
zns1939	1939	ж [f]	Макеево [Makeevo]	Макеево [Makeevo]	7 классов [7 grades]	0	3	14	17

- наличие заударного материала помогает определить фонологический конечный пограничный тон;
- наличие предударного материала помогает определить фонологический начальный пограничный тон;
- наличие большого фонетического материала помогает получить релевантные данные о тайминге тонального движения относительно ударного гласного.

Таблица 2

**Данные после сортировки по наличию
предударных и заударных гласных
[Data after sorting by availability of unstressed and reduced vowels]**

Информант [Informant]	Количество примеров [Number of examples]			
	Вопрос [Yes-no question]	Переспрос [Echo questions]	Незавершенность [Incompleteness]	Всего [Total]
zes1942	16	11	20	47
evm1937	11	8	9	28
vpm1934	9	6	8	23
avv1948	3	2	5	10
gip1953	2	2	10	14
mga1932	7	3	17	23
zns1939	0	3	11	14

Такое небольшое количество переспросов можно объяснить тем, что наиболее распространенный вопрос-переспрос – это короткий речевой акт с минимальным сегментным материалом (например, переспрос «Чай?» или переспрос «А?», который не рассматривается в данном исследовании).

2.3. Система графического представления данных

Акустический анализ и сегментно-просодическая разметка материала были проведены с использованием программы PRAAT³. Для каждого высказывания была создана многослойная разметка, включающая следующие уровни аннотации:

³ Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.4.33. URL: <http://www.praat.org/> (date accessed: 25.05.2025).

- коммуникативный тип высказывания (вопрос / переспрос / немаркированная незавершенность);
- расшифровка реплики, записанная в стандартной орфографии;
- сегментная (фонетическая) разметка;
- просодическая разметка в системе ToBI.

Такой подход к разметке позволил провести комплексный анализ взаимодействия сегментного и просодического уровней в реализации различных типов высказываний.

3. Результаты исследования

В исследуемом говоре общий вопрос характеризуется восходящим битональным акцентом в высоком регистре с задержкой падения (см. раздел 3.2), который может быть интерпретирован в системе ToBI как $H^*+\wedge H^*>$.

В работе [Князев, 2025] отмечается, что в просодических системах южнорусских говоров (Калужской, Рязанской и Липецкой областей) при оформлении общего вопроса и незавершенности представлен восходящий тональный акцент $H^*+\wedge H^*$. Ключевая особенность его реализации в архаическом слое говоров – специфический тип ларингализации, артикуляционная природа которого отличается от известных аналогов. Так, акустические корреляты данного явления (резкий скачок частоты основного тона, падение интенсивности и аperiodичность в середине гласного) обнаруживают сходство с датским *stød*. Однако если в основе датского *stød* и сопоставимых феноменов в балтийских языках лежит «скрипучий голос» (creaky voice), то в исследуемых русских говорах артикуляционной базой служит иной механизм – «писк» (squeak), для которого характерна сверхбыстрая и резкая голосовая смычка, порождающая акустический эффект, отличный от «скрипучего» голоса. Также аналогичный тональный акцент был отмечен в псковских говорах Опочецкого района в электронном корпусе просодии русских диалектов⁴, находящемся в открытом доступе.

3.1. Качественный анализ

3.1.1. Описание ядерного акцента

В нашем говоре описываемый тональный акцент $H^*+\wedge H^*>$ характеризуется более поздним таймингом, чем в ранее описанных говорах с таким же акцентом, как в работе [Князев, 2025], так и в электронном корпусе русских диалектов. В данном случае знак «>» обозначает

⁴ Князев С.В., Мороз Г.А., Дьяченко С.В. Корпус просодии русских диалектов. 2024. URL: <https://LingConLab.github.io/PRuD/> (дата обращения: 21.03.2025).

- задержку достижения максимума частоты основного тона (по системе ToBI), иллюстрации этого явления приведены на рисунках 1–8. Реализация тонального акцента включает следующие последовательные фазы:
- для всех фраз характерен низкий начальный пограничный тон (L%);
 - в инициали согласного, предшествующего ударному гласному акцентоносителя, наблюдается повышение ЧОТ с базового уровня до высокого;
 - первая четверть ударного гласного реализуется на ровном высоком тоне;
 - далее на протяжении большей части ударного гласного происходит резкое повышение ЧОТ до максимального уровня;
 - конечная часть ударного гласного характеризуется ровным сверхвысоким тоном, образующим второе плато;
 - падение ЧОТ с сверхвысокого уровня начинается вне предела ударного гласного, после его окончания, чаще всего в инициали следующего слога, реже на первом заударном гласном.

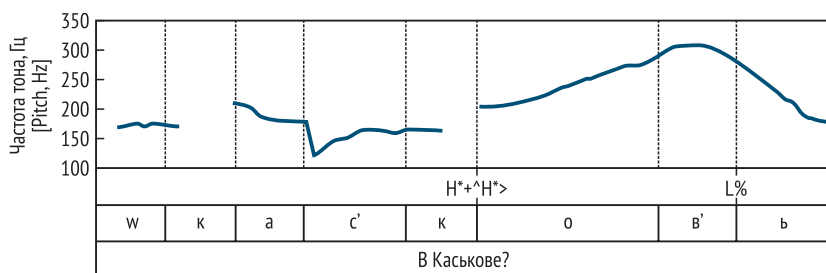

Рис. 1. Кривая ЧОТ общего вопроса 'В Каськове?' (zes1942)

Fig. 1. The pitch contour of the utterance 'In Kas'kovo?'; yes-no question

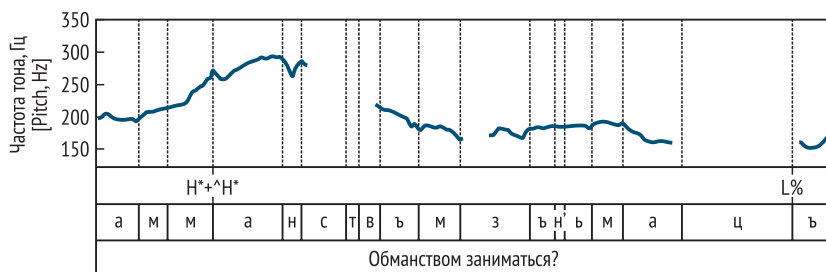

Рис. 2. Кривая ЧОТ общего вопроса 'Обманством заниматься?' (apb1940)

Fig. 2. The pitch contour of the utterance 'Cheating?'; yes-no question

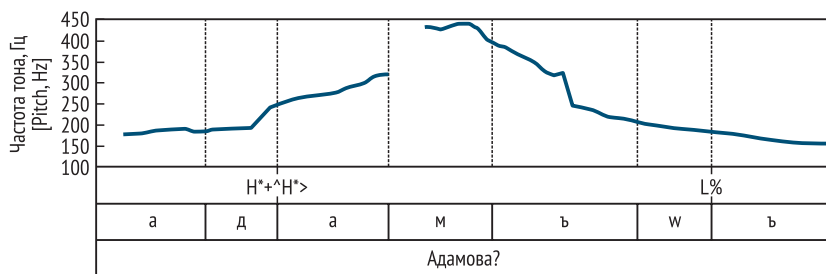

Рис. 3. Кривая ЧОТ общего вопроса 'Адамова?' (vpm1934)

Fig. 3. The pitch contour of the utterance 'Adamova?'; yes-no question

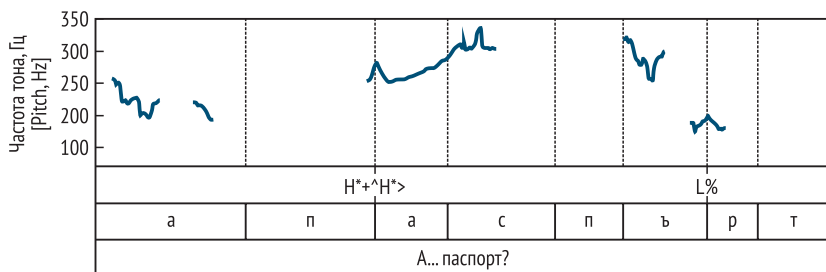

Рис. 4. Кривая ЧОТ переспроса <интервьюер: А паспорт когда появился?> 'А... паспорт?' (zns1939)

Fig. 4. The pitch contour of the utterance <interviewer: And when did the passport appear?> 'Ah... the passport?'; echo question

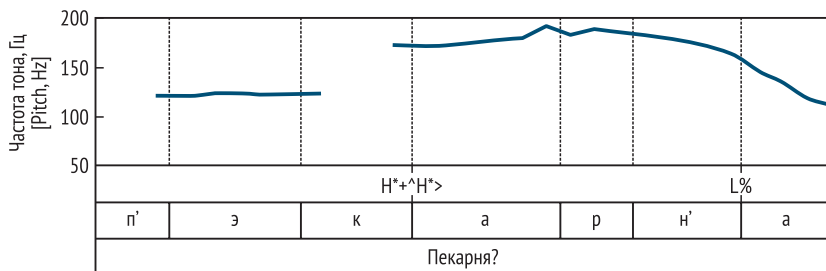

Рис. 5. Кривая ЧОТ переспроса 'Пекарня?' (evn1937)

Fig. 5. The pitch contour of the utterance 'Bakery?'; echo question

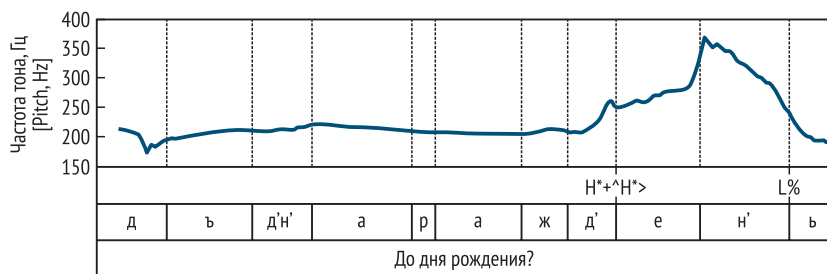

Рис. 6. Кривая ЧОТ переспроса 'До дня рождения?' (zes1942)

Fig. 6. The pitch contour of the utterance 'Before the birthday?'; echo question

Рис. 7. Кривая ЧОТ немаркированной незавершенности 'Ну дровник да...' (mga1932)

Fig. 7. The pitch contour of the utterance 'Well, the woodshed, yes...'; unmarked incompleteness

Рис. 8. Кривая ЧОТ немаркированной незавершенности 'Школа сгорела...' (mga1932)

Fig. 8. The pitch contour of the utterance 'The school burned down...'; unmarked incompleteness

Помимо примеров со ступенчатым тональным акцентом также есть примеры, в которых ядерный акцент – монотональный Н* (рис. 9). Выделение битонального акцента в таких примерах некорректно, потому что подъем ЧОТ незначителен (не более 1,5 тона, считая от минимума). Эти примеры были учтены при статистическом анализе.

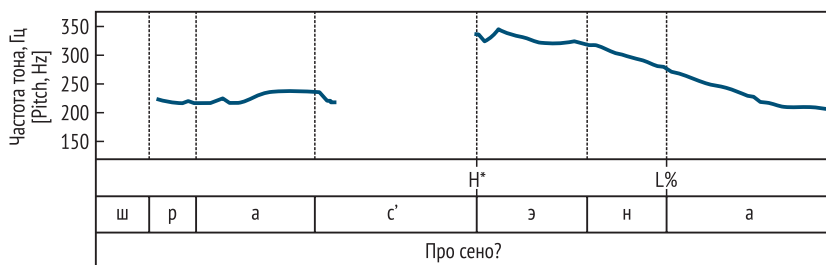

Рис. 9. Кривая ЧОТ переспроса ‘Про сено?’ (mga1932)

Fig. 9. The pitch contour of the utterance ‘About the hay?’; echo question

3.1.2. Примеры без заударных слогов

Как было отмечено в разделе 2.1, для основного анализа использовались только те записи, в которых присутствует как минимум один заударный гласный. Это требование обусловлено принципиальным различием в реализации тональных контуров между говорами и СРЛЯ в тех примерах, в которых ударный гласный является последним гласным в высказывании. Как подчеркивается в работе С.В. Князева, важным фонетическим показателем, отличающим диалектные восходящие тональные акценты от стандартных литературных, является отсутствие в них труккации (усечения) конечного низкого пограничного тона (L%) [Князев, 2024].

В исследуемом говоре наблюдается отсутствие труккации низкого пограничного тона: в позиции, где ударный слог акцентоносителя совпадает с концом синтагмы, финальный низкий пограничный тон (L%) не подвергается усечению и фонетически реализуется как высокий (Н%) (рис. 10–11).

Таким образом, в случаях без заударных слогов фонетически регистрируется высокий пограничный тон (Н%), однако фонологически в этих контекстах, как и в случаях с наличием заударного материала, следует постулировать низкий пограничный тон (L%). На иллюстрациях данный пограничный тон, не имеющий явной фонетической реализации, указан в скобках.

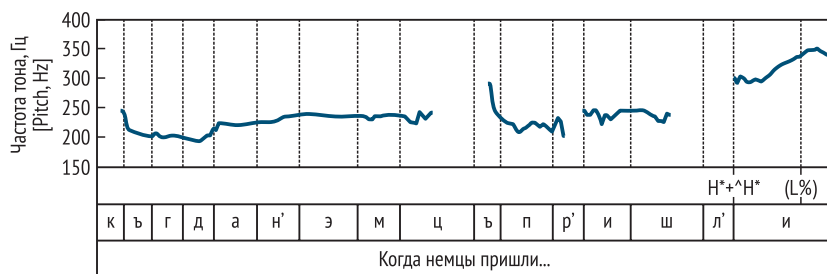

Рис. 10. Кривая ЧОТ незавершенности 'Когда немцы пришли...' (mga1932)

Fig. 10. The pitch contour of the utterance 'When the Germans came...'; unmarked incompleteness

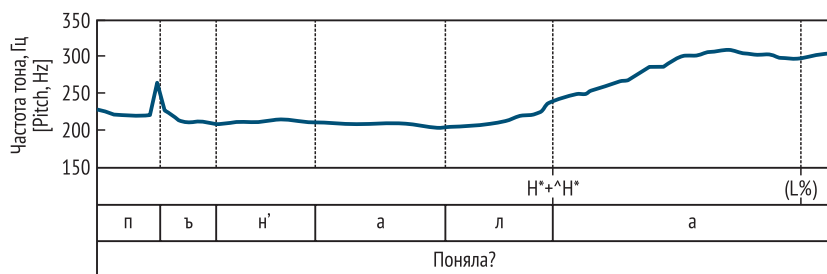

Рис. 11. Кривая ЧОТ общего вопроса 'Поняла?' (zes1942)

Fig. 11. The pitch contour of the utterance 'Understood?'; yes-no question

3.1.3. Связь ларингализации со ступенчатым тональным акцентом

В рассмотренном говоре степень фонетической выраженности ларингализации может варьироваться – от ярко выраженного «толчка», хорошо видимого на осциллограмме и спектрограмме (рис. 12–13), до слабого, едва заметного изменения, которое практически не оставляет артикуляторных следов, но при этом сохраняется характерное движение тона, свойственное акценту $H^*+^{\wedge}H^*$ (рис. 14–15). Важно отметить, что в отличие от датского *stød*, выполняющего смыслоразличительную функцию на лексическом уровне, в русских говорах ларингализация является элементом фразовой просодии и служит одним из акустических ключей, противопоставляющих типы восходящих тональных акцентов (вопросительный $H^*+^{\wedge}H^*$ в высоком регистре и акцент утверждения с узким фокусом L^*+H^* в низком) [Князев, 2025].

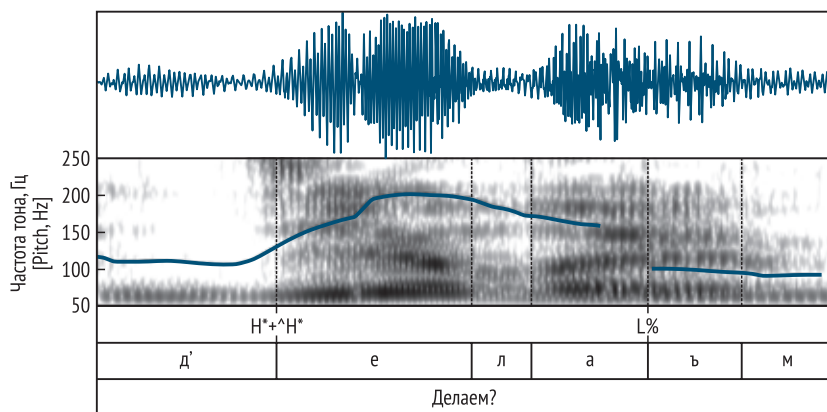

Рис. 12. Кривая ЧОТ общего вопроса 'Делаем?' (evm1937)

На осциллограмме виден характерный перебив посередине ударного гласного

Fig. 12. The pitch contour of the utterance 'Are we doing?'; yes-no question

The waveform shows a characteristic interruption in the middle of the stressed vowel

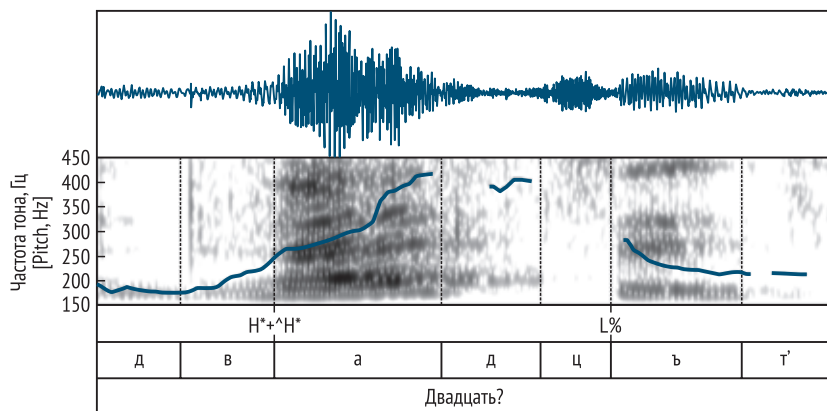

Рис. 13. Кривая ЧОТ переспроса 'Двадцать?' (zes1942)

На осциллограмме виден характерный перебив посередине ударного гласного

Fig. 13. The pitch contour of the utterance 'Twenty?'; echo question

The waveform shows a characteristic interruption in the middle of the stressed vowel

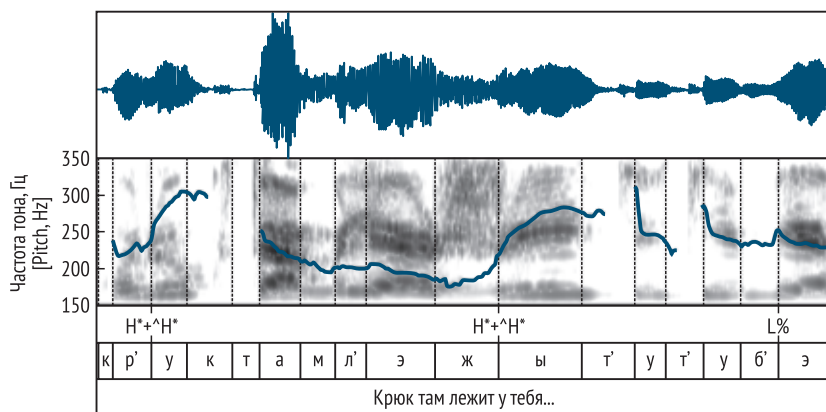

Рис. 14. Кривая ЧОТ немаркированной незавершенности

'Крюк там лежит у тебя...' (zes1942)

Ни на осциллограмме, ни на спектрограмме нет признаков ларингализации

Fig. 14. The pitch contour of the utterance 'There's a hook lying there at your place...'; unmarked incompleteness

There are no signs of laryngealization neither on the waveform nor on the spectrogram

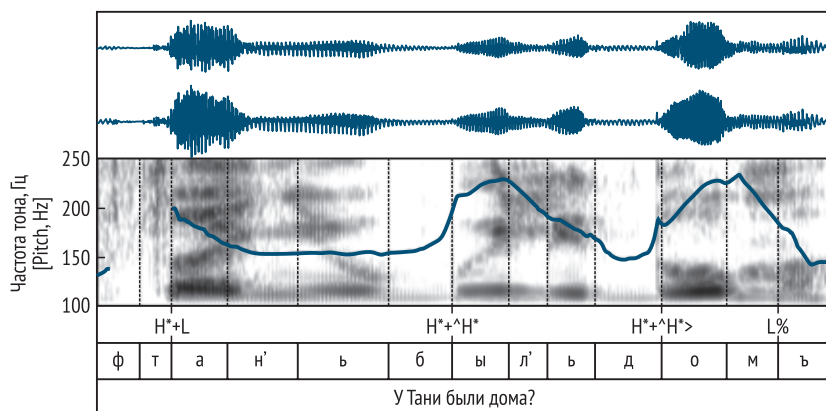

Рис. 15. Кривая ЧОТ общего вопроса 'У ТАНИ были дома?' (vpm1934)

На словоформе «Тани» присутствует нисходящий акцент, характерный для узкого фокуса

Ни на осциллограмме, ни на спектрограмме нет признаков ларингализации

Fig. 15. The pitch contour of the utterance 'They were at TANYA's home?'; yes-no question

The word form "Tani" has a falling accent, characteristic of a narrow focus
There are no signs of laryngealization neither on the waveform nor on the spectrogram

3.1.4. Результаты анализа

Полученные данные позволяют уточнить существующие просодические характеристики псковских говоров. Они расходятся с описанием, данным в работе [Князев, Дьяченко, 2023] для одного из западных псковских говоров, где тональный максимум восходящего акцента характеризуется сверххранним таймингом. Наш материал демонстрирует иную систему, в которой реализуется четкий ступенчатый акцент $H^* + \wedge H^* >$. Данная модель, как отмечено в корпусе просодии русских диалектов, характерна для опочецких говоров, и структурно сближает его с системой, описанной для южнорусских говоров в работе [Князев, 2025].

3.2. Количественный анализ

Помимо качественного анализа включенных реплик был также проведен количественный анализ. Для этого к представленным слоям разметки был добавлен еще один, использовавшийся для аннотации 12 ключевых точек: 6 временных и 6 частотных.

Временные точки отсчитывались относительно начала ударного гласного и измерялись в миллисекундах (мс):

- t_0 – точка, совпадающая с началом ударного гласного; для анализа эта точка бралась за 0, чтобы от нее можно было отсчитывать дальнейшие точки;
- t_1 – точка, которая используется для обозначения начала подъема ЧОТ; измерялась длительность интервала от t_0 до t_1 ;
- t_2 – точка, обозначающая конец подъема ЧОТ; измерялась длительность интервала от t_0 до t_2 ;
- t_3 – точка, обозначающая начало падения ЧОТ после плато; измерялась длительность от t_0 до t_3 ;
- t_4 – точка, обозначающая конец ударного гласного; измерялась длительность от t_0 до t_4 (общая длительность гласного);
- t_5 – точка, обозначающая момент полного падения ЧОТ до минимального уровня; измерялась длительность от t_0 до t_5 .

Частотные точки фиксировали абсолютное значение частоты основного тона в соответствующих временных точках и измерялись в герцах (Гц):

- f_0 – значение ЧОТ в точке t_0 ;
- f_1 – значение ЧОТ в точке t_1 ;
- f_2 – значение ЧОТ в точке t_2 ;
- f_3 – значение ЧОТ в точке t_3 ;
- f_4 – значение ЧОТ в точке t_4 ;
- f_5 – значение ЧОТ в точке t_5 (минимальная частота на нисходящем отрезке).

Для устранения влияния индивидуальных особенностей дикторов (таких как темп речи и базовый частотный диапазон) все значения были переведены в относительные единицы.

Для временных параметров (t_1, t_2, t_3, t_5) за 100% была принята общая длительность гласного, т.е. значение в точке t_4 . Таким образом, каждый временной параметр был выражен как доля от длительности ударного гласного. Для частотных параметров (f_1-f_5) за 100% (или 0% изменения) было принято значение f_0 . Каждое частотное значение было выражено как относительное изменение в процентах относительно исходной частоты гласного. Например, значение $f_2 = 120\%$ означало, что ЧОТ в пике подъема на 20% выше, чем в начале гласного. Точка t_0 была исключена из дальнейшего анализа, т.к. все ее значения были равны нулю после нормализации и не несли статистической значимости.

На основе усредненных нормализованных значений для каждого типа конструкции (общий вопрос, переспрос, немаркированная незавершенность) был построен сводный график. На этом графике по оси X отложены относительные временные точки (в % от длительности гласного), а по оси Y – относительные изменения частоты (в % от f_0). Полученная визуализация позволяет наглядно сравнить форму и динамику мелодического контура на ударном гласном и заударном отрезке между различными типами высказываний, абстрагируясь от абсолютных значений (рис. 16).

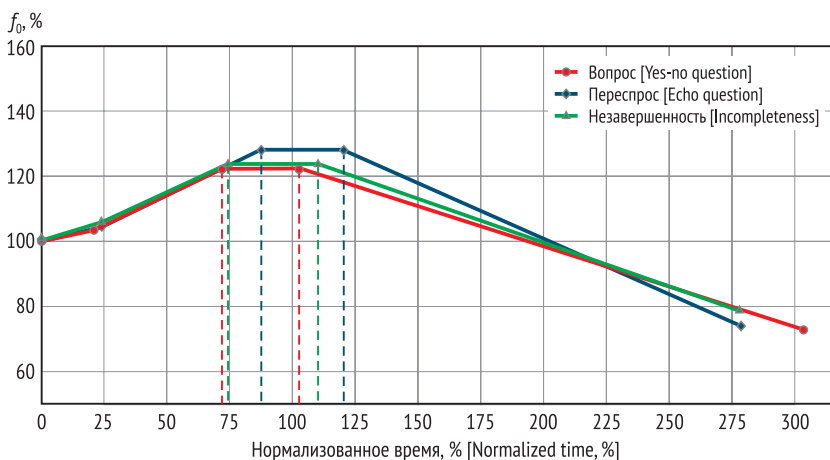

Рис. 16. График, показывающий контуры различных типов высказываний
Fig. 16. A graph showing the contours of various types of utterances

График показывает, что начальная фаза представляет собой первое плато, длящееся приблизительно 25% от общей длительности ударного гласного. За ним следует подъем частоты основного тона, который продолжается до отметки 75–85% от длительности гласного, после чего достигается второе плато. Наиболее интересной чертой является точка окончания второго плато: значительное снижение ЧОТ начинается уже после фонетического окончания ударного гласного (отметка >100%) и продолжается вплоть до 119% от его длительности (т.е. чаще в инициали следующего согласного).

Проведенный анализ выявил четкое отличие конструкции «Переспрос» на фоне других типов. Переспрос характеризуется наиболее поздним таймингом:

- пик подъема ЧОТ (второе плато) достигается существенно позже, чем в общем вопросе и немаркированной незавершенности;
- фаза падения также начинается с заметной задержкой (см. рис. 5).

3.3. Статистический анализ

3.3.1. Методы

Для анализа были выбраны три ключевых тональных параметра, измеряемые относительно длительности гласного:

- t_1 : начало тонального подъема;
- t_2 : конец тонального подъема;
- t_3 : начало тонального падения.

Все значения параметров были нормализованы относительно длительности соответствующего ударного гласного звука, что позволило исключить влияние абсолютной длительности высказывания и сосредоточиться на относительных временных характеристиках тонального контура.

Для анализа данных применялись следующие статистические методы.

1. Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для проверки наличия статистически значимых различий между тремя группами высказываний (вопрос, переспрос, немаркированная незавершенность) по каждому из рассматриваемых параметров. Этот метод определяет, существуют ли статистически значимые различия между групповыми средними в конкретном эксперименте. За нулевую гипотезу было принято, что статистически значимые различия есть. Исходный уровень значимости был взят на уровне $p = 0,005$.

2. Если результаты теста ANOVA указывали на наличие статистически значимых результатов, то применялся Post-hoc анализ с использованием критерия Тьюки (Tukey HSD) для попарного сравнения групп

высказываний. Этот метод позволяет контролировать появление ошибок I рода (ложно-положительных результатов) и выявлять пары объектов, между которыми есть значимые различия.

3. Поправка Бонферрони для корректировки уровня значимости при множественных сравнениях. Уровень значимости был скорректирован до $\alpha = 0,0167$ для учета трех попарных сравнений в рамках каждого параметра. Также данная поправка применялась и для оценки результатов попарных сравнений.

Статистический анализ данных был выполнен с использованием языка программирования Python версии 3.12. Для проведения анализа были задействованы специализированные библиотеки статистических методов:

- SciPy (модуль `scipy.stats`) – для проведения параметрических тестов, включая дисперсионный анализ;
- `statsmodels` – для реализации методов множественных сравнений, включая критерий Тьюки;
- `pandas` и `numpy` – для структурированной работы с данными и работой с массивами данных.

3.3.2. Результаты статистического анализа

Результаты однофакторного ANOVA показали отсутствие статистически значимых различий между типами высказываний по параметру t_1 ($p = 0,1317$; $0,1317 > 0,05$). Это свидетельствует о том, что момент начала тонального подъема не отличается значимо между различными высказываниями типа ИК-3.

Анализ выявил статистически значимые различия между группами по параметру t_2 ($p = 0,0162$; $0,0162 < 0,05$). Post-hoc анализ с применением критерия Тьюки показал следующие результаты:

- Переспрос vs. Незавершенность: $p = 0,0636$ ($0,0636 > 0,0167$) – различия статистически незначимы;
- Переспрос vs. Вопрос: $p = 0,0159$ ($0,0159 < 0,0167$) – различия статистически значимы;
- Незавершенность vs. Вопрос: $p = 0,8504$ ($0,8504 > 0,0167$) – различия статистически незначимы.

Дисперсионный анализ (ANOVA) также выявил статистически значимые различия между группами по параметру t_3 ($p = 0,0222$; $0,0222 < 0,05$).

Применение Post-hoc анализа показал:

- Переспрос vs. Незавершенность: $p = 0,2643$ ($0,2643 > 0,0167$) – различия статистически незначимы;
- Переспрос vs. Вопрос: $p = 0,0161$ ($0,0161 < 0,0167$) – различия статистически значимы;

– Незавершенность vs. Вопрос: $p = 0,3924$ ($0,3924 > 0,0167$) – различия статистически незначимы.

Проведенный анализ показал, что наиболее выраженные различия наблюдаются между переспросами и вопросами, в то время как немаркированная незавершенность занимает промежуточное положение, не отличаясь значимо ни от одной из категорий. При этом различия по t_1 нельзя считать статистически значимыми ни для одной из пар категорий.

3.4. Другие конструкции с акцентом $H^*+^{\wedge}H^*>$

При поиске подходящего материала были также рассмотрены альтернативные вопросы (alternative questions), но т.к. вопросов такого типа набралось только 9, они не были включены в итоговую выборку для полноценного анализа. По классификации Е.А. Брызгуновой, такие вопросы относятся к ИК-2 и ИК-3, что отражается в том, что первая часть маркируется таким же акцентом, как и ИК-3, а вторая акцентная часть – нисходящим движением тона. Качественный анализ собранных примеров показал, что, действительно, первый акцент в альтернативном вопросе оформляется мелодическим контуром вида $H^*+^{\wedge}H^*>$ (рис. 17).

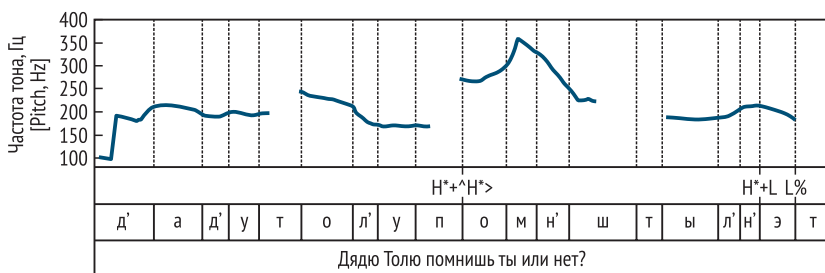

Рис. 17. Кривая ЧОТ альтернативного вопроса
'Дядю Толю помнишь ты или нет?' (ЗЕС1942)

Fig. 17. The pitch contour of the utterance
'Do you remember Uncle Tolya or not?'; alternative question]

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о просодической структуре высказываний типа ИК-3 в говоре деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области.

Качественный и количественный анализ выявил, что общий вопрос, переспрос и немаркированная незавершенность оформляются сходным типом ступенчатого мелодического контура. Статистический анализ,

однако, показал неоднородность внутри этой группы: наиболее выраженные и значимые различия по временным параметрам (более позднее достижение пика ЧОТ (t_2) и начало спада (t_3)) наблюдаются между общим вопросом и переспросом. При этом просодические характеристики немаркированной незавершенности занимают промежуточное положение, статистически не отличаясь значимо ни от одной из двух других категорий.

Полученные данные поднимают ключевой вопрос о фонологическом статусе наблюдаемых вариаций. Можно предположить, что, несмотря на статистически значимые различия, в основе наблюдаемых вариаций лежит единый фонологический контур – ступенчатый восходящий акцент $H^*+^{\wedge}H^*>$. На это указывает качественное сходство всех контуров, заключающееся в наличии двух ключевых компонентов: ровного высокого тона в начале ударного гласного и последующего ступенчатого повышения до сверхвысокого плато. Выявленные статистические различия отражают градиентную фонетическую вариативность в реализации этого контура, а не дискретное фонологическое противопоставление.

Основной аргумент, который на это указывает, заключается в отсутствии бинарной оппозиции: немаркированная незавершенность, занимая промежуточную позицию, не образует статистически значимых пар ни с одним из полюсов («общий вопрос» – «переспрос»). Это служит свидетельством плавного градиентного перехода, а не наличия отдельных фонологических категорий. Таким образом, наличие статистически значимых различий между общим вопросом и переспросом следует интерпретировать не как свидетельство разных интонационных конструкций, а как свидетельство системной фонетической вариативности в рамках одного фонологического контура.

В дальнейшем исследовании необходимо будет провести перцептивный анализ, который может как подтвердить, так и опровергнуть наличие значимых различий между общим вопросом и переспросом. Если участники эксперимента смогут на слух определить, когда задается тот или иной тип вопроса, это будет служить индикатором того, что такие высказывания могут маркироваться разными тональными акцентами.

Библиографический список/References

Брызгунова, 1963 – Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963. [Bryzgunova E.A. Prakticheskaya fonetika i intonaciya russkogo yazyka [Practical phonetics and intonation of the Russian language]. Moscow, 1963.]

Брызгунова, 1967 – Брызгунова Е.А. Интонация и смысл предложения // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 35–40. [Bryzgunova E.A. Intonation and meaning of the sentence. *Russian Language Abroad*. 1967. No. 1. Pp. 35–40. (In Rus.)]

Брызгунова, 1980 – Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. С. 103–118. [Bryzgunova E.A. Intonation. *Russkaya grammatika*. Vol. 1: Phonetics, phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1980. Pp. 103–118. (In Rus.)]

Касаткина, 2002 – Касаткина Р.Ф. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII) / под ред. Л.Л. Касаткиной. М., 2002. С. 134–151. [Kasatkina R.F. Notes on South-Russian intonation. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. No. I (VII). L.L. Kasatkina (ed.). Moscow, 2002. Pp. 134–151. (In Rus.)]

Князев, Дьяченко, 2023 – Князев С.В., Дьяченко С.В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Ч. II. Псковские говоры // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 44–60. [Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Melodic contour of yes-no question in a Western Middle-Russian dialect with akan'je. Part II: Pskov dialect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2023. No. 2. Pp. 44–60. (In Rus.)]

Князев, 2024 – Князев С.В. Русская диалектная просодия и интонационная фонология русского языка: восходящий акцент // Русский язык в научном освещении. 2024. No. 1 (47). Pp. 54–95. [Knyazev S.V. Phrase prosody of Russian dialects and intonational phonology of Russian: Rising pitch accent. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2024. No. 1 (47). Pp. 54–95. (In Rus.)]

Князев, 2025 – Князев С. В. «Южнорусский stød»: фонетика или фонология? // Вопросы языкознания. 2025. № 2. С. 49–104. [Knyazev S.V. Southern Russian stød: Phonetics or phonology? *Voprosy jazykoznanija*. 2025. No. 2. Pp. 49–104. (In Rus.)]

Князев, Дьяченко, 2025 – Князев С.В., Дьяченко С.В. Южнорусская интонация: восток – запад // Slověne. 2025. Т. 14. № 1. С. 229–276. [Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Southern Russian intonation: East vs. West. *Slověne*. 2025. Vol. 14. No. 1. Pp. 229–276. (In Rus.)]

Ронько, 2026 – Ронько Р.В. Экспедиции диалектологического кружка НИУ ВШЭ в деревни Западнотверского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 9–20. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20 [Ron'ko R. Expeditions of the dialectological study group of the HSE University to the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 9–20. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20]

Янко, 2008 – Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008. [Yanko T.E. Intonatsionnye strategii russkoi rechi v сопоставителном аспекте [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow, 2008.]

Янко, 2025 – Янко Т.Е. Русский upstep: просодическая модель переспроса к плану выражения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2025. № 23. С. 470–480. [Yanko T.E. Upstep in Russian echo-questions about expressions. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 2025. No. 23. Pp. 470–480. (In Rus.)]

Beckman, Hirschberg, 1994 – Beckman M.E., Hirschberg J. ToBI annotation conventions. Ms. Ohio State University. 1994.

Igarashi, 2006 – Igarashi Y. Intonational patterns in Russian interrogatives – phonetic analyses and phonological interpretations. *Prosody and syntax: Cross-linguistic perspectives*. Y. Kawaguchi, I. Fónagy, T. Moriguchi (eds.) Amsterdam, 2006. Pp. 175–196.

Pierrehumbert, 1980 – Pierrehumbert J.B. The phonology and phonetics of English intonation. PhD. dis. Massachusetts Institute of Technology. 1980.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Монина Вера Евгеньевна – студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Vera E. Monina – student at the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7280-2953>

E-mail: vera.monina.2005@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-78-98

УДК 81-114.4

А.В. Анцупова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Пропуск предлога *в* в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области

Статья посвящена конструкциям с пропуском предлога *в*, кодирующим пространственные, временные и некоторые другие обстоятельственные отношения, в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области. Мы предпринимаем попытку определения факторов, влияющих на отсутствие предлога в рассматриваемых конструкциях, представляя анализ соответствующих фонетических и семантико-синтаксических тенденций. Установлено, что отсутствие предлога в исследуемых говорах, вероятно, не может быть объяснено исключительно фонетическими причинами, но может быть сопоставлено с беспредложными конструкциями древнерусского языка.

Ключевые слова: пропуск предлога, беспредложный аккузатив, беспредложный локатив, исторический синтаксис, историческая фонетика, русская диалектология

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Анцупова А.В. Пропуск предлога *в* в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 78–98. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-78-98

A. Antsupova

HSE University,
105066 Moscow, Russian Federation

Omission of the preposition *v* in the dialect of the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region

This study explores constructions in which the preposition *v* ('in') is omitted, expressing spatial, temporal, and other adverbial relations in the dialects of villages in the Zapadnodvinsky District, Tver Region. We examine phonetic and semantic-syntax patterns to identify factors behind the omission. The results indicate that this phenomenon cannot be explained solely by phonetics and may reflect patterns akin to Old East Slavic prepositionless case constructions.

Key words: preposition drop, prepositionless accusative, prepositionless locative, historical syntax, historical phonetics, Russian dialectology

FOR CITATION: Antsupova A. Omission of the preposition *v* in the dialect of the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 78–98. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-78-98

1. Введение

Предметом настоящей работы являются беспредложные конструкции, кодирующие пространственные, временные и некоторые другие обстоятельственные отношения, в говорах деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области.

Эквивалентные конструкции в современном русском литературном языке (СРЛЯ) предполагают обязательное наличие предлога *в*, который может отсутствовать в соответствующей позиции в исследуемых говорах:

- (1) *Ей было плохо (в) **Топоне*** (Корпус говора деревни Пятиусово, НПР1963)

(2) А (в) **сорок втором** я родилася (Корпус говора деревни
Пятиусово, ЗЕС1942)

В стандартной устной речи отмечается фонетическая редукция предложения в (см. [Насырова, 2022]), которая зависит от ряда факторов, не связанных с семантико-синтаксическими особенностями употребления предложения. Материал нашего исследования показывает, что в СРЛЯ контексты с отсутствием реализации предложения в составляют 13% от общего числа употреблений предложения, в то время как аналогичный показатель в изучаемых говорах достигает 29%.

Целью настоящей работы является определение факторов, влияющих на отсутствие предложения в рассматриваемых диалектных конструкциях. Работа опирается на предыдущие исследования автора [Анцупова, 2024] и представляет не высказанные ранее соображения, касающиеся дополненных новыми данными диалектного материала.

Отсутствие предложения в аналогичных конструкциях отмечается и в ряде других восточнославянских диалектов: в говорах Сибири [Селищев, 1921] и Воронежской области [Собинникова, 1969], в севернорусском фольклоре [Станишева, 1966], в украинском закарпатском говоре [Толстая, 2024], а также в русском старожильческом говоре низовой Индигирки [Васильев, 2025]. В некоторых из упомянутых работ предпринимается попытка объяснить отсутствие предложения фонетическими или семантико-синтаксическими причинами. Преобладающей точкой зрения является постулирование обусловленности пропуска фонетическими параметрами, а именно – редукцией предложения в, реализующегося губно-губным аппроксимантом [w], в позиции перед согласным.

Учитывая большую частотность рассматриваемых беспредложных употреблений в говорах относительно данных СРЛЯ, мы представляем, с одной стороны, анализ фонетических тенденций в диалектных контекстах в сравнении с тенденциями, характерными для литературной устной речи, с другой – сопоставительный анализ рассматриваемых диалектных конструкций и аналогичных беспредложных конструкций древнерусского языка с целью оценки возможности функционирования в говорах древнерусских моделей употребления беспредложных падежей.

Дальнейшее изложение структурировано следующим образом. Раздел 2 посвящен описанию материала и методологии исследования. В разделе 3 приводится анализ фонетических тенденций, приводящих к отсутствию предложения в исследуемых говорах в сравнении с данными литературной устной речи. Раздел 4 посвящен сопоставительному анализу рассматриваемых диалектных конструкций и беспредложных моделей употребления падежей, характерных для древнерусского

языка. В разделе 5 приводится интерпретация полученных результатов и попытка определить факторы, влияющие на отсутствие предлога в рассматриваемых употреблении.

2. Данные и методы

Настоящее исследование основано на материале четырех устных корпусов и полевом материале автора, собранном в деревне Пятиусово в 2024 г. В качестве источника данных литературной русской устной речи были взяты два корпуса: Корпус русской устной речи¹ и Корпус говора города Звенигорода². Данные исследуемых говоров представлены материалом Корпуса говора деревень Шетнево и Макеево³ и Корпуса говора деревни Пятиусово⁴, а также полевым материалом автора.

В качестве данных литературной устной речи в выборку исследования включено 1134 вхождения предлога *в* в Корпус русской устной речи и Корпус говора города Звенигорода. Из них 985 контекстов содержат фонетическую реализацию предлога, а 149 контекстов – не содержат. В качестве данных исследуемых говоров в выборку содержится 1000 вхождений предлога *в* в Корпус говора деревень Шетнево и Макеево и в Корпус говора деревни Пятиусово. Из них 710 контекстов содержат соответствующую реализацию предлога, а 290 контекстов – не содержат. Поиск в корпусах осуществлялся посредством запроса *lemma*='в', каждое вхождение предлога в выдачу корпусов переслушивалось вручную и исследовалось с помощью анализа его спектрограммы в программе *Praat*.

Полевой материал исследования был собран с целью проверки гипотезы о связи отсутствия предлога с семантико-синтаксическими параметрами рассматриваемых конструкций. Информантам были заданы вопросы, ответы на которые предполагали указание на пространственные или временные характеристики обсуждаемой ситуации (*Где вы родились?*

¹ Корпус русской устной речи. URL: <http://russpeech.spbu.ru/> (дата обращения: 18.09.2025).

² Panova A. Corpus of Russian spoken in Zvenigorod, Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2021. URL: <http://lingconlab.ru/zvenigorod/> (accessed: 18.09.2025).

³ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

Когда вы пошли в школу? и т.д.), при этом предложная конструкция в вопросе отсутствовала с целью избежания эффекта прайминга [Pickering et al., 1999].

Для определения фонетических причин отсутствия предлога в при обработке корпусных данных выборки – как литературной устной речи, так и исследуемых говором – были осуществлены расчеты статистической значимости корреляций от следующих параметров левого и правого контекстов: место образования, способ образования, твердость/мягкость, глухость/звонкость (в случае, если соответствующий звук является согласным); огубленность/неогубленность (в случае, если соответствующий звук является гласным). Расчет значимости каждой из корреляций осуществлялся при помощи попарного сравнения данных с применением критерия χ^2 и поправки Бонферрони (пороговое значение $p\text{-value} = 0,05$).

Сопоставительный анализ рассматриваемых диалектных конструкций и архаичных беспредложных конструкций был осуществлен с привлечением материала теоретических работ, посвященных беспредложным аккузативу и локативу древнерусского [Топоров, 1961; Зализняк, 2004; Крысько, 2006; Борковский, Кузнецов, 2007] и старорусского [Блинова, 2010] периодов.

3. Фонетические тенденции в контекстах с отсутствием предлога

Редукция предлога *в* в литературной русской устной речи описана в некоторых работах (см., например, [Насырова, 2022]). В качестве факторов, увеличивающих вероятность редукции, в упомянутой работе отмечаются интерконсонантная позиция предлога *в* и степень спонтанности речи; фактором, который уменьшает вероятность редукции, Е.В. Насырова называет интервокальную позицию предлога.

Утверждение об увеличении в литературной устной речи вероятности отсутствия предлога в интерконсонантной позиции было проверено на материале настоящего исследования. Проведенные расчеты показали, что соответствующая корреляция действительно обладает статистической значимостью: значение $p\text{-value}$ составляет $<0,01$. В таблице 1 представлено распределение контекстов с отсутствием предлога в литературной устной речи в зависимости от интерконсонантной позиции предлога.

Из числа всех проанализированных параметров (см. раздел «Данные и методы») в литературной устной речи статистически значимое

увеличение вероятности отсутствия предлога также обнаружилось в позициях:

- а) перед щелевым согласным ($p\text{-value} < 0,01$);
- б) перед звуками [м]/[м']⁵ ($p\text{-value} < 0,01$).

Таблица 1

**Зависимость отсутствия предлога
от интерконсонантной позиции (Корпус русской устной речи
и Корпус говора города Звенигорода)
[Dependence of preposition omission on the interconsonantal position
(Corpus of Russian Spoken Speech, Corpus of Russian spoken
in Zvenigorod)]**

	Интерконсонантная позиция [Interconsonantal position]	Не-интерконсонантная позиция [Non-interconsonantal position]
Предлог присутствует [Preposition present]	769 (92,87%) [719,21]	216 (70,59%) [265,79]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	59 (7,13%) [108,79]	90 (29,41%) [40,21]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

В позиции перед взрывным согласным вероятность отсутствия предлога, напротив, уменьшается ($p\text{-value} < 0,01$). Приведенные утверждения верны как для интерконсонантной позиции предлога, так и для позиции после гласного перед соответствующим согласным. В таблицах 2–4 проиллюстрированы представленные распределения, демонстрирующие статистическую значимость.

Корреляций с другими параметрами, которые учитывались при анализе, на данных литературной устной речи обнаружено не было.

Увеличение вероятности отсутствия предлога в интерконсонантной позиции также прослеживается на данных исследуемых говоров ($p\text{-value} < 0,01$); соответствующее распределение иллюстрирует таблица 5.

⁵ Твердый и мягкий звук рассматривались как единая фонетическая позиция ввиду того, что в литературной устной речи зависимость отсутствия предлога от твердости/мягкости левого и правого контекстов не оказалась статистически значимой.

Таблица 2

**Зависимость отсутствия предлога от позиции
перед щелевым согласным (Корпус русской устной речи
и Корпус говора города Звенигорода)
[Dependence of preposition omission on the position
before a fricative consonant (Corpus of Russian Spoken Speech,
Corpus of Russian spoken in Zvenigorod)]**

	Перед щелевым согласным [Before a fricative consonant]	Перед другим согласным [Before another consonant]
Предлог присутствует [Preposition present]	193 (75,98%) [212,92]	569 (86,87%) [549,08]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	61 (24,02%) [41,08]	86 (13,13%) [105,92]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Таблица 3

**Зависимость отсутствия предлога от позиции перед [м]/[м']
(Корпус русской устной речи и Корпус говора города Звенигорода)
[Dependence of preposition omission on the position
before [m]/[m'] (Corpus of Russian Spoken Speech,
Corpus of Russian spoken in Zvenigorod)]**

	Перед [м]/[м'] [Before [m]/[m']]	Перед другим согласным [Before another consonant]
Предлог присутствует [Preposition present]	72 (73,47%) [82,15]	690 (85,08%) [679,85]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	26 (26,53%) [15,85]	121 (14,92%) [131,15]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Таблица 4

**Зависимость отсутствия предлога от позиции
перед взрывным согласным (Корпус русской устной речи
и Корпус говора города Звенигорода)
[Dependence of preposition omission on the position
before a plosive consonant (Corpus of Russian Spoken Speech,
Corpus of Russian spoken in Zvenigorod)]**

	Перед взрывным согласным [Before a plosive consonant]	Перед другим согласным [Before another consonant]
Предлог присутствует [Preposition present]	417 (88,72%) [393,99]	345 (78,59%) [368]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	53 (11,28%) [76]	94 (21,41%) [70,99]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Таблица 5

**Зависимость отсутствия предлога от интерконсонантной позиции
(Корпус говора деревень Шетнево и Макеево,
Корпус говора деревни Пятиусово)
[Dependence of preposition omission on the interconsonantal position
(Corpus of Shetnevo and Makeevo,
Corpus of the Russian dialect spoken in Pyatiusovo)]**

	Интерконсонантная позиция [Interconsonantal position]	Не-интерконсонантная позиция [Non-interconsonantal position]
Предлог присутствует [Preposition present]	145 (54,92%) [187,44]	565 (76,77%) [522,56]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	119 (45,08%) [76,56]	171 (23,23%) [213,44]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Из всех проанализированных параметров в исследуемых говорах вероятность отсутствия предлога увеличивается лишь в позиции перед глухим согласным ($p\text{-value} = 0,04$) (таблица 6).

Таблица 6

**Зависимость отсутствия предлога от позиции
перед глухим согласным (Корпус говора деревень Шетнево
и Макеево, Корпус говора деревни Пятиусово)
[Dependence of preposition omission on the position
before a voiceless consonant (Corpus of Shetnevo and Makeevo,
Corpus of the Russian dialect spoken in Pyatiusovo)]**

	Перед глухим согласным [Before a voiceless consonant]	Перед звонким согласным [Before a voiced consonant]
Предлог присутствует [Preposition present]	311 (65,89%) [325,87]	300 (72,64%) [285,13]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	161 (34,11%) [146,13]	113 (27,36%) [127,87]

Примечание. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[Note. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Стоит отметить, что вероятность отсутствия предлога перед глухим согласным не увеличивается при отдельном рассмотрении контекстов интерконсонантной позиции предлога и контекстов позиции после гласного перед глухим согласным, в связи с чем соответствующая корреляция относится прежде всего к контекстам изолированной позиции предлога (начала речевого акта).

Проведенные расчеты показывают, что для литературной русской устной речи представляется возможным считать прототипическими контекстами отсутствия фонетической реализации предлога в контексты вида “согласный + (позиция предлога) + целевой согласный” (типа *Ехать в сад*) и “согласный + (позиция предлога) + [м]/[м’]” (типа *Ехать в Москву*). Отсутствие предлога в изучаемых говорах коррелирует с иными фонетическими тенденциями: несмотря на то, что вероятность отсутствия предлога, аналогично литературной устной речи, увеличивается в интерконсонантной позиции, место и способ образования правого контекста не влияют на отсутствие предлога. Корреляцию по глухости/

звонкости правого контекста, которая, в отличие от литературной устной речи, прослеживается в изучаемых говорах, также нельзя считать абсолютной: о влиянии данного фактора на вероятность отсутствия предлога, скорее, стоит говорить применительно к контекстам его изолированной позиции.

Представляет интерес природа отсутствия реализации предлога *в* в литературной устной речи. В [Насырова, 2022] соответствующий феномен описывается как фонетическая редукция; с учетом полученных результатов, касающихся влияния характеристик правого контекста на вероятность отсутствия предлога, мы предполагаем, что в данном случае можно говорить о полной ассимиляции аллофона фонемы /в/ с правым контекстом и последующем сокращении длительности соответствующего звукового сегмента.

Приведенная точка зрения имеет два преимущества: с одной стороны, рассматривая данный процесс как полную регрессивную ассимиляцию аллофона фонемы /в/, представляется возможным анализ этого процесса в совокупности с другими случаями полной ассимиляции согласных в русском языке: в частности, с ассимиляцией в позиции перед альвеолярными согласными типа *с шутками* [ш:útкъм'ь], см. [Коздасов, Кривнова, 2001, с. 361].

С другой стороны, такое определение позволяет провести параллель между отсутствием реализации предлога *в* в литературной устной речи и в исследуемых говорах. В работе [Замбрицкая, 2026] установлено, что для выбора аллофона фонемы /в/, посредством которого осуществляется реализация предлога *в*, в позиции перед согласным чувствительной оказывается характеристика правого контекста по глухости/звонкости: на материале упомянутого исследования в позиции предлога перед глухим согласным чаще всего встречаются губно-губной аппроксимант [w] и гласный [y]⁶. В соответствии с этим реализация предлога *в* посредством аппроксиманта [w] как в литературной устной речи (в позиции перед звуками [м]/[м'] в контекстах типа *Ехать в Москву* [jéxъt' w масквǔ] (ср. возможность произнесения губно-губного аппроксиманта в аналогичной внутрисловной фонетической позиции *травмпункт* [травмпǔнкт] [Князев, Пожарицкая, 2011, с. 50]), так и в исследуемых говорах (в позиции перед глухим согласным) с большей вероятностью может претерпевать полную ассимиляцию с правым контекстом.

⁶ Соответствующее наблюдение было проверено и подтверждено на материале нашего исследования.

Говоря о еще одном прототипическом контексте отсутствия реализации предлога *в* в литературной устной речи – позиции после согласного перед щелевым согласным – следует помнить, что следы сонорного происхождения /в/ [Пожарицкая, 2005; Галинская, 2009] в СРЛЯ прослеживаются менее явно, чем в исследуемых говорах. Фрикативная реализация /в/ в литературной устной речи в позиции перед сибиллянтами – главным образом, перед альвеолярными [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 361] – может претерпевать полную ассимиляцию с правым контекстом. В таблице 2 была рассмотрена зависимость отсутствия предлога в литературной устной речи от позиции перед щелевым согласным: необходимо уточнить, что около 90% соответствующих контекстов составляют контексты с сибиллянтами. Аналогичная ситуация может иметь место и в соответствующих сочетаниях фрикативных согласных во внутрисловной позиции, ср. *пр^встр^вич^вац^в*⁷ – вследствие чего реализация предлога *в* в данных контекстах отсутствует.

Приведенная точка зрения, тем не менее, сталкивается с несколькими существенными проблемами: во-первых, как известно, вследствие своего сонорного происхождения /в/ по ряду акустических и фонологических свойств в СРЛЯ противопоставлен фрикативным согласным, ввиду чего рассмотрение процесса ассимиляции аллофонов фонемы /в/ в совокупности с другими случаями ассимиляции щелевых не всегда уместно. Во-вторых, в позиции предлога перед глухим согласным в исследуемых говорах с одинаковой частотностью наблюдается как губно-губной аппроксимант [w], так и гласный [y]. Изложенный выше взгляд на проблему определяет [w] как наиболее склонную к ассимиляции реализацию предлога *в*, однако реализация [y] не получает аналогичной характеристики в соответствии с приведенным рассуждением. Наконец, механизмы ассимиляции согласного в позиции предлога и во внутрисловной позиции могут существенно различаться, вследствие чего для проверки изложенного выше предположения необходимо провести дополнительное исследование соответствующих процессов на материале литературной устной речи и исследуемых говоров.

Приведенный анализ фонетических тенденций показывает, что прототипические контексты отсутствия предлога в литературной устной речи и в исследуемых говорах различаются. Единственным фактором, влияющим на увеличение вероятности отсутствия предлога в говорах (кроме интерконсонантной позиции), оказывается глухость правого контекста,

⁷ Приведенный случай можно рассматривать и как редукцию звука [ф] в начале кластера согласных.

но и эту зависимость нельзя признать абсолютной: даже при рассмотрении всех вхождений предлога *в* без разделения по признаку интерконсонантной позиции значение *p-value* для соответствующей корреляции (0,04) близко к пороговому (0,05). Вместе с тем беспредложные употребления в исследуемых говорах прослеживаются в строго определенных семантических группах контекстов, что не может не наводить на мысль о возможной обусловленности отсутствия предлога семантико-синтаксическими параметрами. Соответствующая гипотеза будет обсуждаться в следующем разделе.

4. Семантико-синтаксические особенности конструкций с отсутствием предлога

В исследуемых говорах систематически обнаруживаются три типа конструкций с отсутствием предлога *в*.

1. Конструкции с винительным падежом, кодирующим цель движения (около 90 примеров соответствующего типа):

(3) Он поехал (в) **Торопу** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

2. Конструкции с предложным падежом, кодирующим пространственную локализацию действия (около 130 примеров соответствующего типа):

(4) Сестра живет (в) **том доме** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

3. Конструкции с винительным и предложным падежами, кодирующими момент или период времени, в который имела место описываемая ситуация, а также конструкции с винительным падежом, указывающим на периодичность осуществления ситуации (около 100 примеров соответствующего типа):

(5) Нужно отправить его (в) **шесть часов** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(6) Невестка, по-моему, (в) **прошлом году** тоже не ходила (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(7) Туда я ходила раз (в) **неделю** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Зафиксированы единичные случаи употребления беспредложных конструкций с аккузативом и локативом, кодирующих иные обстоятельственные отношения:

- (8) Он *приехал* (в) **ягоды** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)⁸
- (9) И (в) **поездки** отправился (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ВПМ1934)
- (10) Я не *разбираюсь* (в) **телефонах** (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ВПМ1934)

В таблице 7 представлена статистика употреблений беспредложных конструкций с различными значениями в исследуемых говорах.

Таблица 7

**Статистика употреблений беспредложных конструкций
(Корпус говора деревень Шетнево и Макеево,
Корпус говора деревни Пятиусово, полевой материал)
[Statistics of zero-preposition constructions in the dialects
(Corpus of Shetnevo and Makeevo, Corpus of the Russian dialect
spoken in Pyatiusovo, and field data)]**

Значение беспредложной конструкции [Meaning of the zero-preposition construction]	Количество употреблений [Number of occurrences]
Указание на локализацию [Localization]	130 (38,46%)
Указание на момент/период времени + периодичность осуществления ситуации [Indication of time point / time period + habituality of the situation]	96 (28,40%)
Указание на цель движения [Goal of motion]	86 (25,44%)
Другое [Other]	26 (7,70%)
Всего [Total]	338 (100%)

В древнерусском языке систематически наблюдаются беспредложные конструкции с аккузативом и локативом, кодирующие отношения, аналогичные тем, которые выражаются посредством пространственных и временных беспредложных конструкций в исследуемых говорах. Ниже приводится сопоставительный анализ засвидетельствованных

⁸ В исследуемых говорах встречаются объектно-целевые конструкции с глаголами движения и объектами лесного собирательства с предлогом *в*, см. [Ронько и др., 2023, с. 252].

в говорах конструкций и архаичных беспредложных конструкций, которые описаны в теоретических работах, посвященных историческому синтаксису русского языка.

4.1. Конструкции с беспредложным аккумулятивом цели движения

Бспредложный аккумулятив цели движения фиксируется в древнерусских памятниках письменности различного содержания – летописях, религиозных текстах, историко-повествовательной литературе – с XI в. Соответствующие конструкции подробно анализируются в [Станишева, 1966; Крысько, 2006]; приведем некоторые примеры из упомянутых работ: *Оульбъ же внида Черниговъ* [Крысько, 2006, с. 58]; *ѣха къ ѿои Богородици Печерьскои манастырь* [Там же]; *поиде ко тьстоу смоемоу Киевь* [Там же], *веде мя нѣкое мѣсто свѣта исплънено* [Крысько, 2006, с. 60]. На рубеже XII–XIII вв. формы беспредложного винительного падежа цели движения встречаются не только от названий городов, но и от имен нарицательных (*мѣста, жилища*), что, по предположению В.Б. Крысько, свидетельствует о сохранении беспредложного аккумулятива цели движения в качестве живой формы. В текстах среднерусского периода рассматриваемые конструкции фиксируются окказионально: *они (ж) хотели что(б) ѿръ мать свою з двора своего сослал тот двор гдѣ вдовы да дѣвки живутъ ѿрвы* [Там же, с. 64]; В.Б. Крысько указывает, что относительно активное использование беспредложного аккумулятива цели движения завершилось в XIII в.

В [Борковский, Кузнецов, 2007] отмечается, что употребление винительного падежа без предлога для обозначения места (цели движения) было ограниченным; приведенный авторами иллюстративный материал аналогичен примерам из работ Д.С. Станишевой и В.Б. Крысько. В работе О.В. Блиновой, посвященной анализу беспредложных сочетаний в грамотках XVII в., представлено два примера употребления беспредложного аккумулятива цели движения, в которых отсутствуют условия для графической аттракции предлога: *пожалуи ѿсдръ возми грамотки советные от Федора Алексѣевича Головина Свияжскъ*; *от вашей бѣгоданые трапезы приволокся к събе домишка и обрадовас вашему к събе мѣсрдною <>* [Блинова, 2010, с. 398]. В других случаях употребления беспредложного аккумулятива цели движения О.В. Блинова объясняет отсутствие предлога наличием условий для устранения графических дублетов на письме, а также особенностями функционирования в языке грамоток XVII в. беспредложного аккумулятива с объектным значением. Утверждается, что употребления рассматриваемых

конструкций следует признать случайными, поскольку на материале исследования беспредложный аккузатив цели движения встречается на порядок реже, чем аналогичные предложные употребления.

В исследуемых говорах конструкции с беспредложным винительным падежом цели движения встречаются:

а) с топонимами – названиями близлежащих населенных пунктов и крупных городов России:

(11) Мы *ходили* (в) **Шетнево** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(12) Это *когда уже* (в) **Старую Торопу** *пошли* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(13) Уже (в) **Пятиусово** *пришли* (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

(14) *Ездила* (в) **Москву** *за покупками* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

б) с именами нарицательными – в том числе в сочетании с определением:

(15) *Ходили* (в) **церковь** *туда* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(16) Мы *ходили* (в) **школу** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(17) Он (в) **дом** *не заходит* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(18) *Ездили* (в) **какой-то город** (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

4.2. Конструкции с беспредложным локативом пространственной локализации

Беспредложный локатив со значением пространственной локализации широко распространен в летописях и памятниках деловой письменности XI–XIII вв. [Топоров, 1961]. В.Н. Топоров, анализируя специфику употребления беспредложного локатива в древнерусском языке, утверждает, что рассматриваемые конструкции чаще встречаются с названиями городов: *Переставися кнѣзь Мъстиславъ Новегородъ; А Михалко седе Володимири, а брата посади Переяслави; Побѣдиша Ярослава Морѣдва Муромъ* [Там же, с. 20], реже наблюдаются случаи употребления беспредложного локатива пространственной локализации от нарицательных имен с обстоятельственным значением: *том же*

мѣстѣ; одиномѣ мѣстѣ; Савѣкине дворе [Топоров, 1961, с. 21]. Активное использование данных беспредложных конструкций завершилось в XIII в.; как отмечается в [Борковский, Кузнецов, 2007], в конце XV в. в памятниках письменности фиксируется совсем небольшое число употреблений беспредложного локатива пространственной локализации преимущественно не от нарицательных имен.

В [Зализняк, 2004] утверждается, что новгородские берестяные грамоты раннедревнерусского периода хорошо сохраняют древнейший тип употребления местного падежа с названиями городов и некоторых других географических пунктов – значение пребывания внутри передается беспредложным локативом: *Кыевъ; Пльскове; Переяслав[ъ]ль; Полотьскѣ* [Там же, с. 160] и др. А.А. Зализняк отмечает, что для топонимов, не принадлежащих к *а*-склонению, в берестяных грамотах этого хронологического периода отсутствуют параллельные примеры с употреблением предлога; соответствующие предложные конструкции начинают появляться только на рубеже XII–XIII вв. За рамками топонимов примеры употребления беспредложного локатива в берестяных грамотах немногочисленны, все они относятся к раннедревнерусскому периоду.

О.В. Блинова отмечает четыре употребления беспредложного локатива в пространственном значении в грамотках XVII в., в которых отсутствуют условия для графического устранения предлога: *а ѿне опаюцца ѿдрь пути останочного **Свяжском**; а мн б слыша про твое здоровее о Христе радоватися а про меня изволи <> напаметоват и я на службе **городъ** дал бгъ здорово; и мы смиреннии на Вологдѣ ноября по <> число мѣстию бжиею живы **домъ сваем**; в печалех своих обретаюс **живых*** [Блинова, 2010, с. 419]. Учитывая низкую частотность соответствующих конструкций в памятниках XVII в., О.В. Блинова считает приведенные употребления беспредложного локатива случайными.

В исследуемых говорах конструкции с беспредложным локативом, кодирующим пространственную локализацию, составляют около 40% от общего числа зафиксированных беспредложных конструкций. Соответствующие употребления наблюдаются:

а) с топонимами – названиями близлежащих населенных пунктов и крупных городов России:

(19) *А девочки вроде (в) **Твери** учатся* (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, НПР1963)

(20) *Живут (в) **Подмосковье** они* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (21) *Сама я родилась (в) **Спиридове*** (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (22) *Все-таки она (в) **Москве** работает* (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западновинский район, Тверская область, НВН1968)
- б) с именами нарицательными – в том числе в сочетании с определением:
- (23) *Не сажаю, (в) **огороде** у меня посажено* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)
- (24) *Тожe (в) **колхозе** копеек не платили* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ЛХЛ1941)
- (25) *Ну (в) **деревне** это принято* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (26) *Вот (в) **этом ларьке** работала* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

В отличие от данных древнерусского языка, тенденций к более частому употреблению топонимов по сравнению с именами нарицательными в соответствующих диалектных конструкциях не наблюдается.

4.3. Беспредложные конструкции временной локализации

Беспредложные конструкции, кодирующие временные отношения, засвидетельствованы в древнерусском языке многочисленными примерами. В [Топоров, 1961; Крысько, 2006; Борковский, Кузнецов, 2007] отмечается, что соответствующие конструкции, образуясь от ограниченного круга лексики, обозначающей временные промежутки, функционировали вплоть до XVI–XVII вв. В.Б. Крысько определяет значение беспредложного временного аккузатива как указание на момент, в который происходит какое-либо действие, или промежуток времени, частично занятый действием. Формы беспредложного временного локатива, как отмечается в [Ломтев, 1956; Стеценко, 1977; Попова, 1978], обозначают промежуток времени, частично занятый действием. Представим некоторые примеры из упомянутых работ: *А почало мерети **коноун Микоулина** дни зимняго* [Крысько, 2006, с. 74]; *то же время* *Изяславъ Мьстиславичъ посла послы своя къ королеви* [Там же, с. 73]; *и **томъ вечере** перевозися Ярославъ съ вои* [Топоров, 1961, с. 23]; *иде Всъволодь... на Чюдъ **зимъ*** [Там же, с. 20]. О.В. Блинова отмечает 18 надежных примеров употребления конструкций с беспредложным винительным моментом, а также 4 примера конструкций с беспредложным временным локативом в грамотках XVII в. Некоторые примеры: *указано*

стать **Троицынь день** в Курске; да послал я к тебе **сю весну** грамотку [Блинова, 2010, с. 401]; указ писан **прошлом году** а указ пишет на один годъ а не до урочных льтъ; давно л тот кр̑стьянин Демитка збѣжал и **котором году** и месеце и числе [Там же, с. 421].

В изучаемых говорах фиксируются следующие беспредложные конструкции, кодирующие временные отношения:

а) конструкции с аккузативом и локативом, обозначающие момент или период времени, в который происходит описываемая ситуация:

(27) *Я сюда приехала (в) **двадцать лет*** (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(28) *Это (в) **пятидесятые годы** было* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(29) *Все мы (в) **два часа** приходили домой* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(30) *Катали яички (в) **Пасху*** (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(31) *Сюда переехала (в) **пятьдесят пятом году*** (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

(32) *Я думаю, (в) **шестьдесят шестом году** дали свет* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(33) *Тане будет (в) **сентябре** шестьдесят два* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(34) *Это (в) **каком году**, Господи?* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

б) конструкции с аккузативом, указывающие на периодичность осуществления описываемой ситуации:

(35) *Автобус ходит раз (в) **неделю*** (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(36) *Газету носят (в) **неделю** раз* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Функционирование приведенных конструкций ограничено кругом лексики, обозначающей временные промежутки; на материале исследования соответствующие употребления отмечались преимущественно с порядковыми числительными – наименованиями годов (**шестьдесят шестой год**), а также с наименованиями месяцев и дней недели.

5. Заключение

В центре внимания статьи находятся беспредложные конструкции, кодирующие пространственные, временные и некоторые другие обстоятельственные отношения, в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области. В настоящем исследовании была предпринята попытка определить факторы, влияющие на отсутствие предлога в рассматриваемых диалектных конструкциях. Были проанализированы как фонетические тенденции, наблюдающиеся в контекстах с отсутствием предлога *в*, так и семантико-синтаксические особенности беспредложных диалектных конструкций.

На материале исследования установлено, что увеличение вероятности отсутствия предлога наблюдается – помимо интерконсонантной позиции – перед глухим согласным. Приведенную корреляцию, тем не менее, нельзя считать абсолютной: допуская ее влияние на отсутствие предлога, мы полагаем, что объяснить случаи беспредложных употреблений в исследуемых говорах исключительно фонетическими причинами не представляется возможным. Вместе с тем употребление соответствующих конструкций с отсутствием предлога *в* регулярно прослеживается в строго определенных семантических контекстах: при кодировании цели движения, а также пространственной и временной локализации описываемой ситуации. Рассматриваемые модели беспредложных аккумулятива и локатива соотносятся с беспредложными конструкциями древнерусского языка, выражающими аналогичные значения, что не может не наводить на мысль о возможности реликтового сохранения последних в исследуемых говорах.

Принимая во внимание тот факт, что активное употребление соответствующих конструкций с беспредложным аккумулятивом и локативом, по-видимому, завершилось в XIII в., мы, однако, не видим достаточных оснований для того, чтобы признать отсутствие предлога *в* в изучаемых говорах явлением исключительно фонетического толка, и предполагаем, что функционирование древнерусских моделей употребления беспредложных падежей до сих пор может иметь место в ряде среднерусских диалектов.

Библиографический список / References

Анцупова, 2024 – Анцупова А.В. Конструкции с пропуском предлога *в* в говоре деревень Западнодвинского района Тверской области // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы международной конференции / отв. ред. О.Е. Кармакова. М., 2024. С. 11–14. [Antsupova A.V. Constructions with the omission of the preposition *v* in the dialect of the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Aktualnye problemy russkoy dialektologii*. О.Е. Karmakova (ed.). Moscow, 2024. Pp. 11–14. (In Rus.)]

Блинова, 2010 – Блинова О.В. К вопросу о разграничении графической и грамматической мотивации употребления беспредложных сочетаний в грамотках XVII века // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 2. С. 379–429. [Blinova O. V. On the differentiation of graphic and grammatical motivation in the use of non-prepositional phrases in 17th century private letters. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Vol. 6. No. 2. Pp. 379–429. (In Rus.)]

Борковский, Кузнецов, 2007 – Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. [Borkovsky V.I., Kuznetsov P.S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, 1963.]

Васильев, 2025 – Васильев В.Л. Русский старожильский говор низовий Индигирки и диалекты европейской России: сравнительный аспект // Вопросы языкознания. 2025. № 3. С. 106–129. [Vasilyev V.L. The Russian old-resident dialect of the lower Indigirka and the dialects of European Russia: A comparative aspect. *Voprosy jazykoznanija*. 2025. No. 3. Pp. 106–129. (In Rus.)]

Галинская, 2009 – Галинская Е.А. Историческая фонетика русского языка. М., 2009. [Galinskaya E.A. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka* [Historical phonetics of the Russian language]. Moscow, 2009.]

Зализняк, 2004 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [The Old Novgorod dialect]. 2nd edition, revised taking into account finds from 1995–2003. Moscow, 2004.]

Замбрыцкая, 2026 – Замбрыцкая М. Особенности реализации фонемы /v/ в говорах деревень Макеево и Пятиусово // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 21–53. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-21-53 [Zambrhitskaia M.S. Realization patterns of the phoneme /v/ in dialects of Makeevo and Pyatiusovo villages. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 21–53. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-21-53]

Кодзасов, Кривнова, 2001 – Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001. [Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, 2001.]

Крысько, 2006 – Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. [Krysko V.B. *Istoricheskij sintaksis russkogo yazyka: Obyekt i perekhodnost* [Historical syntax of the Russian language: Object and transitivity]. Moscow, 2006.]

Ломтев, 1956 – Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. [Lomtev T.P. *Oчерки po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian language]. Moscow, 1956.]

Насырова, 2022 – Насырова Е. В. Редукция предлога «в» в русской устной речи // Фонетический лицей. Вып. 7 / под ред. Т.В. Крачковской, А.А. Портновой. СПб., 2022. С. 78–82. [Nasyrova E.V. Reduction of the preposition “v” in Russian oral speech. *Foneticheskij litsey*. T.V. Krachkovskaya, A.A. Portnova (ed.). St. Petersburg, 2022. Pp. 78–82. (In Rus.)]

Пожарицкая, 2005 – Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 2005. [Pozharitskaya S.K. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, 2005.]

Попова, 1985 – Попова З.Д. Об изучении сложного предложения старорусского языка // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М., 1985. С. 256–260. [Popova Z.D. On the study of the complex sentence in the Old Russian language. *Vostochnye slavyane. Yazyki. Istoriya. Kultura*. Moscow, 1985. Pp. 256–260. (In Rus.)]

Ронько и др., 2023 – Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы / Р.В. Ронько, А.С. Азанова, А.Д. Анисимов и др. // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 216–262. DOI: [org/10.31912/rjano-2023.1.11](https://doi.org/10.31912/rjano-2023.1.11) [Ron'ko R.V., Azanova A.S., Anisimov A.D. et al. The dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Terechovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinskij district, Tver region. A grammar sketch and field notes. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2023. No. 2 (39). Pp. 257–312. (In Rus.). DOI: [org/10.31912/rjano-2023.1.11](https://doi.org/10.31912/rjano-2023.1.11)]

Селищев, 1921 – Селищев А.М. Дialeктологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1. [Selishchev A.M. Dialektologicheskij ocherk Sibiri [Dialectological sketch of Siberia]. Irkutsk, 1921. Iss. 1.]

Собинникова, 1969 – Собинникова В.И. Проблемы диалектного и исторического синтаксиса (на материале воронежских говоров и памятников письменности). Воронеж, 1969. [Sobinnikova V.I. Problemy dialektного i istoricheskogo sintaksisa (na materiale voronezhskikh govorov i pamyatnikov pismennosti) [Problems of dialectal and historical syntax (based on Voronezh dialects and written monuments)]. Voronezh, 1969.]

Станишева, 1966 – Станишева Д.С. Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966. [Stanisheva D.S. Vinitelnyy padezh v vostochnoslavjanskikh yazykakh [The accusative case in East Slavic languages]. Sofia, 1966.]

Стеценко, 1977 – Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1977. [Stetsenko A.N. Istoricheskij sintaksis russkogo yazyka [Historical syntax of the Russian language]. Moscow, 1977.]

Толстая, 2024 – Толстая М.Н. Падежные конструкции со значением времени в украинском закарпатском говоре // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы международной конференции / отв. ред. О.Е. Кармакова. М., 2024. С. 223–226. [Tolstaya M.N. Case constructions with temporal meaning in the Ukrainian Transcarpathian dialect. *Aktualnye problemy russkoy dialektologii*. O.E. Karmakova (ed.). Moscow, 2024. Pp. 223–226. (In Rus.)]

Топоров, 1961 – Топоров В.Н. Локатив в славянских языках. М., 1961. [Toporov V.N. Lokativ v slavyanskikh yazykakh [The locative case in Slavic languages]. Moscow, 1961.]

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Анцупова Анастасия Владиславовна – студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Anastasiia V. Antsupova – student at the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8906-4839>

E-mail: avantsupova@edu.hse.ru

М.С. Смолкина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Конкуренция относительных местоимений *который, кто, какой, что* в говорах деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово

В современном русском литературном языке и в диалектах русского языка наблюдается вариативность в употреблении относительных местоимений «который», «кто», «какой» и «что». Данные диалектных корпусов свидетельствуют о том, что использование относительных местоимений в некоторых говорах отличается от системы русского литературного языка. Настоящая работа посвящена исследованию вариативности относительных местоимений и определению сферы их конкуренции в псковском говоре Западнодвинского района Тверской области.

Ключевые слова: псковские говоры, вариативность, релятивизация, относительные местоимения, сложное предложение, корпусная лингвистика

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 25-00-019 «Корпусное и ареальное изучение восточнославянских диалектов» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»»

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Смолкина М.С. Конкуренция относительных местоимений *который, кто, какой, что* в говорах деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 99–117. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-99-117

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-99-117

M. Smolkina

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

The competition of the relative pronouns *kotoryj, kto, kakoj, čto* in the dialects of the villages of Shetnevo, Makeevo and Pyatiusovo

In Standard Russian and in Russian dialects, there is a variation in the use of the relative pronouns “*kotoryj*” (which), “*kto*” (who), “*kakoj*” (what/which), and “*čto*” (that/what). Dialect corpora data indicate that the use of relative pronouns in dialects deviates from the norms described for Standard Russian. The present study aims to investigate the variation of these relative pronouns and define their area of competition in the Pskov dialect of the Zapadnodvinsky District, Tver Region.

Key words: Pskov dialects, variation, relativization, relative pronouns, complex sentence, corpus linguistics

Acknowledgments. This publication was prepared as part of research project No. 25-00-019, “Corpus and Area Study of East Slavic Dialects,” within the framework of the HSE University Scientific Foundation Program.

FOR CITATION: Smolkina M.S. The competition of the relative pronouns *kotoryj, kto, kakoj, čto* in the dialects of the villages of Shetnevo, Makeevo and Pyatiusov. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 99–117. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-99-117

1. Введение

Исследование посвящено определению зон конкуренции относительных местоимений «который», «кто», «какой» и «что»¹ в говорах деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово².

Синтаксис и семантика относительных предложений неоднократно описывались в работах по лингвистической типологии [Comrie, Keenan, 1979; Зализняк, Падучева, 1997; de Vries, 2002]. Исследования относительных предложений на материале славянских языков широко представлены [Křížková, 1970; Gołąb, Friedman, 1972], для русского языка – [Spencer, 1993; Лютикова, 2009, 2011, 2015, 2016; Холодилова, 2014], в частности про коррелятивы и старорусские псевдокоррелятивы – в работах О.В. Митрениной [Mitrenina, 2008, 2012]. Конкуренция относительных местоимений в славянских языках описана в работе М.А. Холодиловой [Kholodilova, 2017]. Исследование вариативности относительных местоимений на материале русского языка представлено в работах [Зализняк, Падучева, 1997; Холодилова, 2014].

Нестандартное употребление относительных местоимений в говорах отмечалось диалектологами. Так, в монографии под редакцией Л.Л. Касаткина употребление местоимений «который» и «какой» выделяется в качестве дифференцирующего признака диалектного членения: «из двух союзных слов *который* и *какой* первое характерно для говоров северного наречия, второе – для говоров южного» [Касаткин, 1989, с. 145]. В работе Н.А. Мещерского отмечено, что в севернорусских и среднерусских западных говорах в качестве основного местоимения, использующегося в относительных предложениях, выступает местоимение «который» [Мещерский, 1972, с. 255]. Местоимение «какой» используется только в предложениях, дающих «качественную характеристику предмета», который является вершиной клаузы [Там же, с. 256]. В южных говорах, напротив, в качестве основного союзного слова, вводящего относительное предложение, используется местоимение «который» [Там же]. Корпусные исследования, посвященные вариативности относительных местоимений именно в псковских говорах, нам не известны.

¹ «Что» может выступать как в качестве местоимения, так и в качестве союза. Про склоняемое и несклоняемое «что» смотрите в [Зализняк, Падучева, 1997, с. 78]. Чтобы избежать излишней терминологической усложненности, в нашей работе «что»-союз будет входить в общую группу рассматриваемых релятивизаторов под названием «относительные местоимения».

² Стоит отметить, что другие относительные местоимения, которые обычно также входят в данную группу местоимений (см., например, [Зализняк, Падучева, 1997]), – «чей», «каковой» и «кой», в исследуемых корпусах не встретились.

Наша работа сосредоточена на проблемах грамматической вариативности и анализе конкуренции относительных местоимений в говорах деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово. Она представляет собой первое корпусное описание конкуренции относительных местоимений на материале псковского говора с привлечением всех доступных в используемых корпусах примеров. Такой подход позволяет анализировать функционирование системы относительных местоимений в целом, а не опираться на отдельные примеры.

Дальнейшее изложение структурировано следующим образом: раздел 2 посвящен описанию материала исследования; раздел 3 содержит анализ собранных нами контекстов; в разделе 4 представлены выводы.

2. Данные и методы

2.1. Данные

В качестве предварительного шага было выгружено 2590 контекстов, найденных при помощи лексико-грамматического поиска слов «который», «какой», «кто» и «что» в двух корпусах³, содержащих речь жителей деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области⁴. Говор, представленный в этих населенных пунктах, относится к псковской группе среднерусских акающих говоров согласно диалектному членению [Захарова, Орлова, 1970]. Вся выборка подверглась ручной сортировке: отсеивались все контексты, не содержащие относительных предложений (например, контексты с вопросительными или неопределенными местоимениями) и те вхождения, при прослушивании которых нельзя было однозначно определить форму местоимения или контекст, в котором местоимение употреблялось. В работе также рассматриваются 8 примеров, собранных в экспедиции в деревню Пятиусово весной 2025 г.

В конечную выборку попало 188 примеров. В таблице 1 отражены размеры корпусов на момент сбора данных для исследования, количество извлеченных из них контекстов и количество контекстов, попавших в итоговую выборку.

³ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#/> (дата обращения: 21.03.2025); Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Подробнее о лингвогеографическом положении говора см. [Ронько, 2026].

Объем корпусов [Corpora statistics]

Корпус [Corpus]	Токены [Number of tokens]	Извлеченные контексты [Number of examples]	Отобранные контексты [Selected examples used in the study]
Корпус говора деревень Шетнево и Макеево [The corpus of Shetnevo and Makeevo]	95 346	1179	65
Корпус говора деревни Пятиусово [Pyatiusovo Corpus]	96 537	1419	123

Основным инструментом статистической обработки полученных результатов служил критерий хи-квадрат. Так как мы работали с небольшой выборкой, то для обеспечения валидности некоторых результатов также использовался тест Фишера.

2.2. Параметры анализа

Ниже мы приводим параметры, которые были выбраны для разметки материала, собранного в обсуждаемых диалектных корпусах. Они отбирались на основании работ, перечисленных во введении [Зализняк, Падучева, 1997; Лютикова, 2009; Холодилова, 2014].

Тип вершины – предложения с легкой вершиной [Citko, 2004] (пример (1)), характеризующейся отсутствием существительного в составе вершины; предложения с тяжелой вершиной, в которых вершина выражена существительным (пример (2))⁵ и предложения без вершины – «клаузы с синтаксисом относительного предложения, имеющие дистрибуцию именной группы и не содержащие фонологически выраженных вершин» [Лютикова, 2015, с. 74] (пример (3)):

(1) Можешь **всё** заказать, **что** надо. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(2) Я, я насчёт этого, **врачей**, **кто** меня (мне) лечил, я всех-всех до **единого** помню. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

⁵ Возможен эллипсис вершины: *И говорю я, я как заболевши была, и говорю, чем мои карточки будут валяться, може ребята и не догадуются, я им заранее сказала, какие вам не надо, сожгите сразу...* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942).

- (3) *Нет, нет, нет, просто, когда распускалась берёзка, и в это время отсеивались в колхозе, и было общее собрание, там награждали, **кто** не= первое место, тоже же как и, всё было.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

Далее использовался параметр *способа модификации вершины* (или семантический тип вершины). Для нашего анализа важны следующие способы модификации.

1. Аппозитивные (нерестриктивные) относительные предложения: клаузы, специфицирующие значение антецедента [de Vries, 2002, p. 16], т.е. конструкции, «не участвующие в создании экстенционала именной группы» [Лютикова, 2016, с. 2].

- (4) *Это моя мамочка, вот с воротничок. Это **папочка, который** в Финскую войну погиб, я его больше не видела.* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

2. Рестриктивные относительные предложения: клаузы, которые в отличие от аппозитивных ограничивают значение антецедента [de Vries, 2002, p. 16].

- (5) *Ну, тетя жила в Ленинграде, сестра мамина, она швея была хорошая, она бывало перешьет своих **платьев, которые** ей не годны, нам, и пришет.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

3. Максимализирующие относительные предложения: конструкции, в которых «вершина семантически интерпретируется внутри относительной клаузы» [Ibid., с. 24–25]. Максимализирующая интерпретация заключается в том, что «создается уникальный и определенный референт» [Лютикова, 2016, с. 2].

- (6) *Плохого чтоб с народом, кур у нас, правда, **всех** перебили, **что** были.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, МГА1932)

Помимо перечисленных параметров также был важен *иерархический статус* (или синтаксический тип) относительной клаузы. В рамках этого параметра мы размечали вложенные клаузы (более конкретно – постноминальные (postnominal relative) клаузы⁶, т.е. предложения в которых относительная клауза стоит непосредственно за вершиной) (7); коррелятивы – предложения, в которых подчиненная клауза предшествует главной клаузе, содержащей анафорическое местоимение (см. (8)),

⁶ Примеры с преноминальными или циркумминальными относительными клаузами в нашей выборке не встретились.

семантически связанное с относительной конструкцией (по классификации [de Vries, 2002]).

(7) *А ещё вот **Надя, которая** была со мной, у неё (ей) первый, первый этаж.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

(8) *Теперь **кому** надо жить, **тот** помирает.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, МГА1932)

Также учитывалась *релятивизируемая позиция*, т.е. синтаксическая позиция участника соотносимого с относительным предложением простого предложения [Comrie, Keenan, 1979].

(9) *Да, было-то. И ходят **старики, которые** затёрта знают брага эта.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953) – «Старики знают...», релятивизируется позиция подлежащего.

(10) *И... Было... Трофей. Вот, **картошка** остаётся эта. На зиму. **Которую** не докопали.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942) – «Не докопали картошку», релятивизируется позиция прямого дополнения.

(11) *Ну играли взрослые **ребята** (ребяты), уже **которым** по четырнадцать лет, вот такие играли.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942) – «Ребятам по четырнадцать лет», релятивизируется позиция непрямого дополнения.

(12) *Не, не, не, раньше собра= собирались (собирались) в **дом**, в **котором** телевизор, все там кучкой смотрели.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953) – «В доме телевизор», релятивизируется позиция именной группы в косвенном падеже (в составе предложной группы).

Дополнительно размечались *одушевленность* релятивизируемого участника (относится ли объект к классу людей или нет) и число относительного местоимения и вершины.

Референциальный статус релятивизируемого участника в нашей работе не размечался. Несмотря на то, что, согласно [Холодилова, 2014], этот параметр может оказывать существенное влияние на выбор относительного местоимения, его разметка на материале устной речи вызвала ряд методологических трудностей.

Во-первых, определение референциального статуса по существующим типам (прим. [Падучева, 2017]) на материале спонтанной устной диалектной речи представляет собой отдельную исследовательскую задачу, выходящую за рамки настоящей работы.

Варьирование относительных местоимений
[Variation of relative pronouns]

Параметр [Parameter]	Который [Kotoryj]	Кто [Kto]
Тип вершины [Head type]		
Именная группа с существительным в вершине [NP with a noun as a head]	Явное или эллиптированное существительное [Explicit or elided noun]	Да (реже) [Yes (less often)]
Отсутствие вершины [Absence of a head]	Неграмматично без эллипсиса (в устной речи встречаются) [Ungrammatical without ellipsis (occur in oral speech)]	Да [Yes]
Легкая вершина [Light head]	Да, но неграмматично с квантором без эллипсиса [Yes, but ungrammatical with a quantifier without ellipsis]	Да [Yes]
Одушевленность [Animacy]	Любая вершина [Any head]	Только одушевленная вершина [Only animate head]
Семантика [Semantics]	Рестриктивное, аппозитивное (+ степень) [Restrictive, appositive (+ degree)]	Только рестриктивное, если есть именная вершина [Only restrictive, if there is a nominal head]
Позиция в иерархии доступности [Position in the accessibility hierarchy]	Низкие позиции в иерархии доступности [Comrie, Keenan, 1979] реже [Lower positions in the accessibility hierarchy [Comrie, Keenan, 1979] less often]	Низкие позиции реже [Less frequent in lower positions]
Образование коррелятивов [Formation of correlatives]	Редко (архаично / разговорная речь) [Rarely (archaic / colloquial speech)]	Да [Yes]

в современном русском литературном языке
in the Standard Russian language]

Какой [Kakoj]	Что-склоняемое [Chto-inflected]	Что-несклоняемое [Chto-non-inflected]
Да [Yes]	Да, с нереферентностью относительного местоимения [Yes with non-referentiality of the relative pronoun]	Да [Yes]
Нет [No]	Да [Yes]	Нет [No]
Да [Yes]	Да [Yes]	Да [Yes]
Любая вершина [Any head]	Любая вершина [Any head]	Любая вершина [Any head]
В основном максимизирующее значение [Mostly maximizing meaning]	Нерестриктивное, если есть выраженное существительное [Non-restrictive, if there is an expressed noun]	В основном рестриктивное, есть нерестриктивное употребление [Mostly restrictive, may be non-restrictive use]
Часто релятивизует SU [Often relativizes SU]	Н/Д [N/A]	SU, DO
Да [Yes]	Да [Yes]	Нет [No]

Во-вторых, анализируемые данные характеризуются значительным объемом и отличающимися от современного русского литературного языка контекстами, что существенно затрудняет определение дискурсивного статуса антецедента.

В таблице 2 перечислены основные ограничения на употребление относительных местоимений *который, кто, какой* и *что* в современном русском литературном языке; эти данные используются в дальнейшем анализе в качестве фона для сопоставления с распределением относительных местоимений в исследуемом говоре и для выявления расхождений между литературной нормой и диалектным материалом.

3. Зоны конкуренции относительных местоимений в говоре деревень Пятиусово и Шетнево и Макеево

В этом разделе мы последовательно проанализируем параметры, определяющие конкуренцию между рассматриваемыми релятивизаторами, а затем обратимся к тем, которые не оказывают значимого влияния на механизм их выбора. Основным организующим параметром, разграничивающим зоны конкуренции этих местоимений в исследуемом говоре, является тип вершины. Исходя из этого, мы сначала рассмотрим контексты для разных типов вершин, а затем внутри каждого типа подробно проанализируем влияние других факторов.

3.1. Контексты с тяжелой вершиной: *который* vs. *что*-союз vs. *какой*

В литературе можно найти наблюдения относительно употребления релятивизаторов в русских говорах и говорах русского-белорусского пограничья. П.А. Расторгуев указывал, что для говоров, распространенных на территории Смоленщины, а также для северско-белорусских говоров, характерно «подчинение относительных предложений посредством союза *что*» [Расторгуев, 1927, с. 38; 1960, с. 162] «наряду с местоимением *который*» [Расторгуев, 1960, с. 162]. При этом, по его наблюдениям, релятивизация с использованием местоимения *который* свойственна «говору наиболее грамотной части населения» территорий Смоленщины [Там же]. Л.Л. Касаткин выделял употребление местоимений *который* и *какой* в качестве дифференцирующего признака диалектного членения: «из двух союзных слов *который* и *какой* первое характерно для говоров северного наречия, второе – для говоров южно-го» [Касаткин, 1989, с. 145].

Для анализа зоны конкуренции между местоимением *который* и союзом *что* мы сгруппировали контексты с тяжелыми вершинами по одушевленности вершины и рестриктивности относительной клаузы.

Который vs. что-союз при тяжелых вершинах
["Kotoryj"] vs. "chto"-complementizer
in heavy-headed relative constructions]

Параметр [Parameter]	Который [Kotoryj]	Что-союз [Chto complementizer]
Одушевленность [Animacy]		
Одушевленная [Animate]	42 (58%)	7 (35%)
Неодушевленная [Inanimate]	30 (42%)	13 (65%)
Семантический тип клаузы [Semantic type of clause]		
Рестриктивные [Restrictive]	29 (40%)	11 (55%)
Аппозитивные [Appositive]	22 (31%)	1 (5%)
Максимализирующие [Maximizing]	21 (29%)	8 (40%)

Анализ показал, что одушевленность вершины не является статистически значимым фактором⁷ выбора относительных местоимений в исследованных контекстах. Несмотря на то, что в литературном языке *что* преимущественно используется в рестриктивных контекстах, для наших данных семантический тип клаузы⁸ также оказался статистически незначимым фактором для выбора местоимения. Однако в корпусе был зафиксирован один пример, не согласующийся с ограничениями, описанными для употребления союза «что» в нерестриктивных контекстах в современном русском литературном языке:

- (13) *Я время выходила на денёк ко= когда она при= и она и приходила к нам в Каськово с мужем и с девочкой. Девочка, что небольшая тогда была, а теперь девочке пятьдесят пятый год.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Мы считаем, что клауза *что небольшая тогда была* не ограничивает множество возможных девочек, а сообщает дополнительную характеристику уже однозначно определенному участнику ситуации, и, таким

⁷ $\chi^2 = 3,423$, $df = 1$, $p \approx 0,0643 > 0,05$ (точный тест Фишера: $p = 0,0792 > 0,05$) – статистически незначимо.

⁸ $\chi^2 = 5,452$, $df = 2$, $p \approx 0,0655 > 0,05$ (0,025) (точный тест Фишера симуляционный: $p = 0,0792 > 0,05$) – статистически незначимо. Проверка с попарными сравнениями также не дала значимый результат (за исключением проверки «аппозитивные» vs. «остальные»: $\chi^2 \approx 5,452$, $df = 1$, $p \approx 0,0195 < 0,05$ – до поправки значимо; после поправок ($m = 3$, Bonferroni) $p \approx 0,0585 > 0,05$ – статистически незначимо).

образом, интерпретируется как аппозитивная и нарушает ограничения, описанные для СРЛЯ.

В таблице 4 собраны позиции, которые релятивизируются при помощи местоимения *который* и союза *что*.

Таблица 4

Релятивизируемая позиция при *который* и *что*-союзе
[Relativized position with “*kotoryj*” and the “*chto*”-complementizer]

Позиция (только рестриктивные клаузы) ¹ [Position (restrictive clauses only)]	<i>Который</i> [<i>Kotoryj</i>]	<i>Что</i> -союз [<i>Chto</i> -complementizer]
SU	19 (73%)	6 (60%)
DO	1 (4%)	2 (20%)
IO	3 (12%)	0
OBL	3 (12%)	2 (20%)

¹ $\chi^2 = 2,290$, $df = 3$, $p \approx 0,726 > 0,05$ – статистически незначимо ни по одному из тестов (низкая статистическая мощность ввиду малого объема выборки).

[¹ $\chi^2 = 2.290$, $df = 3$, $p \approx 0.726 > 0.05$ – statistically insignificant for any of the tests (low statistical power due to small sample size).]

Союз *что* в иерархии доступности не может находиться ниже позиции прямого объекта (за исключением некоторых случаев, не встречающихся в нашей выборке) [Холодилова 2014]. Как отмечается в работе [Зализняк, Падучева, 1997], такие примеры могут встречаться за пределами СРЛЯ. В нашем примере союз релятивизует позицию именной группы в косвенном падеже (в составе предложной группы):

- (14) *Вот тот мост, что едешь как на эту, Торопу.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Во время экспедиции в деревню Пятиусово (2025), нами был проведен эксперимент с информанткой ЗЕС1942. При помощи метода эликации было выяснено, что носитель изучаемого диалекта считает пример (15) грамматичным (в конечную выборку в нашей работе он не вошел):

- (15) *Вот тот мост, что ехать на Торопу.* (Полевые материалы 2025 года, деревня Пятиусово, ЗЕС1942)

В выборке также встретился один пример, в котором при помощи союза *что* релятивизируется позиция именной группы в косвенном падеже:

- (16) *Эти хорошо живут: две квартиры – в трёхкомнатной живут, а двухкомнатную, **первую, что** они жили, сдают в найм.*
(Корпус деревни Пятиусово, ЛНГ1954)

Таким образом, в рассматриваемом говоре позиция, расположенная ниже прямого дополнения, может подвергаться релятивизации с помощью союза *что*. Однако нельзя исключать, что такая структура является особенностью устной речи, а не стабильной диалектной чертой.

Кроме того, в исследуемом материале субъектная позиция не важна⁹ при выборе местоимения или союза.

- (17) *И вот этого **мальчика, что** с этой стороны был, и убило.*
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, МГА1932)
- (18) *У нас был сам **товарищ, который** ухаживал за ним.* (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)
- (19) *Документов <нрзб>, говорит, мол, ты у немцев был, ничего, потом папка и работать стал, ничего, показал **все документы, что** ему дали на фронте, всяко досталось-то...*
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, МГА1932)
- (20) *Моему **сыну** нынче было пятьдесят пять, **которого** нет, не видели вы.* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)
- (21) *Да. Вот **эта медичка, про которую** вам рассказывала.*
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, ЗНС1939)

Почти во всех собранных контекстах относительные клаузы с *какой* имеют максимализирующую семантику (реже – рестриктивную) и стоят при неодушевленных вершинах.

Также была замечена взаимосвязь между выбором относительного местоимения и наличием глагола-связки *быть*. Так, в 50% контекстов местоимение *какой* употребляется со связкой *быть*, тогда как при той же связке местоимение *который* употребляется значительно реже – в 22% контекстов, а с нулевой связкой – в 20% выбранных контекстов. Союз *что* со связкой найден в 47% контекстов, а без – в 13%.

- (22) *А ну деревня тоже тогда уже старела, потому что **молодёжь, какая** была, тоже уже уезжала.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

⁹ $\chi^2 = 0,004$, $p = 0,948$, $p > 0,05$ (по точному тесту Фишера значение $\approx 1,00$, $p > 0,05$) – статистически не значимо.

- (23) *Жили слабенько. Им (йим) район собирал, район, я даже я, у меня **какая** была хорошая, тоже посылала.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (24) *А он знал немецкий язык ещё с **той войны**, **какая** война первая была.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (25) *Тут уже **доярки**, **какие** были, собравши.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (26) *Ну это... Например, **девочки**, **какие** в тот раз были, я уже не знаю.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (27) *Ну дайте... Я вам **блинов** напекла, **какие** есть, я вас угощу блинами.* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)
- (28) *Сейчас поставлю **блины**. **Какие** есть. Вы, вам дома пекут блины...* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)
- (29) *Ну а **мясо** летом, **что** на забой, свежее.* (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)
- (30) *И вот этого **мальчика**, **что** с этой стороны был, и убило.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, МГА1932)

Помимо уже рассмотренных отклонений употребления относительных местоимений от системы СРЛЯ, необходимо также обсудить ряд других расхождений, выявленных в ходе анализа нашего материала. Коррелятивы с местоимением *который* не характерны для русского литературного языка, однако по замечанию [Лютикова, 2009, с. 5] незначительное число таких примеров встречается в подкорпусе разговорной речи. И.Н. Кручинина отмечала, что конструкция с местоимением «который» свободно функционирует в устной речи и «свободно размещается в составе включающей ее структуры» [Кручинина, 1968, с. 83]. Также для устной речи были описаны конструкции, в которых относительная клауза может перемещаться в начало предложения или может отсутствовать ее антецедент [Weiss, 2020].

В нашей выборке встретилось 4 таких примера (5,56% от всех контекстов с *который*). Также можно заметить, что вершина в данных контекстах эллиптирована (***Люди, которые** помоложе, держат; животные для мяса, **которые** были не зарезаны*, и т.д.).

- (31) *Теперь уже не молодые. Оставшиеся – старье. **Которые** помоложе держат. А постарее...* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, МГА1932)

(32) *Мясо зарезано, они (оны) поглядят, сами ничего не сыпят (сыплют), и не трогали резан. А **которые** были не зарезаны... Зарезали сами.* (Корпус деревни Пятиусово, ПВВ1935)

(33) *[Всё умели.] Да. Всё... **Которые** с деревни – всё.*
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, ЗНС1939)

В соответствии с наблюдениями [Лютикова, 2009, с. 5], местоимение *который* не должно употребляться с квантором в вершине. Однако в корпусе встретился такой пример:

(34) *Кто умерши, кто живой. Разъехадчи тоже. **Никого** нет, с **которыми** тута... Половина разъехадчи людей. Половина.*
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, ЗНС1939)

3.2. Отсутствие выраженной вершины: *который* vs. *кто*

В рамках анализа были выявлены области отсутствия конкуренции между относительными местоимениями, где наблюдается явное доминирование одного из рассматриваемых релятивизаторов. Так, при легкой вершине в безвершинных конструкциях в подавляющем большинстве случаев фиксируется употребление местоимения *кто*.

Поскольку местоимение *кто* в СРЛЯ употребляется исключительно в контекстах с одушевленной вершиной, тогда как местоимения *который* и *какой* могут употребляться с любыми вершинами, для анализа их зон конкуренции были отобраны только контексты с одушевленными вершинами.

Сфера конкуренции местоимений *кто* и *который* для контекстов с легкими вершинами в славянских (в том числе и в русском) языках уже была описана [Kholodilova, 2017, p. 139]. В говоре деревень Западнодвинского района не сохраняются закономерности, зафиксированные в этой работе (таблица 5). В иерархиях (35)–(36) конструкции с местоимением *кто* оказываются слева, а конструкции с местоимением *который* – справа.

(35) Единственное число вершины > множественное число вершины¹⁰.

(36) Максимализирующая > рестриктивная > аппозитивная
(по значению) клаузы.

¹⁰ С детерминативами.

Таблица 5

Кто vs. который при легких вершинах во вложенных клаузах
["Kto" vs. "kotoryj" in light-headed embedded clauses]

Параметр [Parameter]	Который [Kotoryj]	Кто [Kto]
Семантика [Semantics]¹		
Максимизирующие [Maximizing]	4	3
Рестриктивные [Restrictive]	3	4
Аппозитивные [Appositive]	2	0
Число вершин [Head number]²		
Множественное [Plural]	6	6
Единственное [Singular]	3	1

Примечание. Исключались коррелятивные конструкции, т.к. в выборке не встретилось коррелятивов с *который* при легкой вершине.

¹ $\chi^2 = 2,714$, $df = 2$, $p = 0,257$, $p > 0,05$ (по точному тесту Фишера) – статистически незначимо.

² $p = 0,571$, $p > 0,05$ (по точному тесту Фишера) – статистически незначимо.

[Note. Correlative constructions were excluded because the sample did not contain any correlatives with "kotoryj" at a mild vertex.

¹ $\chi^2 = 2.714$, $df = 2$, $p = 0.257$, $p > 0.05$ (according to Fisher's exact test) – statistically insignificant.

² $p = 0.571$, $p > 0.05$ (according to Fisher's exact test) – statistically insignificant.]

В [Kholodilova, 2017] рассматривалось употребление *кто* и *который* с детерминативом *тот* в вершине. Полученные нами результаты показывают, что в данном говоре местоимение *который* не демонстрирует выраженной тенденции к употреблению с детерминативом (таблица 6).

Таблица 6

Кто и который с тот при одушевленных вершин
["Kto" and "kotoryj" with tot with animate heads]

	Кто [Kto]	Который [Kotoryj]
<i>Тот</i> [Tot]	11	1
<i>Те</i> [Te]	3	0

Местоимение *кто* также преобладает в коррелятивных конструкциях:

(37) К **кому** смерть пришла – **тот** и помер. (Корпус деревень
 Шетнево и Макеево, МГА1932)

- (38) **Кто** как работает, **тот** так и получает. (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АНБ1941)
- (39) Бабы ткаются, а девки каются. Так, такая поговорка. **Кто** пожил, **тот** знает как. Ну, кому-то хорошо в жизни, кому-то... Да и хорошо надоедает, раз рано выйдет замуж. (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)
- (40) Тоже неправильно, **кто** родился – **того** вперёд, по очереди так бы помирал бы. (Корпус деревень Шетнево и Макеево, МГА1932)
- (41) Конечно, у **кого** семья небольшая, **тот** и ел молоко, а мы, конечно, не такая семья, где нам было. (Корпус деревень Шетнево и Макеево, МГА1932)

4. Заключение

В работе рассмотрены параметры, влияющие на выбор относительных местоимений *который*, *кто*, *какой* и *что* в говоре деревень Макеево, Шетнево и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области. На основе корпусных данных были выделены основные зоны конкуренции рассматриваемых релятивизаторов и описаны факторы, определяющие их распределение в различных контекстах.

Анализ показал, что ключевым параметром, отвечающим за распределение местоимений в исследуемом говоре, является тип вершины относительной конструкции. В контекстах с выраженной именной вершиной наблюдается конкуренция между местоимением *который*, союзом *что* и местоимением *какой*, тогда как в безвершинных и легковершинных конструкциях в подавляющем большинстве случаев используется местоимение *кто*.

Полученные результаты позволяют выделить ряд устойчивых особенностей распределения релятивизаторов, которые могут быть интерпретированы как диалектные. К ним относится расширение зоны употребления союза *что* по сравнению с современным русским литературным языком, а также возможность релятивизации синтаксических позиций, расположенных ниже позиции прямого дополнения в иерархии доступности.

В то же время некоторые отклонения от ограничений, описанных для современного русского литературного языка, в том числе случаи эллипсиса вершины и свободное расположение относительной клаузы по отношению к главной обусловлены общими свойствами спонтанной устной речи и не обязательно отражают системные различия исследуемого говора.

Библиографический список/References

Зализняк, Падучева, 1997 – Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. М., 1997. С. 59–107. [Zaliznjak A.A., Padučeva E.V. Towards a typology of relative clauses. *Semiotika i informatika*. Vol. 35. Opera selecta. Moscow, 1997. Pp. 59–107. (In Rus.)]

Захарова, Орлова, 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Дialeктное членение русского языка. М., 1970. [Zaharova K.F., Orlova V.G. Dialektnoe chlenenie russkogo jazyka [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, 1970.]

Касаткин, 1989 – Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989. [Russkaja dialektologija [Russian dialectology]. L.L. Kasatkin (ed.). Moscow, 1989.]

Кручинина, 1968 – Кручинина И.Н. Конструкция с местоимением *который* в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 82–88. [Kručnina I.N. Constructions with the pronoun *kotoryj* 'which' in the modern Russian language. *Voprosy jazykoznanija*. 1968. No. 2. Pp. 82–88. (In Rus.)]

Лютикова, 2009 – Лютикова Е.А. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике. 2009. С. 436. [Ljutikova E.A. Relative clauses with the relative pronoun *which*: General characteristics and properties of movement. *Korpusnye issledovaniya po russkoj grammatike*. 2009. P. 436. (In Rus.)]

Лютикова, 2011 – Лютикова Е.А. Семантические типы относительных предложений в русском языке: анализ корпусных данных // Филология и культура. 2011. № 26. С. 199–204. [Ljutikova E.A. Semantic types of relative clauses in Russian: A corpus-based analysis. *Filologija i kultura*. 2011. No. 26. Pp. 199–204. (In Rus.)]

Лютикова, 2015 – Лютикова Е.А. Безвершинные относительные предложения в русском языке: эмпирические данные и теоретические проблемы // Rhema. Рема. 2015. № 3. С. 74–85. [Ljutikova E.A. Headless relative clauses in Russian: Empirical data and theoretical issues. *Rhema*. 2015. No. 3. Pp. 74–85. (In Rus.)]

Лютикова, 2016 – Лютикова Е.А. Синтаксис аппозитивных относительных предложений // Rhema. Рема. 2016. № 2. С. 67–87. [Ljutikova E.A. Syntax of appositive relatives. *Rhema*. 2016. No. 2. Pp. 67–87. (In Rus.)]

Мещерский, 1972 – Русская диалектология: учеб. пособие / под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972. С. 5–32. [Meshherskij N.A. Russkaja dialektologija [Russian dialectology]. Textbook. N.A. Meshherskij (ed.). Moscow, 1972.]

Падучева, 2017 – Падучева Е.В. Референциальный статус именной группы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2017. На правах рукописи. URL: rusgram.ru (дата обращения: 14.05.2025). [Paducheva E.V. Referentsialnyy status imennoy gruppy [The reference status of noun phrase]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar Moscow., 2017. Ms. URL: <http://rusgram.ru> (date accessed: 14.05.2025).]

Расторгуйев, 1927 – Расторгуйев П.А. Северско-белорусский говор: исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927. [Rastorguev P.A. Seversko-belorusskij govor: issledovanie v oblasti dialektologii i istorii belorusskikh govorov [The Seversk-Belarusian dialect: A study in dialectology and the history of Belarusian dialects]. Leningrad, 1927.]

Расторгуйев, 1960 – Расторгуйев П.А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960. [Rastorguev P.A. Govory na territorii Smolenshhiny [Dialects in the Smolensk region]. Moscow, 1960.]

Ронько, 2026 – Ронько Р.В. Экспедиции диалектологического кружка НИУ ВШЭ в деревни Западновинского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 9–20. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20 [Ron'ko R. Expeditions of the dialectological study group of the HSE University to the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 9–20. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20]

Холодилова, 2014 – Холодилова М.А. Относительные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2014. На правах рукописи. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 14.05.2025). [Kholodilova M.A. Otnositelnye pridatochnye [Relative clauses]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar. Moscow, 2014. Ms. URL: <http://rusgram.ru> (date accessed: 14.05.2025)]

Citko, 2004 – Citko B. On headed, headless, and light-headed relatives. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. No. 1. Pp. 95–126.

Comrie, Keenan, 1979 – Comrie B., Keenan E.L. Noun phrase accessibility revisited. *Language*. 1979. Pp. 649–664.

De Vries, 2002 – De Vries M. The syntax of relativization. Utrecht, 2002. (LOT dissertation series; Vol. 53).

Gołąb, Friedman, 1972 – Gołąb Z., Friedman V.A. The relative clause in Slavic. *The Chicago Which Hunt. Papers from the Relative Clause Festival*. 1972. Pp. 30–46.

Kholodilova, 2017 – Kholodilova M.A. Competition between *who* and *which* in Slavic light-headed relative clauses. *Slověne*. 2017. Vol. 6. No. 1. Pp. 118–147.

Křížková, 1970 – Křížková H. Relativní věty v současných slovanských jazycích. *Slavia*. 1970. Vol. 39. Pp. 10–40.

Mitrenina, 2008 – Mitrenina O.V. The syntax of correlatives in Russian. *Formal Description of Slavic Languages. Conference materials*. Moscow, 2008.

Mitrenina, 2012 – Mitrenina O.V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *kotoryj* ('which') in Middle Russian. *Slověne*. 2012. Vol. 1. No. 1. Pp. 61–73.

Spencer, 1993 – Spencer D. Aspects of the syntax of relative clauses in colloquial and standard Russian. PhD dis. University of Toronto. 1993.

Weiss, 2020 – Weiss D. The construction with a preposed relative clause. *Ot semantičeskikh kvarkov do vselennoj v alfavitnom porjadke: k 90-letiju akademika Ju.D. Apresjana*. L.L. Iomdin, I.M. Boguslavskij (eds.). M., 2020. Pp. 91–107.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Смолкина Марина Сергеевна – студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Marina S. Smolkina – student at the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6773-4641>

E-mail: marinasmolkina0162@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-118-132

УДК 81-114.4

М.В. Ермолова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

-Ши-формы в говоре деревни Пятиусово: синтаксис и грамматическая семантика

В статье анализируется функционирование *-ши*-форм в одном из псковских говоров – говоре деревни Пятиусово Западнодвинского района Тверской области. Полученные данные сопоставляются с материалом других двух псковских говоров – говора деревни Макеево и опочецкого говора. В говоре деревни Пятиусово хорошо развита категория перфекта: результитивная функция является преобладающей у *-ши*-форм и встречается в 95% всех контекстов с ними, что является самым высоким показателем из всех псковских говоров, материал которых учитывается в работе. Как результитивное действие может маркироваться в настоящем или прошедшем временах, при этом при обозначении действия в прошлом глагол-связка может отсутствовать, что характерно для грамматикализованных результитивных форм. Остальные известные для *-ши*-форм функции в говоре деревни Пятиусово представлены довольно слабо. Показатель частотности контекстов с *-ши*-формами, употребленными в качестве глагольного обстоятельства, самый низкий из всех сопоставленных говоров. Низкая частотность атрибутивных употреблений соответствует тому, что мы видим в говоре деревни Макеево и опочецком говоре. Функция обозначения продолжительного действия, зафиксированная у *-ши*-форм в говоре деревни Макеево, в говоре деревни Пятиусово отсутствует. Таким образом, говор деревни Пятиусово по употреблению *-ши*-форм не повторяет ни одну из рассмотренных систем. При этом, если все-таки говорить о степени близости говора деревни Пятиусово к говорам деревни Макеево или деревень близ города Опочка, то больше схожего обнаруживается, вопреки ожиданиям, с опочецким говором. Это совпадение представленных функций *-ши*-форм, а также

крайне высокий уровень частотности результативных употреблений (хотя в говоре деревни Пятиусово он выше, чем в опочечком говоре).

Ключевые слова: северо-западный перфект, *-ши*-формы, результатив, русские диалекты, псковские говоры

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 25-00-019 «Корпусное и ареальное изучение восточнославянских диалектов» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ермолова М.В. *-Ши*-формы в говоре деревни Пятиусово: синтаксис и грамматическая семантика // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 118–132. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-118-132

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-118-132

M. Ermolova

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

-Shi-forms in Piatiusovo: Syntax and grammatical semantics

The article analyzes the functioning of *-shi*-forms in a Pskov dialect – the dialect of a village in a certain region of Pskov, Piatiusovo. The data obtained are compared with material from two other Pskov dialects – Makeyevo and Opochnka. In Piatiusovo, the category of perfect is well developed: the resultative function is predominant among *-shi*-forms and occurs in 95% of all contexts, which is the highest indicator among all compared Pskov dialects. As a result, the resultative action can be marked in the present or past tense, and when indicating an action in the past, the linking verb may be absent, which is characteristic of grammaticized resultative forms. Other functions of *-shi*-forms known in Piatiusovo are represented quite weakly. The frequency of contexts with *-shi*-forms used as verbal adverbials is the lowest among all compared dialects. The low frequency of attributive uses corresponds to what is observed in Makeyevo and Opochnka. The function of indicating continuous action, recorded for *-shi*-forms in Makeyevo, is absent in Piatiusovo. Thus, the dialect of Piatiusovo

does not replicate any of the systems considered in terms of *-shi*-form usage. However, if we speak about the degree of similarity between Piatiusovo and Makeyevo or Opochka, then more similarities are found, contrary to expectations, with Opochka. This is evidenced by the shared functions of *-shi*-forms, as well as an extremely high level of frequency of resultative uses (although in Piatiusovo it is higher than in Opochka).

Key words: *-shi*-forms, resultative, Pskov dialects, Russian dialects

Acknowledgments. The publication was prepared in the course of conducting research No. 25-00-019 “Corpus and areal study of East Slavic dialects” within the framework of the Program “Scientific Foundation of the HSE University”.

FOR CITATION: Ermolova M. *-Shi*-forms in Piatiusovo: Syntax and grammatical semantics. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 118–132. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-118-132

1. Вводные замечания

В говоре деревни Пятиусово ожидаемо широко распространены отпричастные *-ши*-формы¹, характерные для всех псковских говоров (и шире – северо-западных говоров вообще [Кузьмина, Немченко, 1971, карта 4; Захарова, Орлова, 2004, с. 126, 149–150]). Так, в [Трубинский, 1984] выделяется особый тип «псковско-новгородского деепричастного перфекта». Хотя основная функция обсуждаемых форм – перфектная или результативная², говоры в разной степени знают и иные

¹ Далее *-ши*-формами условимся называть все образования, восходящие к действительным причастиям прошедшего времени. В говоре Пятиусово отпричастные формы образуются с помощью суффиксов *-ши*- и *-вши*- (при этом возвратные глаголы при образовании *-ши*-форм постфикс «теряют», ср. *оставши*, *женивши*). Для глаголов *идти* и *ехать* и их дериватов чаще используется суффикс *-дчи*. Также пять раз зафиксирован суффикс *-лиш*:- трижды встретилась форма *осталиш*, а также формы *поспелиш* и *завалиш*.

² «Типологические исследования показывают, что перфект и результатив – это не синонимичные понятия; один из сценариев развития перфектных форм предполагает эволюцию от результатива к перфекту и далее к претериту (см., например [Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983; Плунгян 2016]). В отношении того, чем же являются анализируемые диалектные формы, в научной литературе нет единого мнения, ...понятия “перфект” и “результатив” традиционно применяются к ним как синонимы (например, [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1983, 1984; Danylenko 2005; Jung 2014; Wiemer 2017]). Попытка разобраться, чем же именно являются рассматриваемые конструкции, предпринята лишь в одной из известных нам работ [Seržant 2012]. Автор приходит к выводу, что ситуация в русских говорах представляет собой промежуточную стадию между результативом и перфектом [Там же: 6]» [Ермолова, 2022, с. 248–249]. В данной работе мы не ставим перед собой целью решить этот сложный вопрос, поэтому, как это принято при обсуждении диалектного перфекта, будем использовать термины «перфект» и «результатив» как синонимы.

их употребления (атрибутивные, обстоятельственные и некоторые другие, см. ниже). Различия в функционировании *-ши*-форм могут наблюдаться как в говорах разных групп [Кузьмина, Немченко, 1971; Трубинский, 1984], так и внутри одного говора (см., например, [Ермолова, 2024]). Несмотря на существующие «энциклопедии по синтаксису причастий в русских говорах» [Дьяченко и др., 2020, с. 54] – труды [Кузьмина, Немченко, 1971; Трубинский, 1984] – актуальным остается анализ частных диалектных систем и их сравнение друг с другом, т.к. «при большем количестве накопленного материала это позволит в будущем лучше понять грамматическую семантику изучаемых форм, проследить пути эволюции их грамматического значения, определить первичность/вторичность различных функций (от)причастных форм и предсказать их дальнейшее развитие» [Ермолова, 2024].

Данное исследование является продолжением работы М.В. Ермоловой (2024), где сопоставляются *-ши*-формы в двух псковских и одном смоленском говорах. Один из проанализированных говоров в [Ермолова, 2024] – говор деревни Макеево (точнее, близко расположенных деревень Макеево, Шетнево, Щелкино, Степаньково), находящейся в 20 км от деревни Пятиусово. Таким образом, исследование функционирования интересующих нас форм в еще одном говоре расширит наше представление об известных способах распределения *-ши*-форм по функциям, а также позволит судить о степени близости говоров деревень Макеево и Пятиусово.

Статья состоит из пяти разделов. Во втором разделе рассматривается употребление *-ши*-форм в составе перфекта, в третьем анализируются другие функции *-ши*-форм, в четвертом проводится сопоставительный анализ с другими говорами и формулируются выводы; раздел 5 представляет собой краткое заключение.

2. Результативное употребление *-ши*-форм

В тех говорах, где есть *-ши*-формы, основной их функцией является употребление в составе перфекта. Под перфектом в данной статье понимается система «грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия» [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 219]. Как результативное действие может маркироваться во всех трех временах, а также в сослагательном наклонении, ср. примеры: *а только теперь (я) уже позабывши – инвалидка; я была с ума сошовши – горазд кричала; умерши-то все будем; если б желала, давно бы были вышецы (замуж)* [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 219].

Данные по говору получены из Корпуса говора деревни Пятиусово³ (далее – корпус деревни Пятиусово) (12 часов записи, всего 96 537 слов, учитывая только слова информантов). С помощью запросов [word='.*ши%с], [word='.*дчи%с] были извлечены и проанализированы контексты с действительными причастиями. В корпусе деревни Пятиусово на результативное употребление приходится 119 контекстов с *-ши*-формами из 126, что составляет 95%⁴. В зафиксированных примерах *-ши*-формы используются для описания результата либо в настоящем, либо в прошлом. Контекстов, где они бы относились к будущему времени или стояли в сослагательном наклонении, не встретилось, что объясняется спецификой беседы с информантами: обычно разговоры ведутся о прошлом.

В 90 результативных контекстах из 119 *-ши*-формы употреблены бесвязочно, в 30 случаях – со связкой в прошедшем времени. Бесвязочные *-ши*-формы, как правило, обозначают результативное действие или состояние, отнесенные к плану настоящего, ср. (1)–(3):

- (1) *Детсад у нас на пятьдесят мест мы построили, я забыл, у нас на пятьдесят мест дет сад сохранивши кирпичный.*

(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (2) *Бывает клюква. Ну а нынче год такой что... Говорят, в лесу высохши даже мох, что нет ничего этого.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (3) *А так деревень нету, только дачники, если где поселивши.*

(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

-Ши-формы встречаются с характерными для перфекта наречиями *уже* и *еще (не)*, ср.:

- (4) *Он уже женивши, ребенок уже три года или четыре.*

(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (5) *Одна дочка вроде умерши уже.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

³ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ В корпусе деревни Пятиусово собраны записи пяти информантов, однако 70% корпуса составляет материал, полученный от одного информанта – ЗЕС1942. Результативные употребления представлены у всех, однако наибольшее количество примеров приходится на речь ЗЕС1942. Чтобы понять, связано ли это с тем, что у ЗЕС1942 лучше сохраняются исследуемые формы, или с тем, что ЗЕС1942 является основным информантом, нужно больше записей других жителей деревни.

- (6) ...увидите свинарник на двести голов, **еще** сохранивши, остальные порушивши. (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)
- (7) И как только у мене сразу аллергия, у меня сразу лицо делается, всё распухает, даже больком всяким, ой, не заживши даже **еще**. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (8) Мы к этому **еще** к вам не привыкли сильно, поэтому не каждый принимает, может быть, да. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

На то, что мы имеем дело с действием, актуальным в настоящем, часто указывают наречия *сейчас, теперь*, ср. (9)–(10):

- (9) (Про дом) ...**теперь** он, наверное, обваливши. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (10) ...**вот сейчас** огурцы поспели. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В двух контекстах бессвязочная *-ши*-форма обозначает результат, отнесенный к плану прошлого, ср. (11)–(12):

- (11) Он только пришел с армии. И он **курил** на придворке. И тут мы **закричали, заохали** все. Тут уже доярки, какие были, собравши. И он **услышал**. Фляги были, фляги, молоко. Вот он как **взял** флягу. Вот как дал ему между рог где-то, попал флягой. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Действие, выраженное *-ши*-формой, описывает результат, отнесенный ко времени действий, обозначенных *-л*-формами: герой повествования стоял курил, все закричали и заохали, и к тому времени уже все доярки, какие были, собрались / были собравшиеся. Переключения на настоящее историческое не происходит, т.к. после *-ши*-формы следуют опять *-л*-формы: *услышал, взял*. Следовательно, в данном примере *сбравши* употреблено «вместо» *были собравши*.

- (12) И в **то время**...Ну отец, отец умерши. Ну она **плакала** так, тоже причитала, но не так, как старые-старые. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Информантку спросили, умела ли причитать ее мать, и она вспоминает о времени, когда умер отец. Мы имеем дело с последовательностью событий: сначала умер отец, потом мать плакала и причитала. Поэтому здесь, как и в (11), *-ши*-форма обозначает результат, отнесенный к плану прошлого.

Как было показано в работах [Скачедубова, 2018; Ермолова, 2022], пропуск связки при результативной форме (в прошедшем и будущем временах, а также в сослагательном наклонении) – закономерное явление, связанное со спецификой грамматического значения результата, «для которого соотносительность с временным планом оказывается нерелевантной, а связка, следовательно – факультативной⁵» [Скачедубова, 2018, с. 72]. Такие употребления встречаются в говорах с развитой системой перфектных форм (см. [Ермолова, 2024]) и являются проявлением крепкой закреплённости результативных форм в грамматической системе, а не их утраты, как предполагается в [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 198].

Пример (12) примечателен ещё тем, что в нём есть указание на время совершения действия (хотя контекст спорный: вполне вероятно, что говорящий перестраивал фразу, т.к. после *в то время* идет пауза). В.И. Трубинский пишет, что диалектный перфект с обстоятельствами времени несовместим, как это происходит во многих языках мира [Трубинский, 1984, с. 160] (см., например, [Dahl, 1985, с. 19–20; Князев, 2007, с. 510]). Тем не менее, примеры с ними фиксируются в говорах с хорошо сохранившимся перфектом [Ермолова, 2024], и контекст (12) позволяет пополнить этот список.

Если говорить про лексический состав словоформ, то все *-ши*-формы в зафиксированных контекстах образованы от глаголов совершенного вида (СВ). На первом месте по частоте находятся глаголы движения СВ с корнем *-ех-* (*уехать, приехать* пр.), на втором – глагол *умереть*, на третьем – глагол *остаться* (таблица 1), что согласуется с данными по частотности лексем в [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 145–159; Трубинский, 1984, с. 158–159]. Всего контексты с глаголами из перечисленных групп составляют 51% от всех примеров, что соотносится с данными по говору деревни Макеево, где этот показатель равен 52% (см. [Ермолова, 2024]).

Помимо указанных в таблице 1, в говоре деревни Пятиусово встретились следующие *-ши*-формы (если глагол возвратный, это указывается в скобках): *встретивши (встретиться)*, *выпавши, выпивши, высохши, вытянувши, давши, женивши (жениться)*, *заболевши, заваливши (завалиться)*, *заживши, закрывши (закраться)*, *заледевши, замерзши, запленивши, заросши, легши, наработавши (наработаться)*, *научивши (научиться)*, *обваливши (обвалиться)*, *ополочивши (ополочиться)*, *оставши/осталиши (остаться)*, *остановивши (остановиться)*,

⁵ Возможность пропуска связки у результативных форм, употреблённых в плюсквам-перфектном значении, подтверждается и типологически (см. подробнее [Перельмутер, 1977, с. 70]).

оторвавши (оторваться), подтерши (подтереться), порушивши (порушиться), поселивши (поселиться), посохши, поспелиши, приболевши, разваливши (развалиться), разъевши (разъестся), родивши (родиться), сгнивши, собравши (собраться), сохранивши (сохраниться), сформировавши (сформироваться), уволивши (уволиться). Почти все зафиксированные глаголы являются непереходными, что ожидаемо, т.к. от переходных глаголов в говоре Пятиусова образуются формы пассивного перфекта на *-н/-т-*. В трех случаях возможна трактовка глагола как переходного, ср. (13)–(15):

- (13) *Если я по принципу «не давши слово – крепись, а дал слово – сдержи его», вот.* (Корпус деревни Пятиусово, ЛНГ1954)

Таблица 1

**Лексическая распределенность *-ши*-форм
в говоре деревни Пятиусово
[Lexical distribution of *-shi*- forms in dialect of Pyatiusovo]**

Глагольная форма [Verb form]	Количество употреблений [Number of uses]	Доля от всех результативных употреблений <i>-ши</i> -форм, % [Part of all resultative <i>-shi</i> -form, %]
<i>понаехадчи</i>	2	17
<i>приехавши</i>	16	
<i>разъехавши</i>	1	
<i>ухадчи</i>	1	
Всего [Total uses]	20	
<i>умерши</i>	16	13
<i>оставши</i>	25	21
Итого [Total uses]		52

Здесь при форме *давши* стоит объект в В. п. *слово*. Данный пример неоднозначен, т.к. *-ши*-форму можно было бы рассматривать и как употребленную в обстоятельственном значении в функции деепричастия, как в пословице в литературном языке (об этой функции в говоре деревни Пятиусово см. раздел 3), однако если считать первую часть фразы аналогичной второй, то *давши* является самостоятельным сказуемым и функционирует как результативная форма.

- (14) *Я иду дорогой, а это по полю идет собака. Такая серая, язык вытянувши.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В этом контексте, как и выше, возможна двоякая трактовка *-ши*-формы: ‘Собака идет, такая серая, вытянув язык’ или ‘Собака идет, такая серая, язык вытянула’. При первой интерпретации мы имеем дело с глагольным обстоятельством, при второй – с результитивной формой.

- (15) *Вот так приду домой – горит все тело от этого борщевика. Он сильно заполонивши у мне тут.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Хотя прямое дополнение эксплицитно не выражено, оно, очевидно, подразумевается: ‘Он (борщевик) сильно заполонил у меня тут [всё]’.

Таким образом, строгого запрета на образование *-ши*-форм от переходных глаголов в говоре Пятиусова нет, как нет, по всей видимости, и в других говорах, где способ образования перфектной формы (с помощью действительного или страдательного суффиксов) зависит от переходности/непереходности глагола (см. [Ермолова, 2024]).

3. *-Ши*-формы не в составе перфекта

На *-ши*-формы не в составе перфекта (они представлены у трех информантов из пяти) приходится всего 6 употреблений из 126, что составляет 5%.

Как и в других говорах с диалектным перфектом, *-ши*-форма может использоваться в качестве глагольного обстоятельства, т.е. аналогично деепричастию в литературном языке, с той разницей, что формы на *-ши* могут образовывать глаголы и СВ, и НСВ, а субъекты главной предикации и предикации с *-ши*-формой могут различаться. В говоре деревни Пятиусово встретилось 5 таких контекстов. Приведем их все:

- (16) *...а они вот, деньги деливши, разругались.* (Корпус деревни Пятиусово, ЛНГ1954)
- (17) *...погодивши несколько время, звонит.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (18) *Раскряжзовывали его, уже навозивши.* (Корпус деревни Пятиусово, ПВВ1935)
- (19) *Вон мне даже с ней живши, вот нервный тик глаз вот этот.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (20) *Я сама почти никогда, вот держала, уж тут живши, и пробовала.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В (19) субъекты предикации с *-ши*-формой и главной предикации различаются: *Из-за того / после того как / когда я с ней жил, у меня появился нервный тик.* В (16) и (19)–(20) представлен глагол НСВ.

Один раз *-ши*-форма употреблена в атрибутивной функции (а именно, в функции предикативного атрибута), известной во всех говорах с диалектным перфектом, ср. (21):

- (21) *Все как-то закрывши живут в своей конуре, как это раньше говорили.*
'Все живут закрывшись'. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

4. Сопоставление полученных данных с другими говорами

Если сопоставить полученные данные по говору деревни Пятиусово с материалом по другим говорам с развитой категорией перфекта, представленным в [Ермолова, 2024] – псковскими говорами деревни Макеево и опочечким говором, – то можно сделать выводы, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Функциональное распределение *-ши*-форм
[Functional distribution of *-shi*-forms]

	Пятиусово [Pyatiusovo]	Макеево [Makeevo]	Опочка [Opochka]
Доля результативных <i>-ши</i> -форм от общего числа <i>-ши</i> -форм, % [Percentage of resultative <i>-shi</i> -forms from the total number of <i>-shi</i> -forms, %]	95 (52)	80 (47)	88 (52)
Доля <i>-ши</i> -форм в функции глагольного обстоятельства от общего числа <i>-ши</i> -форм, % [Percentage of <i>-shi</i> -forms in the function of adverbial modifier from the total number of <i>-shi</i> -forms, %]	4	14	11
Доля <i>-ши</i> -форм в атрибутивной функции от общего числа <i>-ши</i> -форм, % [Percentage of <i>-shi</i> -forms in the attributive function from the total number of <i>-shi</i> -forms, %]	1	3	1
Доля <i>-ши</i> -форм, употребленных для обозначения продолжительного действия, % [Percentage of <i>-shi</i> -forms used to denote a continuous action, %]	0	3	0

Примечание. В скобках указан процент словоформ, образованных от наиболее частотных лексем.
[Note. The percentage of word forms derived from the most frequent lexemes is given in brackets.]

Функционирование *-ши*-форм в говоре деревни Пятиусово в полной мере не соответствует их употреблению ни в одном из других (представленных в таблице 2) говоров, при этом отличия от говора деревни Макеево, расположенной близко от деревни Пятиусово, кажутся сильнее, чем от говора деревень близ Опочки, расположенных значительно дальше.

От обоих говоров говор деревни Пятиусова отличается крайне малой представленностью других функций *-ши*-форм, кроме перфектной. Частотность результативных употреблений составляет 95%, что выше 88% по опочецкому говору и значительно больше 80% по говору деревни Макеево. Контексты с *-ши*-формами, использованными как глагольное обстоятельство, редки в говоре деревни Пятиусово и встречаются лишь в 4% случаев (ср. 14 и 11% в говорах деревни Макеево и деревень близ Опочки), что довольно удивительно, т.к. обстоятельственная функция хорошо известна говорам с новым перфектом, не говоря уже о том, что она является единственной у аналогичных форм в литературном языке.

Атрибутивные употребления в говоре деревни Пятиусово встречаются редко (1%), что в целом соответствует тому, что мы видим в других говорах (1% в опочецком и 3% в говоре деревни Макеево).

Говор деревни Макеево отличается тем, что *-ши*-форма в нем может маркировать продолжительное действие, совершенное в прошлом, что, по всей видимости, является архаичной функцией. Ср. пример (22), рассмотренный в [Ермолова, 2024] (больше материала см. там же):

- (22) *Конечно, мы ж собравши, молодежь шла. И пели, и шёдчи.*
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

Информантка рассказывает о том, как праздновали масленицу: ‘И пели, и шли’.

Таким образом, по составу функций употребление *-ши*-форм в говоре деревни Пятиусово ближе тому, что мы видим в опочецком говоре, а не говоре деревни Макеево, как ожидалось бы.

Если говорить о лексико-грамматическом составе *-ши*-форм, то он примерно одинаков во всех рассмотренных говорах. Преобладают непереходные глаголы СВ (первые три места занимают одни и те же лексические группы: глаголы движения, глаголы со значением «умереть» и глагол *остаться*), хотя строгого запрета на образование *-ши*-форм от переходных глаголов нет: и в говорах деревень Пятиусово и Макеево, и в опочецком говоре фиксируются контексты с транзитивными глаголами.

5. Заключение

Итак, в говоре деревни Пятиусово хорошо развита категория перфекта: результитивная функция является преобладающей у *-ши*-форм и встречается в 95% всех контекстов, что является самым высоким показателем из всех сопоставленных псковских говоров. Как результитивное действие может маркироваться в настоящем или прошедшем временах, при этом при обозначении действия в прошлом глагол-связка может отсутствовать, что характерно для грамматикализованных результитивных форм (см. [Перельмутер, 1977, с. 70; Скачедубова, 2018; Ермолова, 2022]). Материал деревни Пятиусово, как и данные деревни Макеево и деревень близ Опочки, свидетельствует о том, что северо-западный перфект совместим с указаниями на время совершения действия, с которыми не употребляются результитивные формы во многих языках мира [Dahl, 1985, р. 19–20; Князев, 2007, р. 510], но русские литературные формы используются (ср. примеры из [Князев, 2007, с. 510–514]: *Игорь убит на войне в 1941 году* (В. Шефнер, «Имя для птицы») и др.).

Если говорить о лексико-грамматических особенностях *-ши*-форм, то кажется важным отметить, что несмотря на основное правило распределения перфектных форм на действительные (*-ши*-формы) и страдательные (*-н/-т*-формы) в зависимости от переходности/непереходности глагола, оно может нарушаться и строгого запрета на образование *-ши*-форм от транзитивных глаголов нет, что, как представляется, связано с возможной нейтрализацией залогового значения, которую знают все славянские языки: на первый план выходит результитивное значение суффикса *-н/-т-* или *-ши-*, а строгая закреплённость за глаголом в зависимости от переходности/непереходности уходит (см. подробнее [Ермолова, 2020]).

Остальные известные для *-ши*-форм функции в говоре деревни Пятиусово представлены довольно слабо. Показатель частотности контекстов с *-ши*-формами, употребленными в качестве глагольного обстоятельства, самый низкий из всех сопоставленных говоров. Низкая частотность атрибутивных употреблений соответствует тому, что мы видим в говоре деревни Макеево и опочечком говоре. Функция обозначения продолжительного действия, зафиксированная у *-ши*-форм в говоре деревни Макеево, в говоре деревни Пятиусово отсутствует.

Таким образом, говор деревни Пятиусово по употреблению *-ши*-форм не повторяет ни одну из рассмотренных в настоящей статье и в [Ермолова, 2024] систем. При этом, если все-таки говорить о степени близости

говора деревни Пятиусово к говору деревни Макеево или опочечкому говору, то больше схожего обнаруживается, вопреки ожиданиям, с опочечким говором: это совпадение представленных функций *-ши*-форм, а также крайне высокий уровень частотности результативных употреблений (хотя в говоре деревни Пятиусово он выше, чем в опочечком говоре).

Библиографический список / References

Ермолова, 2020 – Ермолова М.В. Об одном разночтении в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, Д.В. Сичинава и др. М., 2020. С. 529–533. [Ermolova M.V. On one reading in the Novgorod first Chronicle. *VAProsy yazykoznaniya: Megasbornik nanostatei. Sb. st. k yubileyu V.A. Plungyana*. A.A. Kibrik, Ks.P. Semenova, D.V. Sichinava et al. (eds.). Moscow, 2020. Pp. 529–533. (In Rus.)]

Ермолова, 2022 – Ермолова М.В. К вопросу о причастном функционировании *-л*-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала // *Slověne*. 2022. Vol. 11. № 1. С. 245–280. [Ermolova M.V. On the participial functioning of the *l*-form in the history of the Russian language in the light of Russian dialectal data and the material of the other Slavic languages. *Slověne*. 2022. Vol. 11. No. 1. Pp. 245–280. (In Rus.)]

Ермолова, 2024 – Ермолова М.В. Отпричастные *-ши*-формы в двух псковских и одном смоленском говорах: сопоставление подсистем // *Slověne*. 2024. T. 13. № 2. С. 166–192. [Ermolova M.V. Participial *shi*-forms in two Pskov and one Smolensk dialects: A comparison of subsystems. *Slověne*. 2024. Vol. 13. No. 2. Pp. 166–192. (In Rus.)]

Дьяченко и др., 2020 – Дьяченко С.В., Жидкова Е.Г., Тер-Аванесова А.В. Причастия прошедшего времени и формы прошедшего времени в говорах под Опочкой // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 1 (23). С. 53–88. [Dyachenko S.V., Zhidkova E.G., Ter-Avanesova A.V. Past participles and perfect constructions in Opochka dialects. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 2020. No. 1 (23). Pp. 53–88. (In Rus.)]

Захарова, Орлова, 2004 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Диалектное членение русского языка. М., 2004. [Zakharova K.F., Orlova V.G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, 2004.]

Кузьмина, Немченко, 1971 – Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971. [Kuzmina I.B., Nemchenko E.V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh* [Syntax of participial forms in Russian dialects]. Moscow, 1971.]

Князев, 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. [Knyazev Yu.P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics. The Russian language in a typological perspective.]. Moscow, 2007.]

Маслов, 1983 – Маслов Ю.С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций / под ред. В.П. Недялкова. Л., 1983. С. 41–54. [Maslov Yu.S. Resultative, perfect tense and aspect. *Tipologiya rezultativnykh konstrukttsii (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)*. V.P. Nedyalkov (ed.). Leningrad, 1983. Pp. 41–54. (In Rus.)]

Недялков, Яхонтов, 1983 – Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) // Типология результативных конструкций / под ред. В.П. Недялкова. Л., 1983. С. 5–41. [Nedyalkov V.P., Yakhontov S.E. Typology of the resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect tense). *Tipologiya rezultativnykh konstrukttsii*. V.P. Nedyalkov (ed.). Leningrad, 1983. Pp. 5–41. (In Rus.)]

Перельмутер, 1977 – Перельмутер И.А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. Л., 1977. [Perelmutter I.A. Obshcheindoevropskii i grecheskii glagol. Vido-vremennye i zalogovye kategorii [The Proto-Indo-European and Greek verb. Aspectual-temporal and voice categories]. Leningrad, 1977.]

Трубинский, 1984 – Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984. [Trubinskii V.I. Ocherki russkogo dialektного sintaksisa [Essays on Russian dialectal syntax]. Leningrad, 1984.]

Скачедубова, 2018 – Скачедубова М.В. Об интерпретации -л-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 64–76. [Skachedubova M.V. On the interpretation of *l*-forms without auxiliary used in pluperfect contexts in Hypatian Chronicle and The First Novgorodian Chronicle. *Voprosy yazykoznanii*. 2018. No. 5. Pp. 64–76. (In Rus.)]

Плунгян, 2016 – Плунгян В.А. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / отв. ред. Т.А. Майсак, В.А. Плунгян, Кс.П. Семёнова. СПб., 2016. С. 7–36. [Plungyan V.A. Towards the typology of perfect in the world's languages. Preface. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Vol. XII. Part 2. Studies in the Theory of Grammar. Issue 7: Typology of the perfect. T.A. Maisak, V.A. Plungyan, Ks.P. Semenova (eds.). St. Petersburg, 2016. Pp. 7–36. (In Rus.)]

Dahl, 1985 – Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.

Danylenko, 2005 – Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? *WORD*. 2005. Vol. 56. No. 3. Pp. 347–379.

Seržant, 2012 – Seržant I.A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Diachronic and areal account. *Lingua*. 2012. No. 122 (4). Pp. 356–385.

Jung, 2014 – Jung H. Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian. *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. I.A. Seržant, B. Wiemer (eds.). Bergen, 2014. Pp. 195–215.

Wiemer, Giger, 2005 – Wiemer B., Giger M. Resultative in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungs theoretische Gesichtspunkte). München, Newcastle, 2005.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Ермолова Мария Вадимовна – кандидат филологических наук; научный сотрудник международной лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Maria V. Ermolova – PhD in Linguistics; senior research fellow at the Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0671-1359>

E-mail: maria-anna2121@yandex.ru

Р.В. Ронько

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

105066 г. Москва, Российская Федерация;

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,

119019 г. Москва, Российская Федерация

Вариативность и эволюция показателей форм глаголов третьего лица настоящего времени в говоре деревни Пятиусово (Западнодвинский район, Тверская область)

Работа представляет собой корпусное исследование вариативности форм глагольного презенса третьего лица в одном псковском говоре. В формах третьего лица настоящего времени единственного числа в говоре конкурируют мягкие и твердые окончания: *ходит, говорит, работает, живёт*, но *ходит', говорит', работает', живёт'*. Эта вариативность представлена в двух спряжениях как в глаголах с ударением на основу, так и с ударением на окончании. В формах третьего лица настоящего времени множественного числа в ударных и безударных окончаниях первого спряжения и в ударных окончаниях второго: *говорят, работают, живут*, но *говорят', работают', живут'*. В глаголах второго спряжения безударные окончания могут иметь вид окончаний первого спряжения: *держут, ходют* или могут быть представлены стандартным вариантом, при этом оба типа окончаний могут быть смягченными. В статье показано, какие факторы влияют на представленную вариативность, среди изучаемых факторов: тип спряжения, место ударения, прайминг в ситуации переключения кодов и «естественный» прайминг. Также представлены некоторые методологические соображения о работе с корпусами малоресурсных языков и диалектов.

Ключевые слова: презенс, вариативность, диалектология, западнорусские диалекты, русские диалекты

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 25-00-019 «Корпусное и ареальное изучение восточнославянских диалектов» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ронько Р.В. Вариативность и эволюция показателей форм глаголов третьего лица настоящего времени в говоре деревни Пятиусово (Западновинский район, Тверская область) // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 133–161. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-133-161

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-133-161

R. Ron'ko

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation;
Vinogradov Russian Language Institute of RAS,
Moscow, 119019, Russian Federation

Variability and evolution of affixes of third person present tense verb forms in the dialect of the village of Pyatiusovo (Zapadnodvinsky district, Tver region)

This study is a corpus-based investigation of the variability of third person present tense verb forms in a Pskov dialect. In the third person singular present tense, palatalized or non-palatalized endings compete: *ходит, говорит, работает, живёт*, but also *ходит', говорит', работает', живёт'*. This variability appears across both conjugation types and is found in verbs with stress on the stem as well as on the ending. In the third person plural present tense, variation occurs in both stressed and unstressed endings of the first conjugation and in stressed endings of the second conjugation: *говорят, работают, живут*, but also *говорят', работают', живут'*. In second conjugation verbs, unstressed endings may take the form of first conjugation endings (e.g., *держут, ходют*) or the standard form; both types of endings can appear

in soft variants. The article examines which factors influence this variability. Among the factors analyzed are conjugation type, stress placement, priming in code-switching contexts, and “natural” priming. The paper also discusses methodological considerations in working with corpora of low-resource languages and dialects.

Key words: present tense, variability, dialectology, West Russian dialects, Russian dialects

Acknowledgments. The publication was prepared in the course of conducting research No. 25-00-019 “Corpus and areal study of East Slavic dialects” within the framework of the Program ‘Scientific Foundation of the HSE University’.

FOR CITATION: Ron'ko R. Variability and evolution of affixes of third person present tense verb forms in the dialect of the village of Pyatiusovo (Zapadnodvinsky district, Tver region). *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 133–161. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-133-161

1. Введение

В диалектных системах, находящихся под влиянием больших литературных языков, диалектные явления часто утрачиваются или стандартизируются, т.е. уподобляются модели, которая присутствует в стандартном языке. Это происходит не мгновенно и в каждом отдельно взятом случае представляет собой историю, заслуживающую описания. В этой работе я попробую описать вариативность в системе показателей глагольного презенса третьего лица в говоре жителей деревни Пятиусово Западнодвинского района Тверской области. Изучаемый говор принадлежит к псковской группе и располагается на границе с западными (или смоленскими) и верхнеднепровскими говорами (подробнее о лингвогеографическом положении говора деревни Пятиусово см. [Ронько, 2026]).

Наиболее подробное описание систем глагольного спряжения в русских диалектах представлено в работе С.В. Бромлей. Диалектная система, представленная в изучаемом говоре, соответствует системам, распространенным преимущественно в говорах южнорусского наречия [Бромлей, 1973, с. 344]. В нашем говоре представлено два типа вариативности глагольных форм. В формах третьего лица настоящего времени единственного числа в речи информантов встречаются окончания на мягкие и на твердые согласные: *ходит, говорит, работает, живёт*, но *ходит', говорит', работает', живёт'*. Эта вариативность представлена в обоих спряжениях как в глаголах с ударением на основу, так и с ударением на окончании. То же самое мы можем наблюдать в формах третьего лица настоящего времени множественного числа

в ударных и безударных окончаниях первого спряжения и в ударных окончаниях второго: *говорят, работают, живут*, но *говорят'*, *работают'*, *живут'*. В глаголах второго спряжения безударные окончания могут иметь вид окончаний первого спряжения: *держут, ходют*. Это явление, широко распространенное в говорах южного наречия¹ и западных среднерусских говорах, в литературе называется «общим спряжением» [Касаткин и др., 2012, с. 156]. В нашем говоре, находящемся под влиянием литературного языка, могут присутствовать четыре типа форм глаголов настоящего времени 3 л. мн. числа второго безударного спряжения: литературные формы (*ходят*), формы, спрягающиеся по модели первого спряжения (*ходят*), а также мягкие аналоги этих типов (*ходят'*, *ходют'*). В исследовании я постараюсь разобрать факторы, влияющие на вариативность форм, и попытаюсь показать степень устойчивости диалектных вариантов. Необходимо отметить, что согласно описанию 1952 г., проводившемуся по программе сбора сведений для Диалектологического атласа русского языка (далее ДАРЯ) в говоре деревни Осташково, расположенной в нескольких километрах от Пятиусова, наблюдается вариативность мягких и твердых форм, но для безударных форм множественного числа первого спряжения были отмечены только формы «общего спряжения»: *носят, ходют*².

Вариативности и эволюции русских диалектных явлений посвящен ряд работ последнего времени. Часть работ связана с построением моделей, показывающих связь между возрастом информанта и утратой диалектного явления. Самая представительная из работ этого типа, выполненная коллективом авторов [Daniel et al., 2019], показывает утрату комплекса грамматических явлений в вологодском говоре бассейна реки Устья в Архангельской области. В работе [Ронько и др., 2024] представлена модель изменения лексического строя нескольких деревень западнодвинского говора, основанная на анализе данных лексической части программы сбора материала ДАРЯ.

В статье показаны этапы исчезновения разных групп лексем и связь между сохранностью лексем, возрастом и уровнем образования информантов. Важное место в процессе эволюции диалектных систем занимают прайминг и переключение кодов. Под праймингом в психологии и нейрофизиологии понимается предшествование одного стимула другому [Русакова, 2013, с. 53–60]. В нашей работе мы придерживаемся

¹ Все единицы диалектного членения в тексте даются по работе [Захарова, Орлова, 1970]. Это диалектное членение представлено в картах Диалектологического атласа русского языка.

² Марченко И.А., Долгов О.Н., Азанова А.С. и др. База данных диалектологического атласа русского языка. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 11.12.2025).

эволюционного подхода к языку, представленному в ряде работ (см., например [Jäger, Rosenbach, 2008, p. 107]), в которых утверждается, что прайминг способствует созданию лингвистической вариативности, способствуя появлению новых грамматических конструкций и категорий. В настоящей работе мы имеем дело с корпусным материалом, в котором речь информантов перемежается с речью интервьюеров, и носители литературного языка таким образом могут задавать стандартные стимулы носителям диалекта. Явление прайминга тесно связано с феноменом переключения кодов. Обычно при употреблении этого термина говорят о переключении с одного языка на другой (см. обзор лингвистических проблем, связанных с переключением кодов, в [Poplack, 2015]), но этот термин используется и при описании процесса взаимодействия носителей разных диалектов одного языка. В настоящее время есть ряд исследований о взаимодействии диалектов и стандартных вариантов в разных языках, например, в нидерландском [Vandekerckhove, 1998] или итальянском [Ramat, 1995]. В исследовании [Ron'ko, 2025] на материале двух разных псковских говоров (говоров деревень Опочецкого³ района и говоров нескольких деревень Западнодвинского района) на примере трех диалектных явлений показано, что отсутствие эффекта прайминга при переключении кодов может быть признаком устойчивости диалектного явления. Еще один тип прайминга, который мы постараемся рассмотреть, – «естественный» прайминг. Термин «естественный прайминг» введен в русскоязычную лингвистику М.В. Русаковой (2013). В серии повторяющихся форм на выбор форм может влиять звучание самой первой формы в серии, но не обязательно. Таким образом мы разделяем стимулы, заданные интервьюером и носителем говора. Методологические особенности этого решения будут обсуждаться далее, по мере необходимости.

Другой механизм, сопряженный с языковой эволюцией, важный для нашего исследования, связан с использованием частотных форм. В целом наборе функционалистских лингвистических работ распространено утверждение о том, что грамматика меняется вместе с «языковым опытом» (например, [Bybee, 2006]). Повторение конструкций ведет к их стандартизации, а переосмысление новых конструкций как новый элемент «нормы» и есть реализация это «опыта». Рассматривая эволюцию и вариативность конкретных явлений, имеет смысл обращаться к наиболее частотным формам, мы воспользуемся этими соображениями по ходу работы.

³ Описание морфологических черт говоров Опочецкого района, который в некоторых отношениях близок к изучаемой системе, представлено в работах [Дьяченко и др., 2018; Ронько, 2019].

Вариативность глагольной морфологии в диалектах не впервые привлекает внимание исследователей. Е.А. Заливина в своей работе описывает изменение глагольных форм в говорах Опочецкого района Псковской области [Заливина, 2023]. В отличие от рассматриваемых в нашей статье, в опочецких говорах наряду с *-т* и *-т'* в презенсе есть формы без конечного *-т* (*ходе, играе*)⁴. В этой работе основное внимание уделено зависимости использования диалектных форм от возраста и уровня образования информанта. Описание системы презенса глагола в говорах деревень Западнодвинского района содержатся в первичном грамматическом очерке говора деревень Шетнево, Макеево и Степаньково [Ронько и др., 2023]. Во множественном числе формы глаголов настоящего времени третьего лица в рассматриваемых говорах и говорах вокруг Опочки совпадают.

В статье будет описан механизм выбора глагольной формы в зависимости от типа спряжения и наличия ударения на окончании глагола, влияние переключения кодов, «естественного» прайминга, а также поведение частотных глаголов. Работа построена следующим образом: во втором разделе описан характер данных и методы, которые применялись к материалу, в третьем разделе описана вариативность форм единственного числа, далее вариативность форм множественного числа, и в конце приводится заключение.

2. Данные и методы

Материалом исследования служит устный корпус говора деревни Пятиусово⁵. Исследование позиционируется как корпусное, нами извлечены все формы третьего лица глаголов настоящего времени в единственном и множественном числе. В корпусе содержится речь пяти информантов в возрастном диапазоне от 1934 до 1954 г. рождения (три информанта мужского пола и два женского). Объем корпуса составляет 96 537 словоформ или 105 809 словоформ, если считать вместе с репликами собирателей. Материал корпуса распределен по информантам неравномерно, большая часть корпуса приходится на информанта ЗЕС1942, это обстоятельство будет учитываться. Необходимо отметить,

⁴ В говорах Западнодвинского района глагол *мочь* в третьем лице единственного числа имеет не только мягкую и твердую разновидность, но и форму без конечного *-т* (*може*). Эта вариативность мотивирована преимущественно грамматическим фактором – типом модального значения. На этом основании глагол *мочь* не рассматривается в исследовании.

⁵ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

что разные информанты в корпусе сохраняют диалектные черты неравномерно, образцами говора, которые сохраняют наибольшее количество диалектных черт, мы считаем диалектоносителей ЗЕС1942 и ПВВ1935.

При разметке материала было уделено внимание следующим параметрам: спряжение глагола, наличие ударения на окончании, является ли форма реакцией на форму, заданную интервьюером (прайминг при переключении кода), повторяет ли форма образец, заданный только что самим информантом («естественный прайминг»). Кроме того, отдельно была рассмотрена вариативность самых частотных форм. Теперь подробнее разберем работу с параметрами.

2.1. Тип спряжения и место ударения

Так как в корпусе запись дана в специфической орфографии⁶, рассчитанной на отображение только некоторых диалектных черт, все формы были прослушаны. После прослушивания каждой формы автор определял тип окончания на слух. В работе будут представлены как данные по каждому из информантов, так и данные по всему корпусу.

2.2. Прайминг при переключении кодов

Из-за способа сбора материала в корпусе представлено много моментов, при которых реплики информантов следуют за репликами интервьюеров. В данном исследовании было принято условие, что эффект прайминга при переключении кодов может работать (или не работать) непосредственно во фрагменте речи информанта, который следует сразу за фрагментом речи диалектолога (см. пример (1)).

(1) интервьюер: *Все в Москве живут?*

ЗЕС1942: *да, в Москве живут, да.*

В примере (1) интервьюер задает стимул, а информант реагирует и повторяет форму, соответствующую литературной. Мы считаем, что можем убедительно проверить наличие или отсутствия эффекта только на одинаковых словоформах, и придерживаемся этого подхода.

2.3. «Естественный» прайминг

Термин «естественный прайминг» введен в русскоязычную лингвистику М.В. Русаковой (2013). Сериям повторяющихся в нарративе информанта форм (см. пример (2)) было уделено особое внимание.

⁶ Преимущества такого способа подачи материала для русских диалектных корпусов описаны в работе [Von Waldenfels, Daniel, Dobrushina, 2014].

Весь материал рассматривается в двух конфигурациях: без примеров из подобных серий и отдельно примеры из таких серий.

- (2) Они у нас чего-то не **живут**. А почему? Там корму, там гадюк полным-полно. А почему не **живут**, не знаю. Здесь **живут**. (ЗЕС1942)

Поведение примеров в таких сериях представляет отдельный интерес с точки зрения устойчивости диалектных форм и подлежит особому рассмотрению. Кроме того, будет показано, что исключение подобного материала из общей выборки и отдельное его рассмотрение необходимы с точки зрения методологии работы.

2.4. Частотность

В процессе исследования было выбрано по восемь самых частотных словоформ презенса третьего лица единственного и множественного числа, которые рассматриваются в особом порядке.

2.5. Порядок представления данных

Данные будут представлены в следующем порядке: распределение примеров с учетом информанта, типа спряжения и наличия ударения на окончании, исключая примеры с возможностью реализации прайминга («естественного» или при переключении кодов). Далее будет рассмотрен материал с естественным праймингом, материал с праймингом при переключении кодов, а затем будут рассмотрены частотные формы.

3. Вариативность форм глагольного презенса третьего лица единственного числа

3.1. Общие тенденции

В таблице 1 представлено распределение всех глагольных форм, найденных вне ситуаций переключения кодов и вне серий с «естественный праймингом». Необходимо обратить внимание, что в полученном материале у двух информантов (ЕВМ1937, ЛНГ1954) не обнаружилось мягких окончаний, у информанта ВПМ1934 есть две мягкие формы глаголов первого спряжения с безударным окончанием, у информанта ЗЕС1942 присутствуют все типы форм, кроме глаголов первого спряжения с окончанием на ударении и мягкостью, а у информанта ПВВ1935 присутствуют все формы. Эти обстоятельства могут косвенно указывать нам на то, что сохранность и активность диалектной системы у представленных информантов находится в разном состоянии, однако специфика корпусного исследования состоит в том, что исключать возможность

Таблица 1

**Распределение мягких и твердых окончаний третьего лица единственного числа
у каждого из информантов**
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings of the third person singular for each of the informants]

Информант [Informants]	Первое спряжение [First conjugation]				Второе спряжение [Second conjugation]			
	Ударение на окончании [Stress on the ending]		Ударение на основе [Stress on the stem]		Ударение на окончании [Stress on the ending]		Ударение на основе [Stress on the stem]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>
ПВВ1935	8	4	14	7	11	3	10	6
ВПМ1934	12	0	1	2	3	0	9	0
ЕВМ1937	8	0	14	0	10	0	4	0
ЗЕС1942	96	0	110	27	63	11	42	33
ЛНГ1954	6	0	9	0	8	0	6	0

появления в речи диалектных форм у информантов ЕВМ1937, ЛНГ1954 мы не можем, тем более что они регулярно демонстрируют другие диалектные черты.

Теперь рассмотрим распределение типов окончаний без учета специфики информанта для каждого из спряжений (таблицы 2–3).

Таблица 2

**Распределение мягких и твердых окончаний глаголов
первого спряжения третьего лица единственного числа**
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings
of first conjugation verbs in the third person singular]

Место ударения [Stress position]	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
Ударение на окончании [Stress on the ending]	136 (97%)	4 (3%)
Ударение на основе [Stress on the stem]	148 (80%)	36 (20%)

Таблица 3

**Распределение мягких и твердых окончаний глаголов
второго спряжения третьего лица единственного числа**
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings
of second conjugation verbs in the third person singular]

Место ударения [Stress position]	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
Ударение на окончании [Stress on the ending]	95 (88%)	14 (12%)
Ударение на основе [Stress on the stem]	71 (60%)	39 (40%)

Твердых окончаний у глаголов первого спряжения значительно больше, чем мягких, при этом значительная доля последних сохраняется в формах с ударением на основу (см. таблицу 2). Необходимо отметить, что ударные мягкие окончания первого спряжения в корпусе демонстрирует лишь один информант (ПВВ1935), при этом далеко не самый представительный с точки зрения материала в корпусе. Корреляция между мягкостью и наличием ударения на окончании статистически значима (критерий хи-квадрат, $p < 0,00001$; результат статистически значимый $p < 0,05$).

В материалах по второму спряжению прослеживаются такие же тенденции: твердые окончания преобладают, доля мягких окончаний

Таблица 4

**Распределение мягких и твердых окончаний третьего лица единственного числа
у каждого из информантов в ситуации естественного прайминга**
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings of the third person singular
for each of the informants in a natural priming situation]

Информант [Informants]	Первое спряжение [First conjugation]				Второе спряжение [Second conjugation]			
	Ударение на окончании [Stress on the ending]		Ударение на основе [Stress on the stem]		Ударение на окончании [Stress on the ending]		Ударение на основе [Stress on the stem]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>
ПВВ1935	0	1	0	0	3	0	0	0
ВПМ1934	1	0	10	0	0	0	6	0
ЕВМ1937	4	0	4	0	1	0	1	0
ЗЕС1942	36	0	24	7	24	3	9	18
ЛНГ1954	0	0	0	0	1	0	1	0

в формах с ударением на основе существенно выше (см. таблицу 3). Корреляция между мягкостью и наличием ударения на окончании статистически значима (критерий хи-квадрат, $p = 0,00094$; результат статистически значимый $p < 0,05$).

3.2. Серии форм глагольного презенса третьего лица единственного числа с «естественным» праймингом

В таблице 4 представлено распределение всех глагольных форм, найденных в сериях с «естественный праймингом». Эти примеры были исключены из таблиц, по которым мы определяли общие тенденции, однако эти данные довольно закономерно их повторяют.

Большая часть материала здесь демонстрирует систему информанта ЗЕС1942. Как и в основной таблице, доля мягких форм выше в глаголах с ударением на основу. Внимание привлекает тот факт, что у данного информанта мягкие формы во втором безударном спряжении преобладают. Чтобы выяснить причину этой аномалии, которая противоречит общей тенденции, посмотрим, что происходит с глаголами в ситуации естественного прайминга, действительно ли они склонны повторять модель, заданную первой формой. Ответ на это вопрос представлен в таблице 5.

В большинстве случаев выбор формы зависит от первой формы в серии (см. таблицу 5). Все 18 форм глаголов второго спряжения с окончанием на основе принадлежат информанту ЗЕС1942, 14 из них повторяют первую форму из серии. В целом это характерно для естественного прайминга, это хорошо видно из таблицы 6, где данные суммированы.

За исключением аномалии с безударными окончаниями второго спряжения эти данные повторяют общую тенденцию. Несмотря на то что этот материал не вносит вклада в понимание общей картины, мы получили наглядную методологическую иллюстрацию по работе с корпусными данными такого типа.

3.3. Употребление форм глагольного презенса третьего лица единственного числа при переключении кодов

В таблице 7 представлено распределение всех глагольных форм, которые следуют за стимулами, заданными интервьюерами. Это довольно редкий материал, здесь мы опять имеем дело преимущественно с данными от одного информанта.

Таблица 5

Совпадение или несовпадение по мягкости-твёрдости последнего звука окончания с первой словоформой из серии в зависимости от типа спряжения и наличия ударения на окончании
[Whether the final sound of the ending matches or does not match the first word form in the series in terms of palatalization, depending on the conjugation type and the presence of stress on the ending]

Мягкость [Palatalization]	Совпадает с первой формой [Wordform matches the first wordform]	Не совпадает с первой формой [Wordform does not match the first wordform]
Первое спряжение, ударение на окончании [First conjugation, stress on the ending]		
<i>m'</i>	1 (100%)	0
<i>m</i>	41 (100%)	0
Первое спряжение, ударение на основе [First conjugation, stress on the stem]		
<i>m'</i>	5 (71%)	2 (29%)
<i>m</i>	36 (95%)	2 (5%)
Второе спряжение, ударение на окончании [Second conjugation, stress on the ending]		
<i>m'</i>	2	1
<i>m</i>	20 (69%)	9 (31%)
Второе спряжение, ударение на основе [Second conjugation, stress on the stem]		
<i>m'</i>	14 (78%)	4 (22%)
<i>m</i>	16 (94%)	1 (6%)

Таблица 6

Совпадение или не совпадение по мягкости-твёрдости последнего звука окончания с первой словоформой из серии
[Whether the final sound of the ending matches or does not match the first word form in the series in terms of palatalization]

Мягкость [Palatalization]	Совпадает с первой формой [Wordform matches the first wordform]	Не совпадает с первой формой [Wordform does not match the first wordform]
<i>m'</i>	22 (76%)	7 (24%)
<i>m</i>	73 (86%)	12 (14%)

Таблица 7

**Распределение мягких и твердых окончаний третьего лица единственного числа
у каждого из информантов при переключении кодов**
**[Distribution of palatalized and non-palatalized endings of the third person singular
for each of the informants during code-switching]**

Информант [Informants]	Первое спряжение [First conjugation]				Второе спряжение [Second conjugation]			
	Ударение на окончании [Stress on the ending]		Ударение на основе [Stress on the stem]		Ударение на окончании [Stress on the ending]		Ударение на основе [Stress on the stem]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>
ПВВ1935	0	0	0	0	0	0	0	0
ВПМ1934	0	0	0	0	0	0	3	0
ЕВМ1937	0	0	0	0	0	0	0	0
ЗЕС1942	13	0	0	0	0	0	9	5
ЛНГ1954	0	0	0	0	0	0	0	0

Информант ВПМ1934, в материале которой есть всего две мягкие формы, закономерно в ситуации переключения кодов использует твердые формы. Информант ЗЕС1942 игнорирует модель, заданную интервьюером, в 5 из 14 случаев. В таблице 8 мы можем увидеть, какие формы использует ЗЕС1942 при стимуле, заданном интервьюером, и без него.

Таблица 8

**Распределение мягких и твердых окончаний
третьего лица единственного числа у информанта ЗЕС1942
после стимула, заданного интервьюером, и без него
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings
of the third person singular for ZES1942 after a stimulus given
by the interviewer and without it]**

Прайминг [Priming]	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
Есть стимул [With stimulus]	9 (64%)	5 (36%)
Нет стимула [Without stimulus]	42 (56%)	33 (44%)

Параметр «наличие стимула в речи интервьюера» не влияет на выбор окончания (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p = 0,7$; результат статистически незначимый, $p < 0,05$). Это может свидетельствовать об относительной устойчивости диалектного варианта в этом сегменте системы.

3.4. Окончания частотных форм глаголов третьего лица единственного числа

В таблице 9 мы можем посмотреть на распределение типов окончаний в самых частотных словоформах, присутствующих в корпусе.

Из 134 форм первого спряжения с ударением на окончании 103 формы приходится на словоформы *живёт* и *идёт* (см. таблицу 9). Этим может быть обусловлена разница в количестве мягких ударных окончаний между первым и вторым спряжением.

3.5. Промежуточные выводы

Промежуточные выводы про вариативность глаголов третьего лица единственного числа можно сформулировать следующим образом.

1. Глаголы настоящего времени третьего лица единственного числа демонстрируют твердость конечного согласного (литературный вариант) чаще, чем мягкость (диалектный вариант).

2. При этом в глаголах с окончанием на ударении мягкость конечного согласного встречается значительно реже, чем в глаголах с окончанием на основу.

3. Особенно редко мягкие формы встречаются в ударных окончаниях глаголов первого спряжения, однако это может объясняться поведением конкретных частотных глагольных форм.

4. Разные информанты демонстрируют разную сохранность изучаемой диалектной черты. На это есть разные косвенные указания, например, информант ПВВ1935 в отличие от остальных смягчает конечный согласный во всех возможных формах. Так же интересным представляется тот факт, что ситуация переключения кода оказывается несущественной для вариативности в системе информанта ЗЕС1942, по крайней мере в том месте, где мы можем изучить этот вопрос.

Таблица 9

**Распределение мягких и твердых окончаний
третьего лица единственного числа в частотных формах**
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings
of the third person singular in frequent forms]

	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
Первое спряжение, ударение на окончании [First conjugation, stress on the ending]		
<i>живёт</i>	70 (99%)	1 (1%)
<i>идёт</i>	31 (97%)	1 (3%)
Первое спряжение, ударение на основе [First conjugation, stress on the stem]		
<i>бывает</i>	36 (88%)	5 (12%)
<i>знает</i>	28 (90%)	3 (10%)
Второе спряжение, ударение на окончании [Second conjugation, stress on the ending]		
<i>говорит</i>	81 (91%)	8 (9%)
Второе спряжение, ударение на основе [Second conjugation, stress on the stem]		
<i>ходит</i>	10 (31%)	22 (69%)
<i>приходит</i>	9 (31%)	20 (69%)
<i>держит</i>	11 (61%)	7 (37%)

4. Вариативность форм глагольного презенса множественного числа

4.1. Общие тенденции

Теперь приступим к рассмотрению форм глаголов настоящего времени третьего лица множественного числа. Как было сказано выше, во множественном числе мы имеем дело с двумя типами вариативности: первый связан с мягкостью-твёрдостью окончаний, а другой, специфичный для безударных окончаний второго спряжения, – с гласным в окончании. Материал будет представлен в следующем порядке: сначала будут данные по глаголам первого спряжения и ударным формам второго, а потом данные по безударным формам второго. В таблице 10 мы видим распределение мягких и твёрдых окончаний глаголов первого спряжения и глаголов второго спряжения с ударным окончанием. Надо сказать, что материала с эффектом прайминга (или его отсутствием) при переключении кодов исключительно мало и его нет смысла приводить в тексте работы (из следующих подсчетов он исключен).

Как и в случае с вариативностью глагольных форм в единственном числе, из таблицы видно, что разные информанты демонстрируют разный уровень сохранности диалектной черты. Так, диалектоносители ЕВМ1937 и ЛНГ1954 не употребляют мягкие формы глаголов первого спряжения и второго спряжения с ударным окончанием. Данные по первому спряжению обобщены в таблице 11.

Здесь мы видим те же тенденции, что описаны выше: твёрдые окончания преобладают, однако в безударных формах процент мягких окончаний значительно выше (снова отмечаем, что почти все мягкие безударные формы первого спряжения принадлежат информанту ЗЕС1942) (см. таблицу 11). Корреляция между мягкостью и наличием ударения на окончании статистически значима (критерий хи-квадрат, $p = 0,01744$; результат статистически значимый $p < 0,05$). Среди шестидесяти двух форм второго спряжения с ударным окончанием мы также встречаем только две мягкие.

В таблице 12 представлены данные о разнообразии безударных окончаний глагольных форм множественного числа по каждому из информантов. Как было сказано выше, в материале есть четыре варианта окончаний: литературная форма и ее мягкий вариант, форма «общего спряжения» (*носят*) и ее мягкий вариант (*носят*’).

Информант ЕВМ1937 по-прежнему не демонстрирует диалектных форм, единственная искомая форма глагола в корпусе, которую породил информант ЛНГ1954, оказалась твёрдой формой, образованной по модели первого спряжения. Обобщенные сведения по второму безударному спряжению представлены в таблице 13.

Таблица 10

Распределение мягких и твердых окончаний третьего лица множественного числа у каждого из информантов [Distribution of palatalized and non-palatalized endings of the third person plural for each of the informants]

Информант [Informants]	Первое спряжение [First conjugation]				Второе спряжение [Second conjugation]	
	Ударение на окончании [Stress on the ending]		Ударение на основе [Stress on the stem]		Ударение на окончании [Stress on the ending]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>
ПВВ1935	2	2	6	1	1	0
ВПИМ1934	10	1	22	0	13	1
ЕВМ1937	5	0	6	0	2	0
ЗЕС1942	39	4	39	32	32	1
ЛНГ1954	11	0	10	0	12	0

Таблица 11

**Распределение мягких и твердых окончаний
третьего лица множественного числа первого спряжения
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings
of the third person plural of the first conjugation]**

Место ударения [Stress position]	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
Ударение на окончании [Stress on the ending]	67 (91%)	7 (9%)
Ударение на основе [Stress on the stem]	83 (72%)	33 (28%)

Таблица 12

**Типы окончаний третьего лица множественного числа
второго спряжения у каждого из информантов
[Types of third person plural endings of the second conjugation
for each of the informants]**

Тип окончания [Type of the affix]	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
ПВВ1935		
- <i>ym</i>	2	3
- <i>am</i>	2	2
ЛНГ1954		
- <i>ym</i>	1	0
- <i>am</i>	0	0
ВПМ1934		
- <i>ym</i>	10	1
- <i>am</i>	5	1
ЕВМ1937		
- <i>yt</i>	0	0
- <i>am</i>	5	0
ЗЕС1942		
- <i>ym</i>	20	14
- <i>am</i>	7	2

Таблица 13

**Типы окончаний третьего лица множественного числа
второго спряжения**
[Types of third person plural endings of the second conjugation]

Тип окончания [Type of the affix]	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
- <i>ym</i>	33 (66%)	17 (34%)
- <i>am</i>	14 (78%)	4 (22%)

Большая часть форм (50 из 68) – с окончаниями «общего спряжения». Этот тип окончаний преобладает у всех информантов, кроме информанта EVM1937. При этом высокая доля мягких окончаний наблюдается только у тех информантов, которые демонстрируют высокий процент мягкости окончаний и в других клетках парадигмы (ПВВ1935 и ЗЕС1942). Можно предположить, что образование безударных форм «общего спряжения» – более устойчивая диалектная черта, чем мягкость окончаний.

4.2. Серии форм глагольного презенса третьего лица множественного числа с «естественным» праймингом

В таблице 14 представлено распределение мягких и твердых окончаний глагольных форм множественного числа первого спряжения и ударных форм второго спряжения в сериях с естественным праймингом.

Как и в данных по единственному числу, мы видим, что в одном месте эти данные не совпадают с общими тенденциями: информант ЗЕС1942 в представленных сериях употребляет мягкие безударные формы первого спряжения чаще, чем твердые. В данных по безударным окончаниям второго спряжения значительных отклонений от общих тенденций нет.

В таблице 16 мы можем увидеть, совпадают ли при естественном прайминге формы с заданным стимулом.

В ударных окончаниях обоих спряжений тип ударения зависит от первой формы в серии. В безударных окончаниях распределение не такое однозначное: 7 из 9 твердых безударных окончаний первого спряжения идут в серии за мягкой формой, это косвенно подкрепляет общую тенденцию превосходства твердых форм над мягкими. В представленных сериях все безударные варианты окончаний форм глаголов второго спряжения, кроме -*ym*, повторяют первую форму.

Таблица 14

**Распределение мягких и твердых окончаний третьего лица множественного числа
у каждого из информантов в ситуации естественного прайминга**
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings
of the third person plural for each of the informants in a natural priming situation]

Информант [Informants]	Первое спряжение [First conjugation]				Второе спряжение [Second conjugation]	
	Ударение на окончании [Stress on the ending]		Ударение на основе [Stress on the stem]		Ударение на основе [Stress on the stem]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>
ПВВ1935	1	0	1	0	0	1
ВПМ1934	5	0	2	0	6	0
ЕВМ1937	4	0	0	0	0	0
ЗЕС1942	12	3	11	13	9	0
ЛНГ1954	2	0	0	0	0	0

Таблица 15

**Типы безударных окончаний третьего лица
множественного числа второго спряжения
у каждого из информантов в ситуации естественного прайминга**
[Types of unstressed third person plural endings
of the second conjugation for each of the informants
in a natural priming situation]

Тип окончания [Type of the affix]	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
ПВВ1935		
-ym	0	1
-am	0	0
ЛНГ1954		
-ym	0	0
-am	0	0
ВПМ1934		
-ym	2	0
-am	2	0
ЕВМ1937		
-ут	3	0
-am	0	0
ЗЕС1942		
-ym	10 (59%)	7 (41%)
-am	0	1
Всего [Total]		
-ym	15 (65%)	8 (35%)
-am	2 (66%)	1 (34%)

Таблица 16

**Совпадение или несовпадение по мягкости-твёрдости
последнего звука окончания с первой словоформой из серии
в зависимости от типа спряжения, наличия ударения на окончании**
[Whether the final sound of the ending matches or does not match
the first word form in the series in terms of palatalization,
depending on the conjugation type and the presence of stress
on the ending]

Мягкость [Palatalization]	Совпадает с первой формой [Wordform matches the first wordform]	Не совпадает с первой формой [Wordform does not match the first wordform]
Первое спряжение, ударение на окончании [First conjugation, stress on the ending]		
<i>m'</i>	0	0
<i>m</i>	27 (96%)	1 (4%)
Первое спряжение, ударение на основе [First conjugation, stress on the stem]		
<i>m'</i>	7 (47%)	8 (53%)
<i>m</i>	2 (22%)	7 (78%)
Второе спряжение, ударение на окончании [Second conjugation, stress on the ending]		
<i>m'</i>	0	0
<i>m</i>	17	0
Второе спряжение, ударение на основе [Second conjugation, stress on the stem]		
<i>am'</i>	1	0
<i>am</i>	2	0
<i>ym'</i>	8	0
<i>ym</i>	8 (53%)	7 (47%)

4.3. Окончания частотных форм глаголов третьего лица множественного числа

Теперь рассмотрим поведение частотных форм (таблица 17).

Таблица 17

**Распределение мягких и твердых окончаний третьего лица
множественного числа в частотных формах**
**[Distribution of palatalized and non-palatalized endings
of the third person plural in frequent forms]**

	Мягкость [Palatalization]	
	<i>m</i>	<i>m'</i>
Первое спряжение, ударение на окончании [First conjugation, stress on the ending]		
<i>живут</i>	34 (97%)	1 (3%)
<i>идут</i>	14 (87%)	2 (13%)
<i>дают</i>	7 (54%)	6 (46%)
Первое спряжение, ударение на основе [First conjugation, stress on the stem]		
<i>сажают</i>	12 (57%)	9 (43%)
<i>работают</i>	8 (57%)	6 (43%)
<i>приезжают</i>	10 (77%)	3 (23%)
<i>делают</i>	4 (40%)	6 (60%)
Второе спряжение, ударение на окончании [Second conjugation, stress on the ending]		
<i>говорят</i>	45 (94%)	3 (6%)

Описательная статистика частотных форм вносит поправку в общие тенденции. Большой вклад в распределение ударных форм вносят формы *живут* и *говорят*. Для сравнения, менее частотная форма *дают* имеет более равномерное распределение мягких и твердых форм (см. таблицу 17).

В таблице 18 представлено распределение самых частотных форм множественного числа второго спряжения с ударением на основе.

**Распределение мягких и твердых окончаний
третьего лица множественного числа второго спряжения
с ударением на основе в частотных формах
[Distribution of palatalized and non-palatalized endings
of the third person plural of the second conjugation
with stress on the stem in frequent forms]**

	Тип окончания [Type of the affix]			
	<i>am</i>	<i>am'</i>	<i>ym</i>	<i>ym'</i>
<i>держат</i>	0	0	6 (29%)	15 (71%)
<i>приходят</i>	6 (60%)	1 (10%)	2 (20%)	1 (10%)
<i>ходят</i>	2 (15%)	0	8 (54%)	3 (23%)

Таких частотных глаголов, как *говорить* и *жить*, для второго спряжения с ударением на основе не представлено. Представленный материал довольно разнородный. Глагол *держат* во всех случаях представлен окончанием *-ym*, при этом 15 форм (71%) являются мягкими. Глагол *приходить* в шести случаях (60%) представлен стандартным вариантом, глагол *ходить* преимущественно диалектным вариантом, но твердым. В целом, поведение этих глаголов совпадает с общим распределением вариантов (см. таблица 18).

Отдельное поведение демонстрирует глагол *хотеть*, который в третьем лице множественного числа дает две формы: *хочут* с ударением на основу и *хотят* с ударением на окончание. В 10 случаях из 14 глагол представлен стандартной формой (*хотят*), а в четырех формой с твердым диалектным окончанием и чередованием в основе (*хочут*).

4.4. Промежуточные выводы

Часть общих тенденций совпадает с ситуацией в единственном числе: твердые окончания преобладают над мягкими, при этом мягкость в безударных окончаниях более сохраненный признак, чем в ударных. Для частотных глаголов эти тенденции работают сильнее. Для безударных окончаний второго спряжения наиболее стабильная форма совпадает с первым спряжением. Вариативность по мягкости в этом сегменте парадигмы работает также как в других.

5. Заключение

Мы рассматриваем диалектную систему, находящуюся в тесном контакте с литературным языком. Со времен работ Уильяма Лабова [Labov, 1963, 1964, 2011] и Питера Традгила [Trudgill, 1986] подобный подход к диалектным системам исключительно распространен. Тесный контакт в нашем случае надо понимать двояко: во-первых, большинство русских диалектных систем находится под прессом литературного языка благодаря образованию, культуре и особенностям современных коммуникаций. Во-вторых, мы рассматриваем диалоги между носителями диалекта и носителями литературного языка. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией переключения кодов и с праймингом внутри этой ситуации. Но помимо переключения кодов сама роль участия (не говоря уже о простом присутствии) носителя стандарта при сборе диалектных данных достойна отдельного изучения.

На наш взгляд, ценность представляет та часть методологии работы, которая связана с естественным праймингом. В исследованиях частотных явлений на больших корпусах лингвисты могут позволить себе брать один пример из одного текста и полностью снять проблему с подобными сериями. Однако в условиях, при которых материал исключительно ограничен, исследователь вынужден стоять перед проблемой работы с малой выборкой. Тот факт, что результаты по данным с естественным праймингом отличаются от чистой выборки, показывает, что использование такого методологического приема является удачным и показывает более достоверный результат.

В работе была рассмотрена конкуренция диалектного и стандартного варианта в двух формах единственного и множественного числа глаголов настоящего времени. Эта конкуренция оценивается через призму устойчивости диалектного явления. Диалектные варианты оказываются устойчивыми в разной степени: самое устойчивое диалектное явление из рассмотренных обнаруживается в безударных окончаниях глаголов множественного числа второго спряжения, которые изменяются по модели первого: *ходят* вместо *ходят*. В меньшей степени сохраняются мягкие варианты безударных окончаний (во всех рассмотренных ячейках парадигмы), и наименее сохранены мягкие варианты ударных окончаний.

Параллельно с общими тенденциями выяснен ряд дополнительных обстоятельств: информант, который лучше сохраняет диалектную систему, способен игнорировать стимулы, заданные носителем литературного языка. Частотные глаголы (по крайней мере, во множественном числе) склонны к литературному варианту сильнее менее частотных.

Данные, полученные на примере серий повторяющихся глаголов (серий с естественным праймингом), тоже косвенно подтверждают неустойчивость системы: твердые формы чаще идут за мягкими, чем наоборот.

Библиографический список / References

Бромлей, 1973 – Бромлей С.В. Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке // Бромлей С.В. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка / сост. Н.Н. Пшеничнова; под ред. А.М. Молдована. М., 2010. С. 339–362. [Bromley S.V. Contrasting I and II conjugations in Russian dialects and literary language. *Bromley S.V. Problemy dialektologii, lingvogeografii i istorii russkogo yazyka*. N.N. Pshenichnova (comp.), A.M. Moldovan (ed.). Moscow, 2010. Pp. 339–362. (In Rus.)]

Касаткин и др., 2012 – Русская диалектология: учебник для студ. филол. факультетов высших учебных заведений / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова и др.; под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2012. [Bromley S.V., Bulatova L.N., Gecova O.G. et al. *Russkaia dialektologiya* [Russian dialectology]. L.L. Kasatkin (ed.). Moscow, 2012.]

ДАРЯ, 1989 – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. II. Морфология. М., 1989. [Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka: Centr Evropejskoj chasti SSSR [Dialectal atlas of Russian language: Center of European part of SSSR]. R.I. Avanesov, S.V. Bromley (eds.). Issue II. Morphology. Moscow, 1989.]

Дьяченко и др., 2018 – Экспедиция в Опочечкий район Псковской области / С.В. Дьяченко, Е.Г. Жидкова, А.В. Малышева и др. // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36 (2). С. 257–312. [Dyachenko S.V., Zhidkova E.G., Malysheva A.V. et al. Expedition to the Opochetsky District of the Pskov Region. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2018. No. 2 (36). Pp. 257–312. (In Rus.)]

Заливина, 2023 – Заливина Е.А. Вариативность окончаний глаголов в форме 3-го лица настоящего времени в говоре вокруг города Опочки (Псковская область, Опочечкий район) // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 180–201. DOI: 10.31912/rjano-2023.1.10 [Zalivina E.A. Third person verbal affixes in Opochka dialects. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2023. No. 2 (39). Pp. 180–201. (In Rus.). DOI: 10.31912/rjano-2023.1.10]

Захарова, Орлова, 1970 (2004) – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка: учебное пособие для педагогических вузов. 2-е изд., стер. М., 2004. [Zacharova K.F., Orlova V.G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of Russian language]. Moscow, 2004.]

Ронько, 2020 – Ронько Р.В. Материалы экспедиции 2019 года в Опочечкий район Псковской области: тексты с комментарием // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36 (2). С. 234–258. DOI: 10.31912/rjano-2020.1.11 [Ron'ko R.V. Expedition to Opochka district of the Pskov region in 2019: Texts and a brief commentary. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2020. No. 2 (39). Pp. 257–312. (In Rus.). DOI: 10.31912/rjano-2020.1.11]

Ронько и др., 2023 – Ронько Р.В., Азанова А.С., Анисимов А.Д. и др. Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаныко-

во Западновинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 216–262. DOI: 10.31912/rjano-2023.1.11 [Ron'ko R.V., Azanova A.S., Anisimov A.D. et al. The dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Terechovo and Stepan'kovo of the Zapadnovinskiy district, Tver region. A grammar sketch and field notes. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2023. No. 2 (39). Pp. 257–312. (In Rus.). DOI: 10.31912/rjano-2023.1.11]

Ронько и др., 2024 – Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного Псковского говора / Р.В. Ронько, А.Д. Анисимов, Е.А. Заливина, С.А. Землянская // Вопросы языкознания. 2024. № 4. С. 27–44. [Ron'ko R.V., Anisimov A.D., Zalivina E.A., Zemlyanskaya S.A. Lexical change in Russian dialects: The case of one Pskov dialect. *Voprosy jazykoznanija*. 2024. No. 4. Pp. 27–44. (In Rus.)]

Ронько, 2026 – Ронько Р.В. Экспедиции диалектологического кружка НИУ ВШЭ в деревни Западновинского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 9–20. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20 [Ron'ko R. Expeditions of the dialectological study group of the HSE University to the villages of the Zapadnovinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 9–20. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20]

Русакова, 2013 – Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013. [Rusakova M.V. *Elementy antropocentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of anthropological grammar of Russian language]. Moscow, 2011.]

Bybee, 2006 – Bybee J.L. From usage to grammar: The mind's response to repetition. *Language*. 2006. No. 82. Pp. 711–733. DOI: 10.1353/lan.2006.0186

Daniel et al., 2019 – Daniel M., von Waldenfels R., Ter-Avanesova A. et al. Dialect loss in the Russian North: Modeling change across variables. *Language Variation and Change*. 2019. No. 31 (3). Pp. 353–376.

Jäger, Rosenbach, 2008 – Jäger G., Rosenbach A. Priming and unidirectional language change. *Theoretical Linguistics*. 2008. No. 34 (2). Pp. 85–113.

Labov, 1963 – Labov W. The social motivation of a sound change. *Word*. 1963. No. 19 (3). Pp. 273–309.

Labov, 1965 – Labov W. On the mechanism of linguistic change. *Georgetown monographs on language and linguistics*. No. 18. Pp. 91–114.

Labov, 2011 – Labov W. Principles of linguistic change. Vol. 3: Cognitive and cultural factors. John Wiley & Sons, 2011.

Poplack, 2015 – Poplack S. Code switching (linguistic). *International encyclopedia of the social & behavioral sciences*. J.D. Wright (ed.). Oxford, 2015. Pp. 918–925.

Ramat, 1995 – Ramat A.G. Code-switching in the context of dialect/standard language relations. *One Speaker, two Languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. L. Milroy, P. Muysken (eds.). Cambridge University Press, 1995. Pp. 45–67.

Ron'ko, 2025 – Ron'ko R.V. Evaluating dialect loss through priming of code-switching. The case of Pskov dialects of Russian. *Ricerche slavistiche. Nuova serie*. 2025. No. 8 (68) [Special issue: Slavic Minority and Regional Languages. M. Biasio, L.F. Mazzitelli (eds.)]. Pp. 183–205.

Trudgill, 1986 – Trudgill P. *Dialects in contact*. London, 1986.

Vandekerckhove, 1998 – Vandekerckhove R. Code-switching between dialect and standard language as a gradator of dialect loss and dialect vitality. A case study. *West Flanders. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 1998. No. 65 (3). Pp. 280–292.

Von Waldenfels, Daniel, Dobrushina, 2014 – von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustya River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”*. Vol. 13 (20). Moscow, 2014. Pp. 720–729.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Ронько Роман Витальевич – кандидат филологических наук; доцент Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; научный сотрудник отдела диалектологии и лингвистической географии, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Roman V. Ron'ko – PhD in Linguistics; associate professor at the School of Linguistics, HSE University, Moscow; research fellow at the Department of Dialectology and Linguogeography, Vinogradov Russian Language institute of RAS, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8181-1643>

E-mail: romanronko@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-162-187

УДК 81-114.4

С.А. Пономарева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Сингулятивы в говорах Западнодвинского района Тверской области

Настоящее исследование посвящено образованию сингулятивов с помощью суффиксов *-ин(а)* и *-ин-к(а)* в говорах деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области (псковская группа). Модели образования сингулятивов в диалектах более разнообразны, чем в литературном языке. В работе проводится корпусный анализ продуктивности формантов *-ин(а)* и *-ин-к(а)*. Описаны общие правила образования сингулятивов в исследуемых говорах, особенности формантов и их семантика. В заключении представлены выводы о продуктивности моделей и особенностях их использования в изучаемом диалекте.

Ключевые слова: сингулятив, диалекты русского языка, словообразование

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пономарева С.А. Сингулятивы в говорах Западнодвинского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 162–187. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-162-187

S. Ponomareva

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

Singulatives in the dialects of the Zapadnodvinsky district of the Tver region

This paper discusses the singulatives formed with suffixes *-in(a)*, *-in-k(a)* and others in the dialects of the villages of Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Stepankovo and Pyatiusovo of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. The methods of word formation are similar to standard Russian, but singulatives seem to be more diverse than in other dialects. The paper provides a statistical and qualitative analysis of the productivity of the suffixes *-in(a)* and *-in-k(a)*, investigates their semantics and distribution.

Key words: singulative, Russian dialects, word formation

FOR CITATION: Ponomareva S. Singulatives in the dialects of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 162–187. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-162-187

1. Введение

Настоящая работа посвящена сингулятивам: существительным, основное значение которых – единичный представитель или небольшая часть множества.

Цель работы – описать модель образования сингулятивов в говоре деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области и оценить ее продуктивность. По диалектной классификации русских говоров К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, говоры деревень Пятиусово, Шетнево и Макеево относятся к псковской группе говоров и находятся на ее юго-восточной границе в непосредственной близости от западных (смоленских) говоров [Захарова, Орлова, 1970].

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) сингулятивы обычно образуются с помощью суффикса *-ин(а)* (*горох* > *горошина*), диминутивного суффикса *-к(а)* (*мармелад* > *мармеладка*) или их сочетания *-ин-к(а)* (*горошина* > *горошинка*) [Kagan, Nurmio, 2024]. В отдельных случаях в образовании сингулятивов участвуют суффиксы *-иц(а)*, *-ок*, *-як(а)*, но эти модели считаются малопродуктивными [Русская грамматика, 1980, с. 204–205].

Среди говоров модель словообразования сингулятивов на *-ин(а)* и *-ин-к(а)* считается продуктивной и регулярной на территории северной и западной диалектных зон¹. Разнообразие дериватов в говорах описывается в работах Ю.С. Азарх [Азарх, 1973, 2000] и Л.Г. Яцкевич [Яцкевич, 2018] по диалектному словообразованию. В их трудах также обозначены некоторые интересные отличия сингулятивов от СРЛЯ: образование вторичных сингулятивов (*дрова* > *дровина* > *дровинина*), активные деривации от вещественных существительных (*мука* > *мучина* ‘щепотка муки’) и общее многообразие дериватов. Для этих же территорий характерны дублеты, образованные от конкретно-предметных существительных: *мальчишка любил лизать железо* (предмет из железа) и *буде только лизать йету железину* [Азарх, 2000, с. 135–136].

Исследователи подходят к изучению диалектного словообразования с разных сторон. Ю.С. Азарх в первую очередь опирается на лингво-географический и исторический контекст. Производные слова, модели, средства и способы словообразования представляются как объекты картографии. Пространственная проекция позволяет выявить различия и сходства в словообразовательной системе разных диалектных групп, а также представить историю формирования языковых явлений [Азарх, 2000, с. 9–10]. Л.Г. Яцкевич считает, что содержание слова неотделимо от конкретной ситуации общения, поэтому отказывается от деривационного подхода в ряде случаев. Так как направление развития значения слова далеко не всегда очевидно, важно анализировать контекст высказывания [Яцкевич, 2018, с. 7–10].

В нашем исследовании образование сингулятивов рассматривается на синхронном уровне, а территория ограничена рассматриваемым кустом деревень. Большая часть этой работы посвящена анализу примеров, что похоже на подход Л.Г. Яцкевич. Тем не менее, работы Ю.С. Азарх также оказали влияние на ход исследования и помогли вписать наши сведения в картину диалектного словообразования.

¹ Все единицы диалектного членения выделяются согласно работе [Захарова, Орлова, 1970].

Статья состоит из нескольких разделов. Во втором разделе описаны общие правила образования сингулятивов по модели *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, некоторые особенности формантов и общие свойства сингулятивов в СРЛЯ и диалектах. В третьем разделе подробно описаны используемые методы и источники, а также способ разметки материала. Четвертый раздел состоит из трех частей, в каждой из которых рассматриваются семантические особенности каждой релевантной, на наш взгляд, модели, а также проводится сопоставление имеющихся данных с материалом, описанным в литературе. В пятом разделе обсуждается продуктивность моделей образования слов с суффиксами *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, а в заключении приведены краткие выводы.

2. Определение сингулятива

Как и в СРЛЯ, самой продуктивной стратегией образования сингулятивов в диалектах является суффиксальный способ с помощью форманта *-ин(а)* и его сочетания с диминутивом. В ряде исследований (например, [Kagan, Nurmio, 2024]) предлагается выделять три различных форманта: *-ин(а)*, *-ин-к(а)* и *-инк(а)*. Мы же остановимся на двух формантах, *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, т.к. считаем, что размер диалектных корпусов и экспедиционные материалы недостаточны для разграничения *-ин-к(а)* и *-инк(а)*.

Кроме сингулятивов, с помощью суффикса *-ин(а)* образуются аугментативы (*дом* > *доми́на*), отаждективные существительные (*высокий* > *вы́шина*), партитивы (*штаны* > *штани́на*), собирательные существительные (*скот* > *скоти́на*), наименования пространств (*болото* > *болоти́на*) и слова некоторых других лексико-семантических групп. Это разнообразие деривационных возможностей, несомненно, интересно, но в рамках данной работы не рассматривается.

Фонетически и просодически эта словообразовательная модель также не отличается от СРЛЯ. Конечный согласный основы перед этим формантом смягчается, заднеязычные чередуются с шипящими: *орех* > *орешина* [Русская грамматика, 1980, с. 204–205].

Ударение в сингулятивах связано с акцентной парадигмой производящей основы, в частности – схемой ударения А: ударение закреплено на определенном слоге основы, не являющимся окончанием, и ударение не сдвигается при склонении [Зализняк, 2002, с. 380–381]. Если производящая основа принадлежит акцентной парадигме А, то ударение в сингулятиве сохраняется на том же слоге: *ягода* > *ягоди́на*, *картон* > *карто́нина*, *помидор* > *помидо́ринка*, и др. Если производящая основа принадлежит к другой парадигме, то не следует точным

правилам и может падать на суффикс (*кирпич* > *кирпичина*, *гриб* > *грибина*, и т.д.) или на предшествующий суффиксу слог (*колбаса* > *колбасина*, *струна* > *струнка*). Это же правило работает в СРЛЯ [Русская грамматика, 1980, с. 204–205] и соблюдается в исследуемом материале.

Однородные по своей семантике слова образуют лексико-семантическую группу. Некоторые лексико-семантические группы состоят из производных слов. В первую очередь в зависимости от их семантической связи с производящей основой в отечественном словообразовании выделяется три типа: мутационный, модификационный и транспозиционный. Сингулятивы не являются однородной группой, объединенной лексическим значением, но отличаются от производящей основы по одним и тем же семантическим признакам. То есть сингулятивы находятся в отношении семантического включения по отношению к своим производящим: множество их денотатов является подмножеством денотатов производящего. Таким образом, сингулятивы относятся к модификационному словообразовательному типу [Земская, 1992; Азарх, 2000].

Мы будем считать сингулятивами все слова, которые образованы по описанной выше модели и удовлетворяют следующим семантическим признакам:

- 1) предмет или часть вещества, выделенные из числа подобных предметов или вещества;
- 2) нерасчлененность, т.е. самая малая возможная часть множества, которая не может члениться дальше, сохраняя при этом соотношенность со множеством;
- 3) определенность.

Эти признаки описаны в работах [Русская грамматика, 1980, с. 204–205; Азарх, 2000, с. 134; Nurmio, 2023, с. 6–7]. Всеми этими признаками обладает слово *лушина* в примере (1):

- (1) *Лук висел. Я лушину² поглотил и лёг спать.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, АВВ1948)

Лук обозначает некоторое множество однородных объектов (луковиц), из которого информантом извлекается одна конкретная единица – *лушина*, самая малая часть описываемого множества. Подобные

² Произношение [ш] вместо [ч] в этом примере является индивидуальной особенностью информанта, вызванной проблемами с артикуляцией. Эта особенность проявляется и в других словах, которые употребляет этот информант: *пешка* вместо *печка*, *решка* вместо *речка* и т.д. Однако мы находим этот пример удачным для иллюстрации соображений, высказанных выше.

вхождения можно назвать прототипическими сингулятивами, поскольку они удовлетворяют всем вышеобозначенным признакам. Тем не менее, в третьей части работы можно увидеть, что не всегда сингулятивы обладают полным набором этих свойств.

3. Данные и методы

Основной материал взят из двух корпусов международной лаборатории языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: корпус говора деревни Пятиусово³ и корпус говора деревень Шетнево и Макеево⁴. Примеры были отобраны вручную посредством вычитки представленных текстов и их последующего прослушивания. Часть материала была получена во время экспедиции в деревню Пятиусово в мае 2025 г. и на момент написания статьи не опубликована.

В первую очередь были выбраны вхождения сингулятивов, образованных с помощью *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, но в работу также включены несколько примеров на *-иц(а)*. Всего наша работа включает анализ почти 50 контекстов.

Отобранные данные были размечены в двух таблицах. Первая представляла собой разметку слова в контексте и содержала следующие параметры:

- 1) источник (один из двух корпусов или экспедиция);
- 2) информант;
- 3) контекст, достаточный для понимания значения сингулятива и очерчиваемого им множества;
- 4) словоформа;
- 5) начальная форма;
- 6) суффикс (*-ин(а)*, *-ин-к(а)* или другой);
- 7) ударение;
- 8) акцентная парадигма производящей основы;
- 9) упрощенное описание значения сингулятива в данном контексте.

Пример заполнения показан в таблице 1.

³ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (дата обращения: 21.03.2025).

Таблица 1

Пример разметки
[Example of marking]

Источник [Source]	Информант [informant]	Контекст [Example]	Форма [Wordform]
Корпус деревень Шетнево и Макеево [Corpus of Shetnevo and Makeevo]	ГИП1953	И чеснок, и лук посажено, и три помидорины	помидорины

В таблице 2 доступные лексемы были проанализированы изолированно от контекста. Одна строка соответствовала одной производящей основе:

- 1) sgt in – дериват на -ин(а) или прочерк при отсутствии в представленном материале;
- 2) sgt ink – дериват на -ин-к(а) или прочерк при отсутствии в представленном материале;
- 3) sgt dim – дериват с диминутивным суффиксом или прочерк при отсутствии в представленном материале;
- 4) base – производящая основа;
- 5) char.base – вещественные существительные (mass noun), собирательные (natural unit) или исчисляемые (count noun); это классификация производящей основы, которая также использовалась в [Nurmio, 2023];
- 6) sem – семантическое поле, к которому относится денотат: продукт, растение, материал или другое; овощам и другим плодам растительного происхождения был присвоен ярлык ‘растение’, метонимические отношения ‘плод’ – ‘растение’ будут подробнее рассмотрены в следующей части.

Пример заполнения показан в таблице 2.

Таблица 2

Пример разметки деривата изолированно от контекста
[Example of marking a derivative in isolation from context]

sgt in	sgt ink	sgt dim	base	char.base	sem
помидорина	помидоринка	–	помидор [tomato]	natural unit	Продукт [Food product]

деривата в контексте
a derivative in context]

Начальная форма [Lemma]	Суффикс [Suffix]	Ударение [Stress]	Акцентная парадигма [Stress paradigm]	Описание [Description]
помидорина	-ин(а)	помидо́рина	a	Малое количество (3) растений [A small number of plants]

Для исследования лингвогеографии было необходимо сравнить данные исследуемых говоров с данными других корпусов (подробнее см. раздел 5). Эти примеры были отобраны менее скрупулезно, не были детально проанализированы в этой работе и не включены в таблицы разметки. Поиск сингулятивов в других корпусах осуществлялся посредством CQL запросов [lemma='.*ина'%с & tag='NOUN.*'%с] и [lemma='.*инка'%с & tag='NOUN.*'%с], примеры прослушивались, но вычитка текстов не производилась. Хотя лемматизация диалектных словоформ нередко вызывает сложности при автоматической обработке, с нашим материалом программа справляется неплохо.

4. Семантика суффиксов

Сингулятивы в говорах имеют свои семантические разновидности и отличия от СРЛЯ. В диалектной устной речи широко распространена вторичная деривация сингулятивов с помощью сингулятивных суффиксов -ин-, -ин-к(а), -иц(а) и некоторых других. Вторичные сингулятивы (например, *дровинина* и *облачинина*) особенно характерны для новгородских и псковских говоров [Азарх, 2000, с. 135]. В говорах северной и западной диалектных зон отмечаются названия частичек вещества, небольшого количества продуктов, название одной части пищевых запасов, одной таблетки лекарства, кусочка материи и т.п. [Там же]. Нередко образуются сингулятивы от названий растений, которые могут обозначать как вид растения или совокупность растений этого вида, так и отдельный экземпляр этого растения [Яцкевич, 2018, с. 116–118].

В каждом пункте подраздела приводится подробный анализ релевантных примеров на три суффикса: -ин-, -ин-к(а), -иц(а).

4.1. Семантика суффикса *-ин(а)*

Модель на *-ин(а)* является основным способом образования сингулятивов и насчитывает больше всего вхождений в корпусах.

Семантическая группа ‘растение’ представлена следующими сингулятивами: *гриб* > *гриби́на*, *брусница* > *брусни́чина*, *картошка* > *карто́шина*, *картофель* > *карто́фелина*, *лук* > *лу́шина*, *орех* > *оре́шина*, *перец* > *пе́рчина*, *свёкла* > *свёклина* (примеры (1)–(14)).

- (2) *И чеснок, и лук посажено, и три **помидори́ны**.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

В примере (2) информантка рассказывает про кусты помидоров, растущих в ее огороде. Производящая основа *помидор* может указывать как на само растение, так и на плоды. Такими же свойствами обладает и производный сингулятив.

- (3) *Там ничего сложного нету, семена я свои вот эти, допустим, помидоры ем, а хорошую **помидори́ну** берешь семена, на бумажку кладешь и высохло.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЛНГ1954)

В примере (3) информант противопоставляет редкий, хороший плод, из которого он достает семена, остальным.

Производящие основы *картофель* (прост. *картошка*) и *орех* могут реферировать к растению целиком и к его плодам, как и *помидор*. Тем не менее, *карто́шина* отсылает только к клубням и не зафиксировано употреблений в значении ‘ботва’ (см. примеры (4)–(7)).

- (4) *Без соли никуда! Попробуйте без соли скушать **карто́шину!*** (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

- (5) *Мы возьмём с Галькой откроем мешок, всё равно сколько-то хочется **карто́шин**, возьмём сварим и выловим съедим.* (Корпус деревни Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

- (6) *Бывало смотришь – кучки лежат, отобрано себе – какая надо, какая понравилась. Какая тебе **карто́шина**... Зачем, не трогайте, все в это, в мешки.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

- (7) Мясо покипит-поварится, туда кладу **карто́шину**, кладу **карто́шину** одну, капусту. Это все варится, карто́шину потом вытягиваю, растолку ее и опять туда ложу.
(полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

С другой стороны, картофелина употребляется в значении ‘растение картофеля вместе с клубнями под землей’:

- (8) И мне-то и надо всего пять **карто́фелин**. Больше не потребуется. (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)

В примере 8 информант говорит о том, что ей достаточно небольшого количества растений для пропитания. Урожай в пять клубней не может долго кормить и потому не может интерпретироваться как нечто достаточное. Поэтому самой логичной кажется интерпретация именно с растением целиком. В отличие от карто́шины, вхождение карто́фелина всего одно и проанализировать другие употребления пока не представляется возможным.

Другой сингулятив, **оре́шина**, служит для обозначения куста ореха, а для плодов используется дериват, образованный посредством диминутивного суффикса -ек, – **орешек**. В примере (9) хорошо видно, как разные модели образования сингулятивов используются для указания на разные компоненты значения производящей основы:

- (9) Бывало сознаем эту **оре́шину**, и **орешки** обрываем.
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Остальные примеры этой группы более однозначно реферируют к одному компоненту растения, т.к. производящее слово не обладает семантической вариативностью:

- (10) Компот, например, **бруснічину** больше любишь. (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АВВ1949)
- (11) А теперь вон вывалили весь (всей) бор, бывало, вон там самые грибы за Щелкино, там теперь всё. Вывалены этот бор, там уже **грибы́ны** не найти. (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)
- (12) Остальное кладу ее в банку, поллитровую, какая есть, поллитровая, кладу на них перцу, две штучки **пе́рчины** поллитровую, лавровый лист туда. (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

- (13) *Тогда натру я **свёклину** на терке, пожарю ее, туда луку.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)
- (14) *Сейчас первые **ягодины** поспеют, он (сахар) подскочит к осени (в цене).* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ПВВ1942)

Другая семантическая группа, которая часто служит источником сингулятивов, – это продукты питания и лекарства [Азарх, 2000, с. 135]. На нашем материале такие дериваты также были обнаружены: *анаприлин* > *анаприли́нина*, *колбаса* > *колба́сина*, *конфета* > *конфе́тина*, *котлета* > *котле́тина*, *печенье* > *пече́нина*, *рыба* > *ры́бина*, *шпроты* > *шпрóтина*. (примеры (15)–(24)).

- (15) *Сразу таблетку, **анаприли́нину**, и пройдет всё.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)
- (16) *У меня тут от давления **анаприли́нина**, анаприлин есть.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)
- (17) *Ну когда чистишь эту **колба́сину** примерно, ну её вот снимаешь эту плёнку, ну потребление идет уже чистое.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АВВ1948)
- (18) *В первом классе были подарки подушечки, голые подушечки назывались. <...>. Там, может, в кулек 6–7 **конфе́тин** завёрнуто.* (полевые материалы 2025 г., д. Пятиусово, ЗЕС1942)
- (19) *А иной раз так хочу с чаем попить. Ну возьму одну **конфе́тину**, всё равно возьму.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)
- (20) *Кости эти варю, разрублю и кидаю, а с мякоти можете хоть **котле́тин** испечь, хоть там что вы делаете.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Примеры (10), (14), (17) и (20) примечательны тем, что дериваты на *-ин(а)* в них никоим образом не отличаются от значения производящих основ. Насколько мы можем судить, данные пары (*ягодины* – *ягоды*, *брусни́чина* – *брусника*, *колба́сина* – *колбаса*, *котле́тины* – *котлеты*) не обладают ни одним из признаков сингулятивов, перечисленных

в первой части. Не соответствуют представленные лексемы и определению сингулятивов как объекта или небольшой части множества, ведь они описывают неограниченное и, судя по контексту примеров (10) и (14), немаленькое множество. Это так называемые дублиеты сингулятивов, которые используются для усиления выделенности или экспрессии [Азарх, 2000, с. 135–136].

Их возникновение может быть связано с модификационным типом данной модели: более тесная связь с производящей основой облегчает семантический переход.

- (21) *Чай сладкий же нельзя. С чем его? Всё равно **печёнину** овсяную спиваю с кружкой чая, овсяное только печенье.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)
- (22) *Одна **шпрóтина** я скажу, ну а так – одна банка шпрот.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, НПР1963)
- (23) *Один раз взяла две штуки, две **рыбины**, и на сковороде, что поела остальное засохло.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)
- (24) *Вспомнила, как раньше делали. Так я эту рыбу... следующим разом взяла две **рыбины**, чуть-чуть пожарила ее, ну немножко, один раз обернула и все.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

Примеры (1)–(24) называют представителей множества, состоящего из однородных компонентов. Семантическая группа ‘материал’ не всегда описывает членимое множество. В примере (25) информант описывает, как люди передавали кирпичи по цепочке для постройки храма, что повторяет уже знакомые случаи.

- (25) *Стоят вот (люди): **кирпичину** я следующему передаю.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ЛНГ1954)

В примерах (26)–(29) ситуация отличается. Сингулятивы образованы не от названия членимого множества и соотносятся с произвольным количеством этого материала.

- (26) *Сделали, и печка была вон там обогнувши внутри **желёзина**, где там перекрыта было и она обвалилась, согнуло её от жары.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

- (27) *Я говорю, я хотя с этим глазом плохо вижу, но всё-таки я дома хожу и я что-то себе приготовлю, что-то где-то подотру, хоть где какая **шумі́на** останется, но а что будешь делать.*
(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В примере 27 информант используется сингулятив шумі́на (диал. ‘частица пыли’) для описания малого количества грязи, чтобы подчеркнуть свою чистоплотность.

- (28) *Там это окно, где большое, там уже разбито всё было, этой **карто́ниной** забито это окно.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

- (29) *Смороды нонче не=, как-то красненькой немножко, вот накрыла этой **тю́линой** эту, клюют пташки.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

В примерах же (28)–(29) сингулятив, скорее всего, не представляет собой небольшое количество, ведь объекты считаются достаточного размера, чтобы закрыть собой окно и кусты смороды (диал. ‘смородина’), которые не так уж и малы по сравнению с человеком. В этих контекстах из семантических черт сингулятива на первый план выходят определенность и выделенность, а не единичность.

Не всегда представляется возможным выявить различия между дериватом и производящей основой. Например, дериваты в примерах (29)–(32) не выделяют составные единицы множества и почти не отличаются семантически от производящей основы. Если заменить их, то значение предложений не потеряет однозначность и не приобретает новых смыслов. Тем не менее, благодаря контексту сингулятивы все еще достаточно определены для говорящего, а потому уникальны и выделены.

- (29) *Резали мужики. Теперь колют, кто держут, режут, газовую лампу. А раньше на костре. Была **жерд́ина**, ноги связывают, три с одного боку, три – с другого.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)
- (30) *Я сама паслась в поле. Корова обходит – его чувствует. И я раз пошла, посмотрела, а там такая **кожурі́на** как бы с мой стол.*
(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (31) *Зимой факел. Делали. Факел из такая... Негожая одежда. Её так... В комок делали, связывали. Потом на **прово́лочину**, или на палку.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(32) Ну съ... этого слегу **проволóбчиной** протыкали и подвешивали.
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

(33) А если кто к ней подходит, то (индюк) летит сразу: это **соплíна** такая, здесь борода такая красная. (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АBB1949)

Пример (33) уникален тем, что демонстрирует метафорический сдвиг значения: мясистый отросток у клюва индюка сравнивается с соплями. Форма сингулятива подчеркивает единичность данного объекта, а также его сильноную выделенность у птицы.

Таким образом, семантика сингулятивов, образованных с помощью форманта *-ин(а)*, варьируется от обозначения конкретной части множества до выражения небольшой порции или небольшой доли. В говорах отмечаются названия частичек веществ, растений, продуктов, материалов и лекарств. Кроме того, зафиксированы сингулятивные дублеты, не выполняющие функцию уменьшения или выделения части, а служащие для усиления выразительности. Возможно, сингулятивы достаточно склонны к дублированию.

4.2. Семантика суффикса *-ин-к(а)*

Авторы исследования [Kagan, Nurmio, 2024] приходят к выводу, что значение сингулятивов на *-ин-к(а)* композиционно: часть множества маленького размера.

Ю.С. Азарх делит сингулятивы на *-ин-к(а)* на следующие группы:

- 1) диминутивы от сингулятивов на *-ин(а)*;
- 2) экспрессивные образования от сингулятивов;
- 3) частицы или небольшое количество вещества, названного производящей основой;
- 4) названия одной из однородных частей предмета, названных производящей основой;
- 5) вторичные сингулятивы от *-ин(а)*, утратившие значение единичности [Азарх, 1973, с. 87–88].

Описание Ю.С. Азарх более подробно и лучше соотносится с нашими данными, ведь сингулятивы на *-ин-к(а)* действительно не всегда реферируют к предметам малого размера. Описание [Kagan, Nurmio, 2024] подходит для примеров типа (34)–(38):

(34) Ай, боже мой, а там поестъ такого ничего было, совсем по чуть-чуть. Ой, тут сколько-то **сырíнок**, сколько-то **колбасíнок**, пока рот раскрывала – нету колбасы, пока туда, ой. (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Информантку пригласили на банкет и ее удивила подача знакомых продуктов: сыр и колбаса были мелко нарезаны и нанизаны на шпажки. *Сыри́нок и колбаси́нок* было не мало, но каждая представляла собой частичку продукта, а диминутивный суффикс подчеркивает небольшой размер кусочков.

Продукты питания и овощи из примеров (35)–(38) тоже небольшого размера в малом количестве.

- (35) *Вы печенье, **конфэтинки** по од= возьмите себе, угоститесь. Я вам **помидóринок** принесу.* (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)
- (36) *Могу угостить вас, по **помидóринке** дать вам.* (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)
- (37) *Но всё равно, хоть по две **картóшинки**, но всё равно мы унесём оттуда...* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (38) *Возьмёшь одну-две **конфэтинки** и к чаю.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АВВ1948)

В примерах (39)–(40) говорящие описывают входную дверь, состоящую из одной створки, которая никак не может быть маленькой. Эти употребления подходят для четвертой группы по [Азарх, 1973, с. 87–88] – названия одной из однородных частей предмета, названных производящей основой.

- (39) *Я открываю все время **двери́нку**, я люблю тепло.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АВВ1948)
- (40) *На улице **двери́нка**, и ты идёшь у той две=, не тут грязь носишь, по всей, а прямо вот туда, с этого, с улицы.* (Корпус деревни Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

В примере (41) диминутив, строго говоря, необязателен: струны – это достаточно тонкий материал, чтобы подчеркнуть худобу ног. И тем не менее здесь снова представлена пара суффиксов *-ин-к(а)* для усиления выразительности сравнения

- (41) *У неё сейчас ножки со **стру́нинки**.* (Корпус деревень Шетнево и Макеева, АПБ1940)

В части примеров сингулятивы на *-ин-к(а)* обладают композиционным значением ‘часть множества маленького размера’, однако

сингулятивы по этой модели часто выполняют экспрессивную или выделительную функцию, что не сводится к семантике каждой части.

4.3. Семантика суффикса *-иц(а)*

Наиболее существенные отличия от представленной в литературе информации свойственны вещественным существительным из семантических групп ‘пищевой продукт’ и ‘жидкость’: *мучина*, *водина*, и другие [Азарх, 2000, с. 135].

На нашем материале подобные дериваты не зафиксированы. Если говорящий хочет все-таки образовать сингулятив со значением ‘малая часть рассыпчатого пищевого продукта или жидкости’, то он использует диминутивный суффикс *-иц(а)*: *мука* > *мучи́ца*, *соль* > *со́льца*, *вода* > *води́ца* (примеры (42)–(45)):

(42) *Здесь я мучи́цы добавила, чтобы они порыхлее были.*

(Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(43) *Что найдешь на плиты – завтракай, и я ещё было*

еще со́льца туда. (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ПВВ1935)

(44) *Может, попить, детка? Попей води́цы.* (Корпус деревни

Пятиусово, ЗЕС1942)

(45) Интервьюеры: *Да. Воздухом подавилась, и горло...*

ЗЕС1942: *А, воздухом. Так бывает, да. Попей води́цы.*

(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Тот факт, что диминутивный суффикс используется для передачи типично сингулятивного значения, не кажется чем-то удивительным. Например, *-к(а)* тоже достаточно активно участвует в словообразовании (ср. *мармелад* > *мармеладка*). Формант *-иц(а)* также может образовывать сингулятивы в СРЛЯ, но эта модель считается непродуктивной [Русская грамматика, 1980, с. 204–205].

Нам кажется важным отметить, что дистрибуция *-иц(а)* в наших данных шире, чем в СРЛЯ. Отмечается конкуренция моделей названий ягод на *-ик(а)* (*брусника*, *голубика*, *земляника*, *черника*) и на *-иц(а)* (*брусница*, *голубица*, *земляница*, *черница*) [ДАРЯ, карта 86], которая сохраняется и на момент публикации настоящей работы.

Вторичных сингулятивов по модели *-ин(а)* или *-ин-к(а)* на нашем материале также не обнаружено, что отличает наши данные от ситуации, описанной в литературе [Азарх, 1973, 2000].

Нечто похожее на вторичные сингулятивы содержится только в дериватах с несколькими диминутивными суффиксами, одним из которых является *-иц(а)*: *вода* > *води́ца* > *води́чка* и *мука* > *мучи́ца* > *мучи́чка* (см. пример (46)).

(46) *Сейчас пекут драники, натрут картошку, немножко води́чку солят, туда яйца, мучи́чки, и ложкой туда.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Таким образом, у нас есть основания полагать, что на исследуемой территории *-иц(а)* так же участвует в образовании сингулятивов, как и форманты *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, но более ограничен семантически.

5. Продуктивность словообразовательной модели

В [Haspelmath, 2002, p. 129] приведено несколько способов количественной оценки продуктивности словообразовательной модели: подсчет представленных в языке дериватов, оценка количества теоретически возможных дериватов, подсчет неологизмов, отношение числа уникальных вхождений (*hapaх legomena*) ко всем дериватам и другие. Из-за малого объема корпусов, которыми мы ограничиваемся в этом разделе, мы испытываем методологические ограничения.

Хотя сравнивать материал исследуемых корпусов проблематично, но сделать общие выводы о продуктивности словообразовательной модели в границах рассматриваемого материала мы можем. Первое важное свидетельство в пользу высокой продуктивности – разнообразие форм. Это может быть косвенным свидетельством того, что окказионализмы легко рождаются в речи. Также зафиксированы образования от неологизмов – названий лекарств: *анаприлин* > *анаприли́нина* (примеры (15), (16)). Можно заключить, что модель действительно продуктивна в исследуемых диалектах.

Мы не ставим себе целью сравнить продуктивность модели относительно СРЛЯ, т.к. диалектологические корпуса намного меньшего объема и потому плохо сопоставимы. Можем лишь аккуратно заметить, что лексемы *грибина*, *тюлина* и *колбасинка* не обнаружены в основном корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁵, хотя эти лексемы (как и их производящие) не являются специфически диалектными или устаревшими. У другой части лексем в основном корпусе НКРЯ достаточно скромное количество вхождений: *сыринка* – 3, *конфетинка* – 3, *помидоринка* – 3, *печенина* – 2, *проволочина* – 2, *картонина* – 1.

⁵ Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) (дата обращения: 20.09.2025).

Провести количественное сравнение между диалектными корпусами представляется возможным и логичным. Это поможет понять, действительно ли для северной и западной диалектных зон свойственна большая продуктивность модели образования сингулятивов, чем для других.

Нами был выбран следующий способ оценить продуктивность: подсчитать отношение количества лемм сингулятивов, которые образованы по модели *-ин(а)* или *-ин-к(а)*, к общему числу лемм в корпусе. Все измерения представлены в таблице 3. Количество лемм было подсчитано отдельно и представляет собой примерное число, т.к. доступные лемматизаторы неидеально справляются с расшифровкой диалектного материала.

Наиболее выделяются три корпуса – деревни Пятиусово, Хиславичского района и деревень Шетнево и Макеево. Отношение количества сингулятивов к общему количеству лемм 0,002 на основной исследуемой территории, что является самым большим числом на нашей выборке. Корпус говоров Хиславичского района обладает меньшей долей сингулятивов (0,0006), но по количеству чистых вхождений занимает второе место. Нами зафиксировано 10 сингулятивов, в то время как в других корпусах количество сингулятивов не превышает пяти.

По диалектной классификации русских говоров К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, говоры деревень Пятиусово, Шетнево и Макеево относятся к псковской группе говоров и находятся на ее юго-восточной границе в непосредственной близости от западных (смоленских) говоров, к которым относятся говоры Хиславичского района [Захарова, Орлова, 1970]. Следовательно, эти говоры территориально близки и могут иметь сходные языковые признаки. Возможно также влияние белорусских говоров, близко к границе которых располагается наша исследуемая территория.

Корпуса севернорусского наречия не отличаются столь разительно. Корпус деревень Средней Пёзы, корпус деревни Кеба, корпус деревень Средней Пинеги, корпус деревни Веегора, корпус деревень Средней Северной Двины и корпус села Церковное насчитывают от 0 до 4 вхождений сингулятивов, отношение количества сингулятивов к общему количеству лемм от 0 до 0,001 (среднее – 0,00052).

Западные корпуса, которые не граничат со смоленскими говорами, также не демонстрирует разнообразия сингулятивов: корпус деревни Лужниково (0 вхождений) и корпус района озера Ильмень (3 вхождения).

Таким образом, запечатленные в таблице 3 результаты подсчетов позволяют лишь сделать аккуратное предположение, что модель образования сингулятивов на юго-восточной границе псковской группы говоров и западных (смоленских) говоров имеет более продуктивный характер по сравнению с другими диалектными группами.

Таблица 3

Данные диалектных корпусов [Dialect corpora data]

Корпус [Corpus]	Количество сингулятивов [Number of singulatives]	Объем корпуса без речи интервьюеров, токены [Tokens in the corpus]	Объем корпуса, леммы [Lemmas in the corpus]	Отношение количества сингулятивов к общему количеству лемм [The ratio of the number of singulatives to the total number of lemmas]
Корпус деревень Шетнево и Макеево [Corpus of Shetnevo and Makeevo] ¹	14	95 395	5770	0,002
Корпус говора деревни Пятиусово [Corpus of the Russian dialect spoken in Pyatiusovo] ²	9	96 537	5499	0,002
Корпус опочецких говоров [Corpus of Opochetsky dialects] ³	3	68 743	4867	0,0006
Корпус Хиславичского района Смоленской области [Corpus of the Russian dialect spoken in Khislavichi district] ⁴	10	296 389	16289	0,0006
Корпус говоров Ильменского Поозерья [Corpus of Ilmen Lake district] ⁵	3	128 004	7097	0,0004
Лужниковский корпус [Luzhnikovo Corpus] ⁶	0	85 490	–	–
Корпус говоров низовья рек Лух и Теза [Corpus of the Russian dialect spoken in the basins of Lukh and Teza rivers] ⁷	5	146 394	7235	0,0007

Корпус говора села Роговатка [Corpus of Rogovatka dialect] ⁸	5	120 218	7048	0,0007
Корпус говора села Поповка [Corpus of the Russian dialect spoken in Popovka] ⁹	2	36 617	3458	0,0006
Корпус говоров окрестностей Михайлова [Corpus of the Russian dialect spoken in the Mikhaylov area] ¹⁰	1	39 109	2975	0,0003
Корпус донских диалектов [Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Don river] ¹¹	2	91 942	6275	0,0003
Корпус говора деревни Нехочи [Corpus of the Nekhochi dialect] ¹²	1	88 965	5218	0,0002
Корпус говора села Малинино [Corpus of the Malinino dialect] ¹³	1	138 992	7731	0,0001
Корпус говора сел Свишни и Тростное [Corpus of the Russian dialect spoken in Svishni and Trostnoe] ¹⁴	0	22 894	–	–
Корпус говора села Церковное [Corpus of the Russian dialect spoken in Tserkovnoe] ¹⁵	4	39 469	3365	0,001
Корпус говоров среднего течения Северной Двины [Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Northern Dvina] ¹⁶	3	68 011	4482	0,0007

Продолжение табл. 3

Корпус [Corpus]	Количество сингулятивов [Number of singulatives]	Объем корпуса без речи интервьюеров, токены [Tokens in the corpus]	Объем корпуса, леммы [Lemmas in the corpus]	Отношение количества сингулятивов к общему количеству лемм [The ratio of the number of singulatives to the total number of lemmas]
Корпус говора деревни Веегора [Corpus of the Russian dialect spoken in the village Veegora] ¹⁷	3	91 517	5660	0,0005
Корпус говоров Средней Пинеги [Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Pinega] ¹⁸	1	43 266	3705	0,0002
Корпус говора села Кеба [Corpus of the Russian dialect spoken in Keba] ¹⁹	1	54 535	4194	0,0002
Корпус говоров Средней Пёзы [Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Pyoza] ²⁰	0	79 566	–	–

¹ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#/> (дата обращения: 21.03.2025). [Ron'ko R., Azanova A., But'enko Z. et al. Corpus of Shetnevo and Makeevo 2022, Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo> (accessed: 20.09.2025).]

² Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025). [Ronko R.V., Ageeva E.V., Antsupova A.V. et al. Corpus of the Russian dialect spoken in Pyatiusovo. 2024. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (accessed: 20.09.2025).]

- ³ Ронько Р.В., Вольф Е.А., Гребёнкина М.Ю. и др. Корпус опочечских говоров 2019, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/opochka> (дата обращения: 20.09.2025). [Ronko R., Volf E., Grebyonkina M. et al. Corpus of Opochetsky dialects 2019, Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/opochka> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁴ Рыко А.И., Спиричева М.В. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <https://lingconlab.ru/khislavichi/> (дата обращения: 20.09.2025). [Ryko A.I., Spiricheva M.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Khislavichi district. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: <https://lingconlab.ru/khislavichi/> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁵ Малышева А.В., Дьяченко С.В., Тер-Аванесова А.В. Корпус говоров Ильменского Поозерья. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/novgorod> (дата обращения: 20.09.2025). [Malysheva A.V., Dyachenko S.V., Ter-Avanesova A.V. Corpus of Ilmen Lake district. 2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/novgorod> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁶ Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В. Лужниковский корпус. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/luzhnikovo/> (дата обращения: 20.09.2025). [Malysheva A.V., Ter-Avanesova A.V. Luzhnikovo Corpus. 2021. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/luzhnikovo/> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁷ Кувшинская Ю.М. Корпус говоров низовья рек Лух и Теза. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <https://lingconlab.ru/lukhteza/> (дата обращения: 20.09.2025). [Kuvshinskaya Yu.M. Corpus of the Russian dialect spoken in the basins of Lukh and Teza rivers. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: <https://lingconlab.ru/lukhteza/> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁸ Тер-Аванесова А.В., Дьяченко С.В., Колесникова Е.В. и др. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <https://lingconlab.ru/rogovatka/> (дата обращения: 20.09.2025). [Ter-Avanesova A.V., Dyachenko S.V., Kolesnikova E.V. et al. Corpus of Rogovatka dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. URL: <https://lingconlab.ru/rogovatka/> (accessed: 20.09.2025)]
- ⁹ Князев С.В. Корпус говора села Поповка. 2024. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/popovka> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Popovka. 2024. Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/popovka> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁰ Князев С.В. Корпус говоров окрестностей Михайлова. 2024. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/mikhaylov> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the Mikhaylov area. 2024. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/mikhaylov> (accessed: 20.09.2025).]

Окончание табл. 3

- ¹¹ Флягина М.В., Калиничева Н.В., Северина Е.М. Корпус донских диалектов. 2022–2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: https://lingconlab.ru/don_rnd (дата обращения: 20.09.2025). [Flyagina M.V., Kalinicheva N.V., Severina E.M. Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Don river. 2022–2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: https://lingconlab.ru/don_rnd (accessed: 20.09.2025).]
- ¹² Тер-Аванесова А.В., Дьяченко С.В., Корпечкова Е.В. и др. Корпус говора деревни Нехочи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. URL: <https://lingconlab.ru/nekhochi/>. (дата обращения: 20.09.2025). [Ter-Avanesova A.V., Dyachenko S.V., Korpechkova E.V. et al. 2020. Corpus of the Nekhochi dialect. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory HSE University, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/nekhochi/>) (accessed: 20.09.2025).]
- ¹³ Тер-Аванесова А.В., Балабин Ф.А., Дьяченко С.В. и др. Корпус говора села Малинино. 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/malinino/> (дата обращения: 20.09.2025). [Ter-Avanesova A.V., Balabin F.A., Dyachenko S.V. et al. Corpus of the Malininino dialect. 2019. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/malinino/> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁴ Князев С.В. Корпус говора сел Свишни и Тростное. 2024. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/yelets> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Svishni and Trostnoe. 2024. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/yelets> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁵ Князев С.В. Корпус говора села Церковное. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/tserkovnoe> (дата обращения 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Tserkovnoe. 2022. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/tserkovnoe> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁶ Князев С.В. Корпус говоров среднего течения Северной Двины. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/dvina> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Northern Dvina. 2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/dvina> (accessed: 20.09.2025).]

- ¹⁷ Князев С.В. Корпус говора деревни Веегора. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/veegora> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the village Veegora. 2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/veegora> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁸ Князев С.В. Корпус говоров Средней Пинеги. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pinega> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Pinega. 2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/pinega> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁹ Князев С.В. Корпус говора села Кеба. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/keba> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Keba. 2022. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language. URL: <https://lingconlab.ru/keba> (accessed: 20.09.2025).]
- ²⁰ Князев С.В. Корпус говора Средней Пёзы. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyoza> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Pyoza. 2022. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/pyoza> (accessed: 20.09.2025).]

6. Заключение

Дистрибуция суффиксов *-ин(а)* и *-ин-к(а)* несколько уже, чем описано в литературе для говоров западной диалектной зоны. На нашем материале не зафиксировано вторичных сингулятивов. Также не зафиксированы дериваты от семантических групп 'жидкость' и 'рассыпчатый пищевой продукт', зато такие сингулятивы могут получаться с помощью диминутивного суффикса *-иц(а)*. Ограничения в словообразовательной системе данного говора нуждаются в более тщательном исследовании.

Тем не менее, разнообразие окказионализмов позволяет сделать вывод, что модель образования сингулятивов активна в повседневной речи носителей изучаемого диалекта.

Библиографический список / References

Азарх, 1973 – Азарх Ю.С. К истории сингулятивов в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования / отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1973. С. 61–90. [Azarh Ju.S. Towards the history of singulatives in Russian Language. *Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas: materialy i issledovanija*. R.I. Avanesov (ed.). Moscow: Nauka, 1975 (1973). Pp. 61–90. (In Rus.)]

Азарх, 2000 – Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000. [Azarh Ju.S. Russkoe imennoe dialektnoe slovoobrazovanie v lingvogeograficheskom aspekte [Russian nominal dialectal word-formation in the linguistic and geographical aspect]. Moscow, 2000.]

ДАРЯ – Дialeктологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. III. Ч. 2. Синтаксис и лексика. М., 2004. [Dialektologicheskij atlas russkogo jazyka: Centr Evropejskoj chasti SSSR [Dialectal atlas of Russian language: Center of European part of SSSR]. R.I. Avanesov, S.V. Bromley (eds.). Issue III. Part 2. Syntax and lexicon. Moscow, 2004.]

Зализняк, 2002 – Зализняк А.А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. [Zaliznjak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu jazyku i obshhemu jazykoznaniju [Russian nominal inflection with an appendix of selected works on modern Russian and general linguistics]. Moscow, 2002.]

Захарова, Орлова, 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. [Zacharova K.F., Orlova V.G., Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, 1970.]

Земская, 1992 – Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. [Zemskaja E.A. Slovoobrazovanie kak dejatel'nost' [Word-formation as an activity]. Moscow, 1992.]

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980. [Russkaja grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1. Moscow, 1980.]

Савчук и др., 2024 – Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С.О. Савчук, Т.А. Архангельский, А.А. Бонч-Осмоловская и др. // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34. [Savchuk S.O., Arhangelskij T.A., Bonch-Osmolovskaya A.A. et al. The National Corpus of the Russian Language 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy yazykoznanija*. 2024. No. 2. Pp. 7–34. (In Rus.)]

Яцкевич, Колесова, 2018 – Яцкевич Л.Г., Колесова И.Е. Типологические особенности русского диалектного словообразования. Вологда, 2018. [Jackevich L.G., Kolesova I.E. *Tipologicheskie osobennosti russkogo dialektного slovoobrazovaniya* [Typological features of Russian dialectal word-formation]. Vologda, 2018.]

Haspelmath, 2002 – Haspelmath M. *Understanding morphology*. Oxford University Press, 2002.

Kagan, Nurmio, 2024 – Kagan O., Nurmio S. Forth. Diminutive or singulative? The suffixes *-in* and *-k* in Russian. *Diminutives across languages, theoretical frameworks and linguistic domains*. S. Manova, B. Arsenijević, L. Grestenberger, K. Korecky-Kröll (eds.). Berlin, 2024. Pp. 65–88.

Nurmio, 2023 – Nurmio S. Towards a typology of singulatives: Definition and overview of markers. *Number categories: Dynamics, Contact, Typology*. D. Arbes (ed.). *Studia Typologica*. Vol. 32. Berlin, 2023. Pp. 155–182.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Пономарева Светлана Алексеевна – студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Svetlana A. Ponomareva – student at the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5899-3422>

E-mail: saponomareva@edu.hse.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-188-207

УДК 81-114.4

Д.Ю. Никитенко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Акцентная система говора деревни Пятиусово: существительные *а*-склонения

Работа представляет собой исследование фрагмента акцентной системы говора деревни Пятиусово Западнодвинского района Тверской области (псковская группа говоров), данные о которой получены из корпуса этого говора и в ходе полевой работы. Внимание обращается на существительные *а*-склонения (I склонения), описываются обнаруженные акцентные типы и схемы ударения. Отдельно рассматривается постановка ударения в форме винительного падежа у ряда слов, демонстрирующих в этом случае, с одной стороны, отклонение от литературной нормы, с другой – связь с большим ареалом русских и белорусских говоров. Также исследуется вариативность ударения формы винительного падежа единственного числа, формулируется ряд возможных интерпретаций наблюдаемого явления.

Ключевые слова: система ударения, вариативность, диалектология, псковские говоры

Благодарности. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Р.В. Ронько за ценные предложения и поддержку на всех этапах исследования, а также А.В. Тер-Аванесовой и анонимному рецензенту за важные замечания и конструктивную критику.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никитенко Д.Ю. Акцентная система говора деревни Пятиусово: существительные *а*-склонения // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 188–207. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-188-207

D. Nikitenko

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

The accentual system of the Pyatiusovo dialect: *a*-declension nouns

This study explores a fragment of the accentual system of the Pskov dialect, with data obtained from both a corpus and fieldwork. The focus is on *a*-stem nouns (1st declension), with the accent types and stress patterns described. The accent types of nouns are presented in tables, while the stress patterns are given in a dictionary format, allowing for a combined approach to describing the dialect's accentual system. Special attention is paid to stress placement in the accusativus singularis form of a number of words, which in this case demonstrate a deviation from the literary norm on the one hand, and a connection to a broader area of Russian and Belarusian dialects on the other. The variable aspects of this issue are also explored, and a number of possible interpretations of the observed phenomenon are proposed.

Key words: accentual system, variability, dialectology, Pskov dialects

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to his academic supervisor R.V. Ron'ko for valuable suggestions and support at all stages of the research, as well as to A.V. Ter-Avanesova and the anonymous reviewer for important comments and constructive criticism.

FOR CITATION: Nikitenko D. The accentual system of the Pyatiusovo dialect: *a*-declension nouns. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 188–207. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-188-207

1. Введение

В настоящей работе нами предпринимается попытка описать фрагмент акцентной системы говора деревни Пятиусово Западнодвинского района Тверской области. Исследуемый говор относится к псковской группе говоров согласно диалектному членению, представленному

в работе [Захарова, Орлова, 1970] и располагается на ее юго-восточной границе. Будут рассмотрены акцентные типы и схемы ударения существительных *a*-склонения, записанные в ходе полевой работы в деревне Пятиусово, а также сопоставлена акцентуация слов *a*-склонения в говоре деревни Пятиусово с данными современного русского литературного языка (СРЛЯ), других псковских и некоторых соседних с псковскими говоров.

Акцентуацию существительных можно описывать с опорой на понятия схемы ударения или акцентного типа [Зализняк, 1985, с. 17]. Эти две классификации тесно связаны друг с другом и опираются прежде всего на место падения ударения в словоформах морфологической парадигмы слова. Так, схема ударения парадигмы – это запись, показывающая, на каком компоненте (основе или окончании) находится ударение в каждой из словоформ данной парадигмы, при этом для словоформ, у которых один из двух компонентов (основа или окончание) неслоговой, учитывается не фактическое ударение, а ударение некоторой другой словоформы данной парадигмы [Там же, с. 14–15]. Всего у существительных в современном русском литературном языке выделяется шесть основных и четыре дополнительных схемы ударения [Зализняк, 1980, с. 31; Зализняк, 1985, с. 15] (таблица 1).

Особенности дополнительных схем ударений субстантивного склонения:

b' – как в схеме *b*, но в Т. ед. ударение на основе;

d' – как в схеме *d*, но в В. ед. ударение на основе;

f' – как в схеме *f*, но в В. ед. ударение на основе;

f'' – как в схеме *f*, но в Т. ед. ударение на основе.

Что касается акцентных типов, то в работах А.А. Зализняка они делятся на тривиальный и нетривиальный тип. Тривиальный акцентный тип соответствует схеме ударения *a* – например, слова *карта*, *спор*. Нетривиальный тип делится еще на три типа – флексийный (схема ударения *b*), смежно-подвижный (ударение падает на окончание в одних словоформах парадигмы, на последний слог основы – в других), маргинально-подвижный (ударение падает на окончание в одних словоформах, на первый слог основы – в других). К смежно-подвижному и маргинально-подвижному типам относятся восемь схем ударений [Зализняк, 1985, с. 17].

В работах Н.А. Федяниной описание акцентуации существительных русского литературного языка осуществляется в субпарадигмах единственного и множественного чисел по отдельности, причем акцентный тип (схема ударения) устанавливается для каждой из субпарадигм [Федянина, 1976].

Таблица 1

Основные схемы ударения существительных в современном русском литературном языке
[Basic stress patterns of nouns in standard Russian]

	Ударение падает при схеме: [In pattern X, the stress falls on the...]					
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>e</i>	<i>f</i>
Единственное число [In singular]	на основу [stem]	на окончание [ending]	на основу [stem]	на окончание [ending]	на основу [stem]	на окончание [ending]
Именительный падеж множественного числа [In nominative plural]			на окончание [ending]	на основу [stem]		на основу [stem]
Родительный, дательный, творительный, предложный множественного числа [In genitive, dative, instrumental, prepositional plural]				на окончание [ending]	на окончание [ending]	

Вслед за Н.А. Федяниной такое описание принято в ряде вузовских учебников по русскому языку, например, [Касаткин, 2001]. Этот способ акцентологического описания иногда применяется и в русской диалектологии, см. отчеты об экспедициях по изучению русских говоров [Ровнова, 2006, с. 280].

Упомянем также, что чаще при описании славянской диалектной акцентуации используют понятие акцентного типа, определяемого по месту ударения не всех словоформ парадигмы, а лишь «диагностических», опорных форм, позволяющих различать акцентные типы А, В и С. Для существительных а-склонения (I склонения) такими формами являются:

1) любая форма ед. числа, кроме В. ед. (в русских говорах ее ударение позволяет отличить тип А от прочих);

2) в случае флексийного ударения этой формы – ударение формы В. ед. позволяет различить акцентные типы В и С.

Ударение форм мн. числа акцентных типов В и С часто представляет собой результаты вторичных, поздних изменений и рассматривается отдельно или вовсе не рассматривается за неимением материала.

1.1. Описание акцентной системы говора

Подход к описанию акцентной системы говора, используемый в данной работе, опирается на существующие исследования по диалектной акцентологии русского языка. Применяется теоретическая база по русской акцентологии, сформированная прежде всего в работах А.А. Зализняка и нашедшая отражение в ряде грамматик русского языка. Для описания акцентной системы часто используются таблицы, демонстрирующие характерные для говора схемы ударения или акцентные типы (в частности, [Ровнова, 2006, с. 280; Букринская и др., 2008, с. 141]), и приводятся списки слов и их словоформ, относящихся к этим акцентным типам (например, [Хонселаар, 2001; Букринская и др., 2008, с. 141; Дьяченко и др., 2018]).

В этой работе мы будем придерживаться «синкретического» подхода к описанию диалектной акцентной системы: нами будут использоваться как акцентные типы (с различием парадигм единственного и множественного числа), так и схемы ударения. Важно отметить, что акцентные системы различных псковских говоров и близких им северных витебских были не раз описаны исследователями, что позволяет нам сопоставлять эти системы.

Работа устроена следующим образом: в разделе 2 описывается методология и источники данных исследования; в разделе 3 приводятся

обнаруженные акцентные типы и схемы ударения существительных *а*-склонения с иллюстративными словоформами; раздел 4 посвящен обсуждению ударения в формах винительного падежа единственного числа некоторых существительных; в заключении мы даем общую характеристику изучаемому фрагменту акцентной системы говора; приложение содержит список зафиксированных непроизводных существительных *а*-склонения с перечислением встретившихся словоформ.

2. Данные и методы

Работа над изучением акцентуации существительных *а*-склонения проводилась с ориентиром на программу для сбора данных о диалектной акцентуации [Николаев, 1998] – единственной программой для исследований такого рода, которая нам известна, и которая уже использовалась в работе другими диалектологами.

В рамках исследования применялись два основных метода получения диалектных данных. Первый метод представляет собой непосредственную работу с информантами. В ходе экспедиции мы опробовали различные виды опроса: чтение информантом полной парадигмы склонения интересующего нас слова, устные задания на подстановку словоформы, получение запретов на ту или иную постановку ударения. Подобное разнообразие обусловлено, во-первых, различным подходом к разным информантам (например, нецелесообразно применять чтение при работе со слабовидящим консультантом) и, во-вторых, поиском наиболее эффективного метода собирания сведений по диалектной акцентологии. Опрос, включающий в себя чтение, применялся только с информантом НПР1953: носителю было предложено прочесть полную парадигму склонения специально подобранных слов I склонения и одного слова II склонения (*хлев*). При работе с ЗЕС1942 применить метод опроса, включающий чтение, не представлялся возможным. В этом случае информанту устно давался контекст, который было необходимо завершить интересующей нас словоформой. Следующий вид опроса – получение запретов – подразумевает выбор информантом одного варианта постановки ударения, которое, по его мнению, не характерно для носителей данного говора.

Второй метод представляет собой работу с устным корпусом говора деревни Пятиусово¹. С помощью встроенных в корпус инструментов

¹ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

грамматической разметки и лемматизации мы собрали парадигмы интересующих нас слов, а сведения по постановке ударения в них заносили в сводную таблицу.

В работе мы не различали данные, полученные разными методами. Подобное решение обусловлено прежде всего стремлением расширить исследовательскую выборку. Отметим, что некоторое количество диалектного материала осталось непредставленным в работе из-за отсутствия в корпусе словоформ, важных для определения акцентного типа слова и его схемы ударения.

3. Акцентные типы и схемы ударения

Приведем данные об основных акцентных типах (таблица 2) и схемах ударения существительных *а*-склонения, обнаруженные в говоре деревни Пятиусово. Таблица 2 устроена следующим образом: верхняя строка над диалектными примерами содержит встретившиеся нам акцентные типы слов I склонения, причем первая по счету литера соответствует акцентному типу парадигмы единственного числа, а вторая – акцентному типу множественного. Столбцы справа – грамматические формы; отметим, что для говора деревни Пятиусово характерен синкретизм форм дательного и творительного падежей множественного числа, что также отражено в таблице. Диалектные примеры записаны в русской фонетической транскрипции.

Отличительные фонетические явления говора деревни Пятиусово – например, реализация фонемы /v/ как [ʉ] в позиции на конце слога и сильное яканье – вариативны как на уровне носителя, так и на уровне всего коллектива. В этой связи становится актуальным вопрос о том, как должна выглядеть транскрипция диалектных примеров. Поскольку целью настоящей работы не является описание диалектных явлений в области вокализма и консонантизма, в данном случае мы будем последовательно отражать сильное яканье и диалектную реализацию фонемы /v/ на конце слога. Подобная унификация, во-первых, не противоречит данным отдельных носителей и, во-вторых, позволяет избежать чрезмерную алломорфию.

Не менее дискуссионным является вопрос об отображении встречаемых в говоре деревни Пятиусово форм *а*-склонения предложного падежа на -ы (в основах на твердые согласные): см. П. ед. *Тарóпы* (ПВВ1935), П. ед. *стѣраны́* (ЗЕС1942) и др. Это морфологическое явление также вариативно; в таблице 1 приведен показатель предложного падежа, соответствующий современному русскому литературному языку, поскольку при сборе данных по акцентуации словоформ

существительных *a*-склонения информант отдавал предпочтение именно ему. Подробнее о вариативности показателя в говорах Западнодвинского района см. [Ронько и др., 2023]. Акцентный тип СС не был зафиксирован как самостоятельный и потому не представлен в таблице 2.

Таблица 2

**Акцентные типы (акцентные схемы) существительных
a-склонения
[Accentual types (accent patterns) of *a*-declension nouns]**

Формы/Типы [Forms/Types]	АА	ВВ	ВА	ВС
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>f</i>
Единственное число [Singular]				
Именительный [Nominative]	каро́вь	ч'артá	б'адá	рука́
Родительный [Genitive]	каро́вы	ч'арты́	б'ады́	рук'и́
Дательный [Dative]	каро́в'ь	ч'арт'э́	б'ад'э́	рук'э́
Винительный [Accusative]	каро́ву	ч'арту́	б'аду́	руку́
Творительный [Instrumental]	каро́вьj	ч'артój	б'адój	руко́j
Предложный [Prepositional]	каро́в'ь	ч'арт'э́	б'ад'э́	рук'э́
Множественное число [Plural]				
Именительный [Nominative]	каро́вы	ч'арты́	б'эды́	ру́к'и
Родительный [Genitive]	каро́w	ч'э́рт	б'э́т	ру́к
Дательный (= Творительный) [Dative (= Instrumental)]	каро́въм	ч'артáм	б'э́дъм	рука́м
Винительный [Accusative]	каро́w	ч'арты́	б'эды́	ру́к'и
Предложный [Prepositional]	каро́в'ьx	ч'артáx	б'э́д'ьx	рука́x

3.1. Схема ударения *a*

К схеме ударения *a* относятся существительные тривиального акцентного типа (тип АА). Приведем существительные, имеющие высокую частотность в корпусе и соответствующие схеме *a*:

‘баба’ – И. ед. *бабъ*, Д. ед. *баб’ъ*, И. мн. *бабы*, П. мн. *бабъх*

‘бáня’ – И. ед. *ба́н’ъ*, В. ед. *ба́н’у*, И. мн. *ба́н’ъ*

‘дорóга’ – И. ед. *дорóга*, В. ед. *дорóгу*, И. мн. *дорóги*

‘ка́ша’ – И. ед. *ка́шъ*, В. ед. *ка́шу*, И. мн. *ка́шы*

‘ла́па’ – И. ед. *ла́пъ*, Т. ед. *ла́пъй*, И. мн. *ла́пы*, П. мн. *ла́пъх*

‘лопа́та’ – Д. ед. *лапа́те*, В. ед. *лапа́ту*, И. мн. *лапа́ты*

‘Торóпа’ (топоним) – И. ед. *тарóпъ*, В. ед. *тарóпу*, П. ед. *тарóпы*

‘шко́ла’ – И. ед. *шко́лъ*, Р. ед. *шко́лы*, И. мн. *шко́лы*

На нашем материале в схеме ударения *a* не наблюдается слов, демонстрирующих отклонение от литературного ударения.

3.2. Схема ударения *b*

К схеме ударения *b* относятся существительные флексийного акцентного типа (тип ВВ в таблице 1). С уверенностью к этой схеме можно отнести лишь слово *ч’арта́* ‘черта’:

‘черта́’ – И. ед. *ч’арта́*, В. ед. *ч’арту́*, И. мн. *ч’арты́*, Т. мн. *ч’артáм*

Слово *черта* в СРЛЯ может принадлежать как к схеме ударения *b*, так и к *d*. На нашем материале не зафиксированы формы, позволяющие говорить о колебании между схемами ударения слова в этом говоре.

3.3. Схема ударения *d*

Существительные, принадлежащие к схеме ударения *d*, имеют флексийное ударение в формах множественного числа и наосновное ударение в формах единственного числа (акцентный тип ВА). Выявлено одно слово, имеющее схему ударения *d*:

‘бе́да’ – И. ед. *б’ада́*, В. ед. *б’аду́*, И. мн. *б’еды́*, Т. ед. *б’е́дъм*

3.4. Схема ударения *f*

Существительные, принадлежащие в литературном русском языке к схеме ударения *f’*, в говоре деревни Пятиусово, как правило, имеют схему ударения *f* (см. таблицу 2, где эта схема приводится как пример акцентного типа ВС):

‘нога́’ – И. ед. *нага́*, В. ед. *нагу́*, И. мн. *ног’и*, П. мн. *нага́х*

‘рука́’ – И. ед. *рука́*, В. ед. *руку́*, И. мн. *рук’и*, Тв. мн. *рука́м* (интересно и встретившееся сочетание с предлогом: *за руку́*)

‘доска́’ – И. ед. *даска́*, П. ед. *даск’э́*, И. мн. *до́ск’и*, Т. мн. *даска́м* (лит. рус. *d', f*; в говоре не выявлены признаки вариативности ударения в этом слове).

Различие между схемами проявляется только в одной словоформе: при *f'* постановка ударения в В. ед. наосновная (лит. рус. *ру́ку*), а при *f* – флексийная (*руку́*). Подробнее об ударении в форме винительного падежа единственного числа говорится в разделе 4.

3.5. Существительные, принадлежащие к разным или неясным схемам ударения

Формы В. ед. одного слова, встречающиеся с разноместным ударением, могут свидетельствуют о вариативной схеме ударения. Приведем некоторые такие случаи (подробнее см. раздел 4.1):

‘голова́’ – *гълаву́* (3х) (ЗЕС1942), *го́лву* (1х) (ЗЕС1942)

‘сторонá’ – *сто́рону* (11х) (ЗЕС1942), *стѣрану́* (2х) (ЗЕС1942).

Как можно заметить, оба слова, обладающие вариативной схемой ударения, полногласны.

Приведем существительные, предположительно принадлежащие в говоре к схеме ударения *f*. Определение схемы ударения в этом случае осложнено тем, что образование форм множественного числа этих существительных затруднено:

‘вода́’ – И. ед. *вада́*, Р. ед. *вады́*, В. ед. *ваду́*

‘земля́’ – И. ед. *з’амл’а́*, П. ед. *з’амл’э́*, В. ед. *з’амл’у́*.

4. Ударение в формах винительного падежа единственного числа некоторых существительных *а*-склонения

Флексийное ударение в форме винительного падежа *а*-склонения, соответствующее начальному ударению в русском литературном языке, обнаруживает параллели как в других псковских говорах, так и в более широком ареале восточнославянских диалектов (русских и белорусских) говоров. Этот факт представляет исследовательский интерес, поскольку говор деревни Пятиусово является по своему географическому положению периферийным относительно остальных псковских говоров².

Флексийное ударение в форме винительного падежа единственного числа у ряда существительных *а*-склонения (в частности, *руку́*, *нагу́*; см. раздел 3.4) известно не только среди русских говоров западной диалектной зоны [Орлова и др., 1970, с. 404], но и далее на запад,

² Подробно о лингвогеографическом положении говора см. [Ронько, 2026].

на обширной территории, занимаемой говорами белорусского языка [ДАБМ, с. 195]. Данные лингвистической географии показывают, что ареал форм типа *руку́, нагу́* простирается от белорусско-литовской границы на западе (окрестности городов Молодечно, Полоцка) и города Суджа на юге до окрестностей Пскова и Волоколамска на севере и востоке соответственно; небольшой остров с рассматриваемым явлением располагается на восточном побережье Чудского озера [Орлова и др., 1970, с. 404]. Ареал, таким образом, охватывает окрестности таких населенных пунктов, как Минск, Гомель, Могилёв, Орша, Великие Луки, Невель, Опочка, Торопец, Смоленск, Брянск, Курск.

Исследования по диалектным акцентным системам псковских говоров поддерживают данные ДАБМ и [Орлова и др., 1970, с. 404]. Флексивное ударение в винительном падеже рассматриваемых слов характерно для говора деревни Островцы [Хонселаар, 2001, с. 118, 432], однако с тем различием, что в говоре деревни Островцы разные лексемы имеют разную частоту вариаций между схемой ударения *f* и *f'*. Идентичная ситуация наблюдается в говорах Опочецкого района Псковской области [Дьяченко и др., 2018, с. 277].

Говор деревни Пятиусово находится на периферии, в северо-восточной части зоны распространения этого акцентного явления.

4.1. Вариативность акцентного явления

В говоре деревни Пятиусово наблюдается вариативность в постановке ударений в форме винительного падежа единственного числа между существительными, принадлежащих к схеме ударения *f'* в современном русском литературном языке. Рассмотрим вариативность постановки ударения в зависимости от информанта в словоформах *гълаву́/гóльву* и *стѣрану́/стѣ́рну* (см. раздел 3.5) на фоне существительных без вариативности *рука, вада, нага* (таблица 3). Мы также приведем данные о вариативности в постановке ударения у рассматриваемых словоформ в соседствующем говоре деревень Шетнево и Макеево³ (таблица 4), который также относится к псковской группе говоров. В таблице 5 приведены сведения о вариативности по всем трем населенным пунктам.

³ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#/> (дата обращения: 21.03.2025).

Таблица 3

Вариативность постановки ударения в говоре деревни Пятиусово
[Variability of stress placement in the dialect of the village of Pyatiusovo]

Информант [Informants]	Словоформа [Wordform]									
	голову		руку		воду		ногу		сторону	
	Место ударения [Stress placement]									
	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]
ЗЕС1942	1 (25%)	3 (75%)	0	7 (100%)	0	20 (100%)	0	2 (100%)	11 (84,61%)	2 (15,38%)
ПВВ1935	–	–	–	–	0	2 (100%)	–	–	–	–
ЛНГ1954	–	–	–	–	0	1 (100%)	–	–	–	–
Всего [Total]	1 (25%)	3 (75%)	0	7 (100%)	0	23 (100%)	0	2 (100%)	11 (84,61%)	2 (15,38%)

Таблица 4

Вариативность постановки ударения в говоре деревень Шетнево и Макеево
[Variability of stress placement in dialect of the villages of Shetnevo and Makeyevo]

Информант [Informants]	Словоформа [Wordform]									
	голове		руку		воду		ногу		сторону	
	Место ударения [Stress placement]									
	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончании [On the ending]
АПБ1940	0	1 (100%)	–	–	–	–	–	–	–	–
ГИП1953	1 (25%)	3 (75%)	3 (100%)	0	0	6 (100%)	–	–	2 (66,66%)	1 (33,33%)
ИВС1954	0	1 (100%)	–	–	–	–	–	–	–	–
ЗНС1939	0	1 (100%)	–	–	–	–	–	–	–	–
МГА1932	–	–	–	–	1 (14,28%)	6 (85,71%)	0	2 (100%)	–	–
Всего [Total]	1 (14,28%)	6 (85,71%)	3 (100%)	0	1 (7,69%)	12 (92,3%)	0	2 (100%)	2 (66,66%)	1 (33,33%)

Таблица 5

Сводная таблица вариативности (говоры деревень Пятиусово и Шетнево и Макеево)
[Summary table of variability (villages of Pyatiusovo, Shetnevo, and Makeyevo)]

Информант [Informants]	Словоформа [Wordform]									
	голове		руку		воду		ногу		сторону	
	Место ударения [Stress placement]									
	На основе [On the stem]	На окончаниях [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончаниях [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончаниях [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончаниях [On the ending]	На основе [On the stem]	На окончаниях [On the ending]
ЗЕС1942	1 (25%)	3 (75%)	0	7 (100%)	0	20 (100%)	0	2 (100%)	11 (84,61%)	2 (15,38%)
ПВВ1935	–	–	–	–	0	2 (100%)	–	–	–	–
ЛНГ1954	–	–	–	–	0	1 (100%)	–	–	–	–
АПБ1940	0	1 (100%)	–	–	–	–	–	–	–	–
ГИП1953	1 (25%)	3 (75%)	3 (100%)	0	0	6 (100%)	-	-	2 (66,66%)	1 (33,33%)
ИВС1954	0	1 (100%)	–	–	–	–	–	–	–	–
ЗНС1939	0	1 (100%)	–	–	–	–	–	–	–	–
МГА1932	–	–	–	–	1 (14,28%)	6 (85,71%)	0	2 (100%)	–	–
Всего [Total]	2 (18,18%)	9 (81,81%)	3 (30%)	7 (70%)	1 (2,7%)	35 (97,22%)	0	4 (100%)	13 (81,25%)	3 (18,75%)

На фоне говора деревень Шетнево и Макеево говор деревни Пятиусово отличается меньшей вариативностью в постановке ударения: флексивная акцентуация в рассматриваемых словоформах в нем более последовательна.

Тем не менее, наблюдается следующая ситуация: флексивная акцентуация в форме В. ед. для одних лексем более характерна, чем для других. Так, например, ударение *ваду́* занимает 97,22% всех примеров, а ударение *руку́* – уже 70%. Подобная ситуация может наблюдаться и в пределах речи одного информанта: так, ЗЕС1942 демонстрирует вариативность в постановке ударения в словоформе *голову*, чего нельзя сказать о словоформе *воду*, где вариативности не наблюдается вовсе.

Диалектная акцентная модель, таким образом, в настоящее время связана с конкретными лексемами: преимущественно в словах с полногласным корнем. Принцип, по которому одни лексемы демонстрируют меньшую вариативность, чем другие, может быть связан с их частотностью в корпусе: чем частотнее лексема, тем меньше ожидается вариативность в постановке ударения. В таблице 6 представлена зависимость места постановки ударения в словоформе от частотности леммы в корпусах деревень Пятиусово, Шетнево и Макеево. В таблице 7 представлено то же, но отдельно для говора деревни Пятиусово. Словоформы упорядочены в порядке убывания частотности.

Таблица 6

Зависимость места ударения в словоформе от частотности леммы в корпусе (говоры деревень Пятиусово и Шетнево и Макеево)
[Dependence of the stress position in a wordform on the frequency of the lemma in the corpus (villages of Pyatiusovo, Shetnevo, and Makeyevo)]

Словоформа [Wordform]	Ударение на основе [Stress on the stem]	Ударение на окончании [Stress on the ending]	Частотность леммы в корпусах [Frequency of the lemma in corpora]
<i>воду</i>	1 (2,77%)	35 (97,22%)	140
<i>руку</i>	3 (30%)	7 (70%)	87
<i>сторону</i>	13 (81,25%)	3 (18,75%)	84
<i>ногу</i>	9 (69,2%)	4 (30,76%)	60
<i>голову</i>	2 (18,18%)	9 (81,81%)	39
Всего [Total]	26 (30,95%)	58 (69,04%)	410

Таблица 7

Вариативность места ударения в словоформе на фоне частотности леммы в корпусе (говор деревни Пятиусово)
[Variability of the stress position in a wordform against the background of the lemma's frequency in the corpus (village of Pyatiusovo)]

Словоформа [Wordform]	Ударение на основе [Stress on the stem]	Ударение на окончании [Stress on the ending]	Частотность леммы в корпусах [Frequency of the lemma in the corpus]
<i>воду</i>	0	23 (100%)	72
<i>сторону</i>	11 (84,61%)	2 (15,38%)	52
<i>руку</i>	0	7 (100%)	44
<i>ногу</i>	0	2 (100%)	20
<i>голову</i>	1 (25%)	3 (75%)	16
Всего [Total]	12 (24,48%)	37 (75,51%)	204

Как видно из таблиц 6 и 7, гипотеза о зависимости вариативности от частотности по нашим материалам не подтверждается ни для данных по трем деревням, ни для данных для говора деревни Пятиусово отдельно: например, при различающейся примерно в два раза частотности лемм, словоформы *сторону* и *голову* демонстрируют одинаковую вариативность (таблица 6), а в случае с говором деревни Пятиусово видно, что словоформа *сторону*, лемма которой в два с половиной раза частотнее леммы словоформы *голову*, показывает большую вариативность. Таким образом, при имеющейся выборке нельзя сделать однозначных выводов о причинах и природе вариативности в постановке ударения.

5. Заключение

Акцентуация существительных а-склонения в говоре деревни Пятиусово демонстрирует большую схожесть с другими акцентными системами псковских говоров, при этом отличия от системы ударения современного русского литературного языка видны в принадлежности лишь некоторых слов к схемам ударения, не характерных для них в норме.

Отличительная черта акцентной системы говора – акцентуация форм винительного падежа ряда слов а-склонения. Это явление обладает вариативностью как в говоре деревни Пятиусово, так и в соседствующем говоре деревень Шетнево и Макеево. Из материалов видно, что отдельные лексемы обладают меньшей вариативностью, чем другие,

но причины этого явления остаются под вопросом. Тем не менее, сохранение подобной черты в говоре, считающемся периферийным по отношению к остальному массиву не только псковских говоров, но и говоров, где в целом распространено данное явление, говорит о ее устойчивости, хоть и только среди ограниченного круга лексики.

6. Приложение. Списки зафиксированных словоформ непроизводных существительных а-склонения

‘баба’ – И. ед. *ба́бъ*, Д. ед. *ба́бъ*, И. мн. *ба́бы*, П. мн. *ба́бъх*

‘ба́ня’ – И. ед. *ба́нъ*, В. ед. *ба́нъу*, И. мн. *ба́нъ*

‘беда’ – И. ед. *б’ада́*, Р. ед. *б’ады́*, Д. ед. *б’ад’е́*, В. ед. *б’ад’у́*, Т. ед. *б’ад’о́*, П. ед. *б’ад’е́*, И. мн. *б’е́ды*, Р. мн. *б’е́т*, Д. мн. *б’е́дъм*, В. мн. *б’е́ды*, Т. мн. *б’е́дъм*, П. мн. *б’е́дъх*

‘борозда́’ – И. мн. *бо́ръзды*

‘весна́’ – И. ед. *в’асна́*, В. ед. *в’асну́*, Д. ед. *в’асны́*, Т. ед. *в’асно́*

‘вода́’ – И. ед. *вада́*, Р. ед. *вады́*, В. ед. *ваду́*, *во́ду*

‘глы́на’ – И. ед. *гл’и́нъ*, В. ед. *гл’и́ну*, Т. ед. *гл’и́нъ*

‘голова́’ – И. ед. *гълава́*, В. ед. *гълаву́*, *го́лву*, Т. ед. *гълаво́*, Р. мн. *гало́в*

‘доро́га’ – И. ед. *даро́га*, В. ед. *даро́гу*, И. мн. *доро́гъи*

‘доска́’ – И. ед. *даска́*, П. ед. *даск’е́*, И. мн. *до́ск’и*, Т. мн. *даска́м*

‘душа́’ – И. ед. *душа́*, Т. ед. *душо́*

‘еда́’ – И. ед. *јада́*, В. ед. *јаду́*, Д. ед. *јада́*, *јады́*

‘земля́’ – И. ед. *з’амл’а́*, П. ед. *з’амл’а́*, В. ед. *з’амл’у́*

‘ка́ша’ – И. ед. *ка́шъ*, В. ед. *ка́шу*, И. мн. *ка́шы*

‘коза́’ – И. ед. *казá*, В. ед. *казу́*, И. мн. *ко́зы*

‘коро́ва’ – И. ед. *каро́въ*, Р. ед. *каро́вы*, *каро́въ*, Д. ед. *каро́въ*, В. ед. *каро́ву*, Т. ед. *каро́въ*, П. ед. *каро́въ*, И. мн. *каро́вы*, Р. мн. *каро́в*, Д. мн. *каро́въм*, В. мн. *каро́в*, Т. мн. *каро́въм*, П. мн. *каро́въх*

‘коса́’ – И. ед. *каса́*, Р. ед. *касы́*, В. ед. *касу́*, Т. ед. *касо́*

‘кры́ша’ – И. ед. *кры́шъ*, Р. ед. *кры́шы*, Д. ед. *кры́ше*, Т. ед. *кры́шей*

‘кура́’ – И. мн. *ку́ры*, Р. мн. *ку́р*, Д. мн. *ку́рам*

‘ла́па’ – И. ед. *ла́пъ*, Т. ед. *ла́пъи*, И. мн. *ла́пы*, П. мн. *ла́пъх*

‘лиса́’ – И. ед. *л’иса́*, И. мн. *л’и́сы*

‘лопа́та’ – Д. ед. *лапа́те*, В. ед. *лапа́ту*, И. мн. *лапа́ты*

‘мука́’ – И. ед. *мукá*, Р. ед. *мук’и́*, *мук’е́*, В. ед. *мук’у́*, П. ед. *мук’е́*

‘нога́’ – И. ед. *нага́*, В. ед. *нагу́*, И. мн. *но́г’и*, П. мн. *нага́х*

‘рука́’ – И. ед. *рука́*, Р. ед. *рук’у́*, Д. ед. *рук’е́*, В. ед. *руку́*, *ру́ку*, Т. ед. *рукóј*, П. ед. *рук’е́*, И. мн. *ру́к’и*, Р. ед. *ру́к*, Д. мн. *рука́м*, В. мн. *ру́к’и*, Тв. мн. *рука́м*, П. мн. *рука́х*, с предлогом за *руку́*, *за́ руку*

‘ры́ба’ – И. ед. *ры́бъ*, В. ед. *ры́бу*

‘сестра́’ – И. ед. *с’астра́*, Р. ед. *с’астры́*, В. ед. *с’астру́*, Т. ед. *с’астро́ј*, Д. ед. *с’астры́*

‘су́ла’ – И. ед. *с’у́ль*, Р. ед. *с’у́лы*, *с’и́лы*, Т. ед. *с’у́льм*, Р. мн. *с’у́л*, П. мн. *с’и́ла́х*

‘со́лома’ – И. ед. *салóмъ*, Р. ед. *салóмы*, В. ед. *салóму*, Т. ед. *салóмъј*, П. ед. *салóм’ъ*

‘среда́’ – И. ед. *ср’е́дъ*, *ср’ида́*

‘сторона́’ – И. ед. *стѣранá*, Р. ед. *стóръны*, *стѣраны́*, В. ед. *стóръну*, *стѣрану́*, П. ед. *стѣран’е́*, *стѣраны́*

‘теле́га’ – И. ед. *т’ил’е́гъ*, П. мн. *т’ил’е́гъх*

‘Торóпа’ (топоним) – И. ед. *тарóпъ*, В. ед. *тарóпу*, П. ед. *тарóпы*

‘травá’ – И. ед. *травá*, Р. ед. *травы́*, В. ед. *траву́*, Т. ед. *травóј*, П. ед. *трав’е́*

‘черта́’ – И. ед. *ч’артá*, Р. ед. *ч’арты́*, Д. ед. *ч’арт’е́*, В. ед. *ч’арту́*, Т. ед. *ч’артóј*, П. ед. *ч’арт’е́*, И. мн. *ч’арты́*, Р. мн. *ч’э́рт*, Д. мн. *ч’артáм*, В. мн. *ч’арты́*, Т. мн. *ч’артáм*, П. мн. *ч’артáх*

‘шко́ла’ – И. ед. *шко́ль*, Р. ед. *шко́лы*, И. мн. *шко́лы*

‘я́года’ – Р. ед. *я́гъды*, И. мн. *я́гъды*, Р. ед. *я́гът*, Т. мн. *я́гъдъм*

‘я́ма’ – И. ед. *я́мъ*, В. ед. *я́му*, И. мн. *я́мы*

Библиографический список / References

Букринская и др., 2008 – Букринская И.А., Кармакова О.Е., Тер-Аванесова А.В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. 2008. № 13. С. 118–179. [Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E., Ter-Avanesova A.V. The dialects on the border of Byelorussia and Russia. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*. 2008. No. 13. Pp. 118–179. (In Rus.)]

ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963. [Dyjaliektalahičny atlas bielaruskaj movi [Dialect atlas of Belarusian language]. Minsk, 1963.]

ДАРЯ, 1989 – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М., 1989. [Dialektologičeskij atlas russkogo jazyka: Centr Evropejskoj chasti SSSR [Dialectal

atlas of Russian language: Center of European part of SSSR]. R.I. Avanesov, S.V. Bromley (eds.). Moscow, 1989.]

Дьяченко и др., 2018 – Экспедиция в Опочецкий район Псковской области / С.В. Дьяченко, Е.Г. Жидкова, А.В. Малышева и др. // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36 (2). С. 257–312. [Dyachenko S.V., Zhidkova E.G., Malysheva A.V. et al. Expedition to the Opochetsky District of the Pskov Region. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2018. No. 2 (36). Pp. 257–312. (In Rus.)]

Зализняк, 1980 – Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение: Около 100 000 слов. М., 1980. [Zaliznyak A.A. *Grammaticheskij slovar russkogo yazyka: Slovoizmenenie: Okolo 100 000 slov* [Grammar dictionary of Russian language: Inflection: Approx. 100 000 words]. Moscow, 1980.]

Зализняк, 1985 – Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. [Zaliznyak A.A. *От praslavyanskoj akcentuacii k russkoj* [From Proto-Slavic to Russian accentuation]. Moscow, 1985.]

Захарова, Орлова, 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. [Zakharova K.F., Orlova V.G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, 2004.]

Касаткин и др., 2001 – Русский язык: учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин и др. М., 2001. [Kasatkin L.L., Klobukov E.V., Krysin L.P. et al. *Russkij yazyk* [Russian language]. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions. Moscow, 2001.]

Николаев, 1998 – Николаев С.Л. Приложения. I. Акцентологические классы существительных. II. Ударение в полных формах прилагательных // Диалектные различия русского языка. Морфология. Программа для собирания диалектного материала / С.В. Бромлей, И.А. Букринская, Л.Н. Булатова и др. М., 1998. С. 162–166. [Nikolaev S.L. Appendices. I. Accentological classes of nouns. II. Stress in full forms of adjectives. *Bromlej S.V., Bukrinskaya I.A., Bulatova L.N. et al. Dialektnye razlichiya russkogo yazyka. Morfologiya. Programma dlya sobiraniya dialektного материала*. Moscow, 1998. Pp. 162–166. (In Rus.)]

Орлова, 1970 – Захарова К.Ф., Сологуб А.И., Стrogанова Т.Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии / отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1970. [Zakharova K.F., Sologub A.I., Stroganova T.Yu. *Образование severnoruskogo narechiya i srednerusskikh govorov. Po materialam lingvisticheskoy geografii* [The formation of the Northern Russian dialect and Central Russian dialects. Based on linguistic geography]. V.G. Orlova (ed.). Moscow, 1970.]

Ровнова, 2006 – Ровнова О.Г. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН 2005 года // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11). С. 270–282. [Rovnova O.G. Report on the dialectological expeditions of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences in 2005. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2006. No. 1 (11). Pp. 270–282. (In Rus.)]

Ронько и др., 2023 – Ронько Р.В., Азанова А.С., Анисимов А.Д. и др. Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 216–262. [Ron'ko R.V., Azanova A.S., Anisimov A.D. et al. The dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Terechovo and Stepan'kovo

of the Zapadnodvinskij district, Tver region. A grammar sketch and field notes. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2023. No. 2 (39). Pp. 257–312. (In Rus.). DOI: 10.31912/rjano-2023.1.11]

Ронько, 2026 – Ронько Р.В. Экспедиции диалектологического кружка НИУ ВШЭ в деревни Западнодвинского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 9–20. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20 [Ron'ko R. Expeditions of the dialectological study group of the HSE University to the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 9–20. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-9-20]

Федянина, 1976 – Федянина Н.А. Ударение в современном русском языке: учеб. пособие для студентов-иностранцев, обучающихся на филол. фак. вузов СССР. М., 1976. [Fedyanina N.A. *Udarenie v sovremennom russkom yazyke* [Stress in Modern Russian]. A textbook for foreign students studying in the Philological Faculties of Universities of the USSR. Moscow, 1976.]

Хонселаар, 2001 – Хонселаар З. Говор деревни Островцы Псковской области. Amsterdam, 2001. [Honselaar Z. *Govor derevni Ostrovtsy Pskovskoj oblasti* [Dialect of the village Ostrovtsy in the Pskov region]. Amsterdam, 2001.]

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Никитенко Даниил Юрьевич – студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород

Daniil Yu. Nikitenko – student at the Faculty of Humanities, HSE University, Nizhny Novgorod

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2023-3919>

E-mail: indouralistica@gmail.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2026.1

Сайт журнала: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.03.2026.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 13 п. л. Тираж 1000 экз.